

HISTORIA ROSSICA

ARCHIVALIA ROSSICA

ВОСПОМИНАНИЯ
С БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
1917–1918
ГОДОВ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Annotation

История Первой мировой войны бесконечно сложна и запутана, поэтому до сих пор многие ее факты и обстоятельства неизвестны даже ведущим специалистам. Мемуары офицера германского Генерального штаба Эрнста Параквина (Паракена), прежде не публиковавшиеся ни в оригинале, ни в переводе, – ценное свидетельство о событиях на Ближнем Востоке и в Закавказье, а также о последних месяцах существования Османской империи и трагических страницах национально-государственного размежевания после распада державы Романовых. Воспоминания охватывают 1917–1918 годы – время участия Параквина в военных кампаниях в Месопотамии и на Кавказе. Автор мемуаров, поплатившийся своей многообещающей карьерой за то, что осудил убийства армян в Баку в сентябре 1918 года, осмысливает драматические политические процессы, которые разворачивались на периферийных площадках театра Первой мировой войны.

-
- [Воспоминания с Ближнего Востока 1917–1918 годов](#)
 -
 - [Предисловие к немецкому изданию\[1\]](#)
 - [Предисловие к русскому изданию](#)
 - [Введение](#)
 - [1. О биографии Эрнста Параквина](#)
 - [2. Вокруг отвоевания Багдада, 1917–1918](#)
 - [3. Кампания 1918 г. На Кавказе и взятие Баку.](#)
 - [Воспоминания с ближнего востока, 1917–1918](#)
 - [Задача и первые впечатления](#)
 - [Отказ от отвоевания Багдада](#)
 - [Крушение турок в Месопотамии](#)
 - [Военные события во время кризиса](#)
 - [Новый план по отвоеванию Багдада](#)
 - [Переговоры в Тифлисе и Эривани](#)
 - [Завоевание Баку.](#)
 - [Интермеццо в большой политике](#)

- [Резня армян в Баку](#)
- [Отставка и возвращение домой](#)
- [Приложение I](#)
- [Приложение II](#)
- [Приложение III](#)
- [Приложение IV](#)
- [Приложение V](#)
- [Список литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)

- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)

- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)

- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)

- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)

- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)

- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)

- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)

- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)

- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)

- [436](#)
 - [437](#)
 - [438](#)
 - [439](#)
-

Воспоминания с Ближнего Востока 1917–1918 годов

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

© В. Баумгарт, В. С. Мирзаханов, Л. В. Ланник,
составление, комментарии, 2023

© Л. В. Ланник, перевод с немецкого, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Предисловие к немецкому изданию ^[1]

Воспоминания Эрнста Параквина о его службе германским офицером на фронте в Месопотамии в 1917 г. и на Кавказском фронте в 1918 г. ныне находятся в библиотеке МГУ им. М. В. Ломоносова. Они насчитывают 230 машинописных страниц текста на немецком языке. Точных данных о том, как именно они попали в Москву, пока нет. Однако следует исходить из того, что в 1945 г. они были доставлены в Россию Красной армией наряду с прочими архивными материалами и культурными ценностями. Значительная часть этих архивов в 1950-х гг. была возвращена ГДР. Но все документы, сколько-нибудь касавшиеся российской истории, отдавать не стали, а распределили по различным хранилищам в тогдашнем СССР, в том числе по университетским библиотекам. Есть основания предполагать, что Параквин передал свои «Воспоминания» на хранение в один из берлинских архивов, возможно Рейхсархиву (в Потсдаме), в начале 1940-х гг. Вместе с другими архивными фондами из Берлина/Потсдама они были перевезены для спасения от бомбардировок в одно из надежных укрытий в центральной или восточной Германии, а там оказались в руках Красной армии.

Мои российские коллеги, Леонтий Ланник и Велихан Мирзаханов, попросили меня принять на себя издание немецкого оригинала, а они взялись за его перевод на русский и подготовку к изданию. Можно лишь горячо приветствовать, что благодаря этому стало возможно предоставить в общее распоряжение ценный источник по истории Первой мировой войны.

Нет сомнения, что Параквин с самого начала писал свои «Воспоминания» для их последующей публикации. Однако при национал-социалистах это было бы невозможно, ведь автор не раз и довольно отчетливо осуждает политику Турции в отношении армян. Более того, он даже ушел со своего высокого поста начальника штаба турецкой группы армий, ведь резко осудил убийства армян в Баку в сентябре 1918 г.

Дата завершения работы Параквина над текстом нигде точно не упоминается, однако по некоторым указаниям в мемуарах видно, что

она должна была завершиться в самом начале 1940-х гг.

«Воспоминания» Параквина здесь получили и еще пять приложений, три из которых написаны им самим, а еще два – майором Майром, подполковником Фридрихом бароном фон дер Гольцем и генералом Оскаром Грессманном. В приложении I описан тот же период, что и в «Воспоминаниях», однако оно куда компактнее по объему и содержит те или иные детали и рефлексию, что в более пространной редакции отсутствуют. Они взяты из довольно объемной истории семьи Параквин, два тома которой написаны Эрнстом Параквином, но были предназначены, очевидно, лишь для частного использования в кругу родни. Господин дипломированный инженер Буркхард Параквин, проживающий в Виндорфе-на-Дунае, предоставил ее в наше распоряжение. Из этой пухлой рукописи здесь приводятся лишь двадцать страниц, которые описывают период с середины 1917 г. по начало 1919 г., то есть опять-таки в основном деятельность Параквина в Месопотамии и на Кавказе.

В 1920-х гг. Параквин не раз высказывался в прессе по вопросам германской политики на Ближнем Востоке в годы Первой мировой войны. Эти статьи теперь не так-то просто найти, тем не менее одна из них приведена в качестве приложения II, где содержится обзор германской и турецкой политики в регионе – обзор, выдержанный в очень критических тонах, в особенности в адрес Турции. Он был опубликован в двух частях в январе 1920 г. в «Берлинер Тагеблатт».

Приложение III, как и предшествующее, является перепечаткой, а именно – пространного доклада, который Параквин закончил 26 сентября 1918 г. в Тифлисе и направил генералу Гансу фон Секту, тогда бывшему главой турецкого Генерального штаба в Константинополе. В нем в чрезвычайно критическом тоне он описал тяжелые последствия взятия Баку, за которые несла ответственность османская армия, публично осужденные им прямо в кругу турецких офицеров. После этого главнокомандующий османской группы армий освободил его от поста начальника своего штаба. Кипя от отвращения и негодования, Параквин покинул место событий и писал свой доклад под непосредственным впечатлением от недавно пережитого.

В приложении IV приведены два ранее не публиковавшихся доклада о событиях в Баку в сентябре – октябре 1918 г. Авторами обоих являются германские офицеры, ставшие свидетелями

происходившего. Их отчета об увиденном запросил глава германской военной миссии на Кавказе генерал Фридрих барон Кресс фон Крессенштейн. Телеграфный отчет майора Майра еще дышит свежими впечатлениями от резни армян после взятия Баку; в то время как доклад подполковника барона фон дер Гольца, написанный четырьмя неделями позже, уже более сдержан и посвящен в основном его наблюдениям о межнациональной борьбе на Кавказе в целом. Кроме того, Гольцу было поручено составить картину экономической ситуации на нефтепромыслах. Оба отчета хорошо дополняют данные Параквина о событиях в Баку и положении города после его взятия турками.

Приложение V представляет собой еще один крупный источник, однако написан он не Параквином, а высокопоставленным германским офицером, который был отправлен германской Ставкой в Месопотамию несколько ранее него. Автором этого текста стал генерал Оскар Грессманн. Его «Воспоминания» объемом лишь примерно в одну десятую от мемуаров Параквина; однако они хорошо показывают деятельность германского военного уполномоченного в Багдаде, демонстрируя более широкий контекст германской активности в Месопотамии и Персии в годы Первой мировой войны. Его «Воспоминания» – что опять-таки можно установить лишь по оговоркам в тексте – также записаны в начале 1940-х гг., но не публиковались. Их машинописная копия сохранилась в отделе рукописей библиотеки Гёттингенского университета.

Главный источник, «Воспоминания» Параквина, и четыре приложения к нему предоставляют важные свидетельства германских усилий на отдаленном от главных театров военных действий в Европе второстепенном фронте. Они дают впечатляющую картину попыток германского руководства подготовить военный удар в сторону Индии, чтобы сковать там силы британцев, оттянув их с решающего Западного фронта.

Фрау Бригитте Параквин из Нюрнберга весьма любезно указала мне на то, что фамилия Paragün произносится ныне по немецкой норме, то есть «Параквин». Я благодарю ее и за другие консультации по истории ее семьи.

*Почетный профессор Майнцкого университета,
Винфрид Баумгарт*

Предисловие к русскому изданию

«Воспоминания» Эрнста Параквина о самом ярком этапе его военной карьеры офицера германского Генерального штаба – на османской службе в Месопотамии в кампании 1917–1918 гг. и затем на Кавказе летом – осенью 1918 г. довольно сложно шли к читателю. Долгое время они были известны лишь по ссылкам в замечательной и до сих пор (спустя более полувека) востребованной работе Е. Ф. Лудшувейта^[2]. Ее автор умер почти одновременно с выходом в свет этой книги, поэтому добиться публикации ценного источника не смог или не успел. Зарубежные специалисты, рецензировавшие книгу после ее выхода в середине 1960-х гг., в том числе В. Баумгарт, ставший составителем долгожданного ее немецкого издания, отметили использование советским ученым неизданной работы германского генштабиста, но о месте нахождения ее терялись в догадках вплоть до недавнего времени.

С помощью коллеги И. И. Баринова, предоставившего в распоряжение участников данного проекта свои выдающиеся познания о корпусе немецкоязычных источников и литературы, доступном на территории РФ, мемуары Э. Параквина были обнаружены в 2020 г. в Отделе рукописей библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. Руководство Отдела не только мгновенно разрешило ознакомиться с небольшим томиком в 230 страниц машинописи, но и сразу пошло навстречу высказанному пожеланию опубликовать данный источник, что еще раз обязывает поблагодарить за профессиональную помощь и готовность к сотрудничеству. Было очевидно, что рукопись заслуживает не только перевода, но и публикации ее оригинальной версии. На просьбу принять на себя подготовку немецкого издания охотно откликнулся почетный профессор Майнцкого университета В. Баумгарт, дождавшийся такой возможности спустя несколько десятилетий. Он сразу же предложил несколько ценнейших дополнений к основному источнику и помог установить контакты с семьей Параквин и в поиске сохранившейся биографической информации. Необходимую поддержку проекту предоставили руководство Института всеобщей истории РАН и Германский

исторический институт в Москве, договорившиеся о включении данного издания в книжную серию издательства «Новое литературное обозрение».

Судьба рукописи по-прежнему вызывает ряд вопросов и заставляет высказать ряд предположений об обстоятельствах ее возникновения и долгого забвения. Судя по немногочисленным косвенным оговоркам в тексте и на основе не слишком подробных сведений о позднем этапе жизни бывшего офицера Генерального штаба, можно считать, что мемуары были написаны не ранее февраля-марта 1941 г. Едва ли они дописывались существенно позже нападения Германии и ее союзников на СССР, ведь события громадной кампании заставили бы автора сразу же внести некоторые дополнения в воспоминания о Востоке. С некоторой вероятностью можно полагать, что Параквин решился написать о пережитом на османской службе по просьбе сотрудников военного архива и в частности бывшего майора и ветерана восточных фронтов К. фон Мюльманна, который как раз в те годы (в 1940-м, а затем в 1942 г.) опубликовал две важнейшие и до сих пор ценные работы по истории союзнического взаимодействия и особенно германского вклада в противостоянии на Балканах, а также на турецких театрах военных действий^[3]. На томике воспоминаний стоят пометка «6-я османская армия» и номер, что показывает, что некогда эта рукопись была добавлена к коллекции материалов, вывезенных германскими офицерами при их непростой эвакуации из Османской империи, затянувшейся до середины 1919 г.

Качество и манера изложения не оставляют сомнений, что Параквин имел в виду публикацию текста, хотя откровенность его вызвала бы немалые осложнения в условиях Третьего рейха, который, как известно, был заинтересован в сближении с Турцией. Чтобы заблокировать выход в свет данной книги, хватило бы факта участия ее автора в процессе над убийцей Талаата-паши С. Тейлирянном в 1921 г.^[4] Однако явный дефицит германской литературы о любых фронтах Первой мировой войны, кроме Западного, особенно о кампании 1918 г., делал мемуары ценными настолько, что шансы на издание все же следовало считать ненулевыми, особенно в одной из выпускавшихся тогда Рейхс-, а затем Кригсархивом серий военно-исторических исследований по отдельным операциям Великой войны^[5]. По-видимому, в качестве одного из ценных личных

свидетельств в корпусе материалов для новых исследований по истории Великой войны эта рукопись и оказалась в Потсдаме, где дождалась публикации после окончания работы над последними томами главной работы Рейхсархива, подготовленными в 1944 г.

К концу Второй мировой войны военно-исторические исследования оказались почти парализованы, важнейшим вопросом стало сохранение огромной коллекции материалов и документов военных инстанций, однако эвакуацию их успели произвести лишь частично. Детали и масштабы операции по спасению до сих пор известны лишь фрагментарно^[6], однако нет сомнений, что подавляющее большинство фондов прусских и общегерманских военных архивов погибло при бомбардировке Потсдама 14 апреля 1945 г. Остатки материалов и коллекций были затем обнаружены войсками союзников, разделивших Германию на оккупационные зоны. Их сбор и комплектование соответствующих фондов продолжается до сих пор, что видно по массе материалов по истории различных аспектов Великой войны, из личных фондов в Военном архиве во Фрайбурге, до сих пор не введенных в оборот. Основная часть неуничтоженных бумаг бывшего Рейхсархива оказалась в советской зоне, где попытались организовать систематический сбор, а затем вывоз трофейных военно-исторических документов. Е. Ф. Лудшувейт был причастен к этой работе, ведь летом 1945 г. в окрестностях Берлина лично участвовал в установлении ценности собранных едва ли не на улицах бумаг. Возможно, именно тогда он обнаружил мемуары Параквина, добившись их отправки в Москву и передачи в библиотеку МГУ. Наверное, поэтому данный источник не был отправлен в архивы ГДР ни в 1950-х гг., ни в конце 1980-х гг., а следы его после работы Лудшувейта с этими мемуарами затерялись. Составленная выдающимся советским германистом профессором М. Н. Машкиным (1926–2014) справка о состоянии, особенностях оригинала и ценности мемуаров (не датирована) фиксировала базовые параметры 230-страничного переплетенного томика из машинописных страниц с минимальной правкой. Однако и эта экспертная оценка воспоминаний, к сожалению, не получила продолжения. Вполне возможно, в различных хранилищах на территории РФ ждут своего исследователя (и издателя) и другие материалы германских военных архивов. Предпринимаемые ныне усилия по поиску, систематизации и

оцифровке сохранившихся в различных архивах и библиотеках России германских трофейных документов, особенно военно-исторического характера, несмотря на значительные успехи^[7], далеки от завершения. Составители надеются, что данное издание позволит привлечь внимание профессионального сообщества к дальнейшим проектам по обнаружению долгое время считавшегося утраченным военно-исторического фонда, пережившего перипетии Второй мировой войны и десятилетия забвения.

Хотя воспоминания Э. Параквина весьма ценны сами по себе, составители сочли нужным отобрать для их издания ряд приложений. Три из них – фрагмент из двухтомной «Истории семьи Параквин», статья о политике Германии на Ближнем Востоке и доклад начальнику османского Генерального штаба и будущему основателю рейхсвера Г. фон Секту – того же авторства. Наряду с приложением № IV, воспоминаниями германского генерала О. Грессманна, также игравшего значительную роль в германо-османском военном сотрудничестве в Месопотамии, эти приложения, также фактически не введенные в научный оборот, позволяют составить более полную картину описываемых Параквином важнейших процессов на второстепенных театрах Великой войны. Разнообразие жанров приложений и различная дистанция, отделяющая их создание от описываемых событий, обеспечивают возможность проследить, какой далекий путь пришлось пройти от масштабных замыслов будущего рывка в Индию до осмысления полной практической невозможности воплотить самые многообещающие германские экспансионистские проекты. Написанные примерно одновременно с мемуарами Параквина мемуары германского военного уполномоченного в Багдаде О. Грессманна, также ранее не публиковавшиеся, а ныне хранящиеся в библиотеке рукописей Гёттингенского университета, убеждают в том, сколь объективен был в своих оценках османо-германского взаимодействия и непреодолимых трудностей 42-летний майор германского Генерального штаба, заплативший своей многообещающей карьерой за то, что категорически осудил увиденное им в сентябре 1918 г. в Баку.

В. С. Мирзеханов (ИВИ РАН), Л. В. Ланник (ИВИ РАН)

Введение

1. О биографии Эрнста Параквина

Эрнст Параквин^[8] родился 2 марта 1876 г. в Сааргемюнде в Лотарингии. Его предки перебрались из Валлонии и в итоге осели в Баварии, где Эмиль Параквин сделал карьеру железнодорожного инженера, а затем был переведен в недавно приобретенную только что объединившейся Германской империей новую провинцию. Таким образом, Эрнст Параквин является представителем одного из немногих поколений, чье взросление было полностью связано со Вторым рейхом, а биография в известной степени определялась самим фактом произошедшего в 1870–1871 гг. становления новой мировой державы. Эмиль Параквин умер уже в 1882 г., так что его семья вынуждена была вернуться в Мюнхен, где Эрнст окончил полный курс гимназии и, как и многие его сверстники, избрал пользовавшуюся не только в Пруссии, но и в Баварии высочайшим престижем карьеру военного. В 1894 г. началась почти четвертьвековая служба Параквина в баварской армии, где он быстро получил офицерское звание и решительно принялся делать карьеру. Одним из немногих шансов ускорить очень непростое продвижение по службе стало участие в экспедиции по подавлению движения ихэтуаней в Китае. Отбор в контингент будущей морской пехоты был достаточно строгим, но Параквину удалось его пройти. Боевой опыт позволил ему быстро получить место полкового адъютанта, а в 1907–1910 гг. пройти полный курс обучения в Военной академии в Мюнхене. Пользовавшаяся уникальной степенью самостоятельности в военных вопросах Бавария не обладала лишь одной армейской инстанцией, сопоставимой с тем, что находится в Берлине. Баварский Генеральный штаб не шел в сравнение с детищем Мольтке-старшего и Шлиффена – Большим Генеральным штабом. Именно туда командировались особенно перспективные баварские генштабисты, в том числе прикомандирован к нему в 1911–1913 гг. был и Э. Параквин. Непростая, но, безусловно, амбициозная карьера прерывалась лишь командировками на строевые должности. Именно на таком промежуточном этапе – командования ротой в 4-м баварском пехотном полку – и застала капитана Параквина Великая война.

Первые ее месяцы молодой генштабист провел в ожесточенных боях на Западном фронте в составе 33-й резервной дивизии. Она наступала от Меца на верденском направлении, неся тяжелые потери, но уже к середине сентября фронт стабилизировался. Огромная убыль кадровых офицеров и общий дефицит подготовленных генштабистов во все более разрастающейся армии быстро обеспечили Параквину перевод на более подходящую должность – одного из офицеров Генштаба – во вновь созданном штабе корпуса генерала графа Ф. Ботмера, который должен был помочь австро-венгерским войскам удержать фронт в Карпатах. Вскоре Параквин был произведен в майоры, а затем и получил тогда еще весьма престижный Железный крест 1-го класса. Успешная для Центральных держав кампания 1915 г. на Восточном фронте требовала наращивания военных усилий. Германским офицерам все чаще приходилось возглавлять смешанные соединения, что повышало требования к уровню генштабистов. Баварец Параквин стал 1-м офицером Генштаба в образованном из целого ряда австро-венгерских частей корпусе генерала от кавалерии Маршалла, действовавшем в Галиции. Не подозревая того, он уже вышел на высший этап своей карьеры. Дальнейшие его назначения – в баварские части вновь на Западном фронте, а потом на все более спокойные его участки – ни высоких наград, ни новых званий не принесли. Он вновь оказался в Лотарингии, где фронт со времен его отъезда на Восток нисколько не изменился.

Возможно, поэтому он с куда большей охотой, чем хотел признать в написанной истории семьи^[9], последовал вызову в германскую Ставку в Кройцнахе в июле 1917 г., где получил возможность сдвинуть свою карьеру с мертвой точки. Свое пребывание и беседы в Верховном Главнокомандовании он описал, хотя, вероятно, очень о многих разговорах «на высшем уровне» предпочел умолчать. Через три недели его наконец-то вызвали по телеграфу, чтобы предоставить ответственный, сложный и пока совершенно не ясный для него пост: начальника штаба 6-й османской армии, действовавшей в Месопотамии. С самого начала никаких сомнений в возможности неудачи испытывать не приходилось: весной того же года эта армия потерпела тяжелое поражение и потеряла Багдад, что стало сильным ударом по авторитету на Востоке турецких войск, окрепшему было после победы под Кут-эль-Амарой. Задача перед новым начальником

штаба армии во главе с Халилом-пашой ставилась явно невыполнимая: отвоевать Багдад. Всю степень бесперспективности усилий на новом своем посту Параквин вынужден был познать только на непосредственном опыте, что потом и легло в основу соответствующей части его воспоминаний.

Он провел в северной Месопотамии более полугода, тщетно борясь с неотвратимой деградацией всей османской военной организации. За это время 6-я турецкая армия избежала действительно катастрофических поражений лишь потому, что британцы не придавали особого значения данному театру военных действий, да и общее положение Центральных держав на Кавказе и Среднем Востоке существенно улучшилось после развала русской армии. Быстрое наступление османских войск в Закавказье в марте – мае 1918 г. и вовсе открыло новые горизонты экспансии, что привело к обострению отношений между Германией и Портой, ведь младотурки вознамерились компенсировать любые потери в Палестине и Месопотамии за счет территорий бывшей Российской империи, пытаясь реализовать эфемерные пантуранские проекты^[10]. Решение этой задачи было поручено новой группе армий «Восток», командуящим которой стал Халил-паша, взявший с собой и Параквина, ведь тот, несмотря на все разногласия и неудачи, сумел завоевать доверие начальства не только в профессиональном, но и в личностном отношении.

На новом посту Параквин столкнулся с едва ли менее, а во многом и более сложной задачей, хотя в военном отношении действия вверенных ему войск увенчались – после некоторых неудач – взятием Баку 14–15 сентября 1918 г. Эти бои стали последней победой Центральных держав над войсками Антанты во всей Великой войне, однако воспользоваться ее плодами было невозможно. В том числе потому, что и без того сложные отношения между германскими военными советниками и османским генералитетом обострились еще сильнее. Параквин уверял, что именно его усилия привели к тому, что Баку удалось взять вопреки вопиющей нерешительности и непрофессионализму турецкого командования. Тем более он был возмущен картинами разорения и мародерства во взятом городе, а также полным пренебрежением его протестами со стороны главного триумфатора – Нури-паши. Его начальник – Халил-паша – хотя и

питал к Параквину дружеские чувства, довольно легко избавился от возмущенного подчиненного, поддавшись эйфории после последней османской победы в Великой войне. Германский майор вместе с несколькими коллегами уехал в Тифлис, где с июня 1918 г. действовала германская военная миссия генерала Ф. Кресса фон Крессенштейна^[11], тщетно апеллируя в подробном отчете к Г. фон Секту, возглавлявшему с декабря 1917 г. османский Генеральный штаб^[12]. Новое назначение, непременно вне рядов османской армии, где теперь для него любые посты были исключены, Параквин получить не успел. Ему сильно повезло в том, что он, везя с собой значительное количество документов командных инстанций, где прослужил более года, успел благополучно добраться до Германии еще до того, как революционный хаос охватил железные дороги всей Восточной и Центральной Европы. 9 ноября 1918 г. Параквин уже лично наблюдал главные события Ноябрьской революции в Берлине.

Не менее увлекательной могла быть и следующая стадия карьеры Параквина, ведь он – в отличие от подавляющего большинства своих коллег – был готов принять необратимые политические изменения и даже не побоялся заявить об этом, вступив в политические дебаты. Однако вопреки установлению республики и значительной трансформации прежних институтов власти и общества вооруженные силы сохранили в лучшем случае снисходительное отношение к новому государственному устройству^[13]. Разгром Советской Баварии и провал Капповского путча парировали, как тогда казалось, угрозы и справа, и слева. Офицерам-республиканцам, а тем более сторонникам социал-демократии в рейхсвере места быть не могло, невзирая ни на какие прежние связи и знакомства. Поэтому Э. Параквин после четверти века военной карьеры решил начать новый этап своей жизни, связав ее с переобучением в Мюнхенском университете (специальность – современные языки) и частными заработками. Его выступления в прессе, по-видимому, не принесли должного эффекта, так что следующие десятилетия он прожил вдалеке от исторических событий. Написание публикуемых здесь воспоминаний стало, вероятно, наиболее заметным вкладом в его наследие и достойным венцом былой карьеры офицера Генерального штаба.

Эрнст Параквин умер 23 сентября 1957 г. на 82-м году жизни. Он не был женат и не оставил потомства, что делает особую честь его

семье, сохранившей память о своем незаурядном родственнике.

2. Вокруг отвоевания Багдада, 1917–1918

Османская империя в ходе Великой войны оказалась в самом тяжелом стратегическом положении из всех стран Четверного союза, воюя на многих фронтах (турецкие коллеги насчитывают до семи!) без минимально необходимой для этого инфраструктуры. Отдаленность полей сражений и невиданный размах военных усилий – до двух миллионов мобилизованных в османские армии – могли компенсировать очевидно непосильную задачу, однако лишь временно. Несмотря на героическую оборону Галлиполи и упорные попытки наступать или сорвать неуклонное наращивание вражеских армий, кольцо сжималось. После тяжелых неудач на Кавказском фронте в кампанию 1916 г. на следующий год пришел черед неизбежных поражений и на других театрах военных действий. Первой из знаковых катастроф стала утрата Багдада 11 марта 1917 г., с которой младотурки не желали смириться, хотя продолжала назревать и последовала в ноябре – декабре 1917 г. не менее существенная драма в Палестине, где британские войска вошли в Иерусалим.

Не только в Константинополе, но и в Берлине были крайне обеспокоены неудачами на Ближнем Востоке, а потому с лета 1917 г. масштабы германской военной помощи, подробно описываемые в том числе и Э. Параквином финансовые потоки, были значительно увеличены. Во главе новой группы армий «Йилдырым» был поставлен бывший глава германской Ставки, блестяще проявивший себя при разгроме Румынии осенью 1916 г. генерал Э. фон Фалькенгайн. С ним прибыл целый ряд германских генштабистов, значительно усилился германский Азиатский корпус, приступили к тяжелейшей работе по налаживанию снабжения. Быстро выяснилось, что успешно укреплять сразу два периферийных фронта невозможно, а концентрироваться лишь на одном из них означало рисковать крупными неудачами на другом. Общей бедой османских армий в Месопотамии и Палестине было неоконченное строительство важнейших магистралей, которые соединили бы Константинополь через Алеппо не только с Мосулом, но и с Газой. По иронии судьбы необходимые для этого туннели в

Таврских горах были окончены именно тогда, когда османские армии постиг полный крах, в сентябре 1918 г.

По дороге в Мосул в конце августа – начале сентября 1917 г. Э. Параквин смог в полной мере оценить контраст между уровнем организации и снабжения армии, к которому он привык ранее, и тем, как приходилось обеспечивать потребность османского фронта в северной Месопотамии: гужевым транспортом и почти аварийными узкоколейками. Попытки массового применения автоколонн парировались полным бездорожьем и острым дефицитом топлива. Некоторым облегчением был речной транспорт, однако в этой сфере перемен не было со времен Ассирийского царства. Следствием этого была не только невозможность нарастить силы 6-й армии для желаемого контрнаступления, но даже сколько-нибудь удовлетворительно снабжать уже задействованных в Месопотамии солдат, хотя их численность постоянно снижалась и в итоге едва превышала дивизию штатного состава. Фантастическая коррупция и сложная для осознания европейцами этика ведения хозяйственных дел в этом регионе (что подтверждает и О. Грессманн) дополняли безотрадную картину. Смерть от голода османских солдат стала типичным явлением, так что ее официально признавали «героической гибелью за Отечество»^[14].

Хватало и иных проблем, подрывавших боеспособность армии настолько, что от дальнейшего отступления ее удерживали только сравнительная пассивность британских войск и неблагоприятные погодные условия. Стратегическая важность северной Месопотамии для любых проектов экспансии на Среднем Востоке, с очередной попыткой вовлечь в антибританскую войну Персию и Афганистан, а то и поднять восстание против колониальных властей в Индии, была очевидна. Энтузиастов этих идей было вполне достаточно не только в военных, но и в дипломатических кругах^[15]. Однако столь же явной была неспособность к реализации действительно масштабных проектов, в том числе из-за особенностей османской военной элиты. Взаимодействие с младотурецким генералитетом вообще давалось германским специалистам не просто, и уже в феврале 1918 г. после явной неудачи всех начинаний покинул османскую службу Э. фон Фалькенгайн. Впредь ничего кроме обороны на Ближнем Востоке Центральные державы планировать не могли.

Пассивность британцев в Месопотамии сочеталась с постепенным наращиванием их сил в Палестине, так что в случае развала фронта на побережье Средиземного моря положение 6-й армии под Мосулом стало бы безнадежным. К весне 1918 г. она сократилась настолько, что боевого состава хватило бы в лучшем случае на одну полную дивизию. Все хуже обстояло дело с вооружением, и при любом напоре британцев османские войска отступали, ведь они были беззащитны даже перед символическими силами авиации или скольконибудь мобильных отрядов и кавалерии. Э. Параквин убедился в том, что максимумом возможного на его посту был бы выигрыш времени, никакие разъяснения начальству относительно катастрофы фронта результата не давали, в том числе потому, что помочь чем-либо Э. фон Фалькенгайн, Г. фон Сект были бессильны, ведь для этого пришлось бы исправить все то, с чем тщетно десятилетиями боролись прусские военные миссии в Порте со времен Г. фон Мольтке – старшего. К аналогичным выводам приходили и другие германские генштабисты, хотя это не мешало постоянным разногласиям и между ними, особенно с участием О. Лимана фон Сандерса. Отчаянное положение войск Центральных держав на фронтах в Азии парадоксальным образом сочеталось с упорным отказом принять невозможность изменить его к лучшему и к откровенному признанию лишь оборонительных перспектив.

3. Кампания 1918 г. На Кавказе и взятие Баку

Развал Кавказского фронта русской армии, быстрый вывод войск и вспышки Гражданской войны в российском Закавказье стали той внезапной переменной в обстановке, которая позволила Османской империи не просто выдержать еще одну кампанию, но вдруг ощутить себя победительницей и тут же приступить к утопическим проектам возвращения всех территорий на востоке, утраченных за два столетия неудачных войн. Германская дипломатия и военные оказались не готовы к столь захватывающим перспективам, хотя возможность получения ценных ресурсов из Закавказья, в особенности нефти из Баку, была крайне увлекательной. К маю 1918 г. ситуация с османской экспансией на Кавказском фронте стала явно неуправляемой, и Германия вынуждена была принять экстренные меры для укрепления своих позиций в регионе, форсировав образование независимой Грузии, полностью нуждающейся в германской помощи. Однако миссия Ф. Кресса фон Крессенштейна в Тифлис прибыла лишь к концу июня, да и войск в ее распоряжении поначалу было слишком мало – чуть более двух батальонов. В это же время, к огромной тревоге различных кайзеровских инстанций, Порты заставила региональные государства-лимитрофы Российской империи подписать Батумские мирные договоры (4 июня) и стала стремительно оформлять собственную зону гегемонии между Черным и Каспийским морями^[16]. При этом младотурецкие лидеры уверяли недовольную германскую Ставку в том, что авантюрная экспансия на восток вызвана лишь стремлением обеспечить нужные позиции для будущего отвоевания Багдада, поэтому главной целью является не столько Баку, сколько Тебриз. С этим в германских штабах и ведомствах были готовы согласиться, ведь постепенное усиление британских войск (и остатков русской армии, поступивших на службу бывшим союзникам^[17]) в Персии настораживало. Опасались и успешного наступления войск Бакинской коммуны, которая подчинялась большевистскому правительству в Москве и получала от него – в обмен на нефть – военную помощь. Категорическое непризнание большевиками всех закавказских правительств означало, что в случае победы войск из

Баку (в основном из армянской части населения этого города) последует возобновление войны с Османской империей, а также попытки наступления на Тифлис.

После яростного конфликта между германской и османской Ставками в июне 1918 г., перешедшего в стадию личного противостояния Э. Людендорфа и Энвера-паши, споры, казалось, были урегулированы. Неумные экспансионисты из османского генералитета были сняты с постов или дали гарантии полной координации дальнейших действий с германской миссией в Тифлисе. Обеспечивать ее должен был командующий новой группой армий Халил-паша, который для этого выехал на совещание на высшем уровне в Константинополь. С собой он взял и Э. Параквина, оставшегося его начальником штаба и после этого повышения. Германский майор Генштаба мог полагать, что сделал еще один заметный шаг по карьерной лестнице, отправившись с безнадежного во всех отношениях поста на обреченном фронте в сложную и очень перспективную миссию по установлению контроля Центральных держав над огромным регионом с пестрым населением и массой застарелых конфликтов. Параквину – при всей его лояльности к османским коллегам и лично к Халилу-паше – пришлось на личном опыте вникать во все более кровавые страницы истории Закавказья, о которых он до этого знал лишь понаслышке или не хотел верить. И все же даже после визита в Эривань и беседы с католикосом о катастрофическом положении беженцев-христиан баварский начальник штаба османской группы армий воздерживался от радикальных выводов, в первую очередь исполняя свой долг ради общих интересов Центральных держав.

О специфике позиции Параквина, его усилиях сохранить союзнические отношения с османским генералитетом, когда приходилось действовать на свой страх и риск, ведь указания опаздывали, можно говорить уверенно, если сравнить его отзывы с недавно опубликованными воспоминаниями и документами Ф. Кресса фон Крессенштейна, главы германской военной миссии в Тифлисе^[18]. Еще сильнее отличаются и сохранившиеся лишь частично документы Г. фон Секта, главы германской миссии в Баку Ф. фон дер Гольца^[19] и ряд иных свидетельств, уцелевших в фондах Политического архива германского дипломатического ведомства (РА АА)^[20] и пока не

введенных в научный оборот. Имеющихся материалов^[21] вполне достаточно, чтобы констатировать организационно-техническую недостаточность германских усилий в столь далеком регионе, отчаянные попытки разобраться в хитросплетении войны всех против всех в Закавказье, попытку добиться конкретных результатов побыстрее и крайне скромными силами.

Хотя в итоге германских генштабистов постигла неудача, на фоне объективной трудности и даже невыполнимости стоявших перед ними задач следует признать, что были достигнуты успехи, вероятно, максимальные из возможных. Офицерам приходилось все чаще заниматься политикой, экономикой, чуть ли не этнографией, но чисто военные задачи – от тактического до стратегического уровня – с них при этом никто не снимал. Прекрасно осознавали и нехватку времени: Центральные державы отчаянно нуждались в притоке сырья, топлива, возвращении военнопленных и новых союзников. Важно было всеми силами укреплять престиж в регионах распавшейся Российской империи, но не тратить силы, втягиваясь в сложные национальные и социальные конфликты. Вся сложность переплетавшихся процессов Параквин – как и его коллеги – мог лишь угадывать, ведь из-за трудностей со связью, в том числе из-за прямого османского саботажа, часто важнейшие известия или распоряжения от вышестоящих инстанций неделями шли в окрестности Баку через Константинополь, Севастополь и Тифлис. Поэтому в мемуарах германского генштабиста нет ни слова о подписанном в германской столице Добавочном договоре от 27 августа, который прямо затрагивал судьбы Закавказья и сопровождался секретной нотой о германо-большевистском взаимодействии, направленном не только против британцев, но и против экспансии младотурок^[22]. Эти соглашения в итоге лишились актуальности благодаря подготовленной Параквином победе Исламской армии под Баку, ведь критический недостаток сведений из далекого региона испытывали и в Москве, и в Берлине.

Находившийся в эпицентре решения судьбы нефтепромыслов генштабист был плохо осведомлен – например, по сравнению с Ф. Крессом фон Крессенштейном – о том, что происходит в соседних странах и провинциях. Судя по мемуарам, он не представлял себе расстановку сил в Персии, Закаспийской области, Дагестане, а тем более на фронтах Гражданской войны в других регионах России. Лишь

догадываться он мог и о той катастрофе, что назревала на других периферийных фронтах Великой войны, но вряд ли ожидал действительно драматического поражения на Западном фронте, хотя напряжение борьбы за каждый метр французской территории познал на личном опыте. Тем более события приняли неотвратимый характер, ведь почти одновременно совпали громкая отставка германских офицеров из османских штабов в Азербайджане, крах османских армий в Палестине и Месопотамии, а затем и прорыв Салоникского фронта, ставший началом конца Четверного союза. Катастрофу, надвигавшуюся на Центральную Европу и менявшую все представления о будущем, германский майор воспринимал с явным привкусом той трагедии, что уже довелось наблюдать на улицах Баку.

Несколько беллетристический слог Параквина и порой эмоциональные пассажи добавляют его воспоминаниям новые грани, выводя их за рамки сухой военной истории и присущего трудам Рейхсархива диапазона тем и стилей. Даже некоторое преувеличение им своей роли или заслуг выглядит вполне естественной чертой подобных произведений вообще, так что при всех оговорках насчет личной скромности или чужой неблагодарности данный текст делает современное представление о битве за Баку, да и о трагедии османского фронта в Месопотамии богаче на минимум еще одну грань в широком спектре оценок. При этом мемуарист совершенно не стремился к тону обвинительного памфлета или к бинарным оценкам, даже там, где двух мнений, казалось бы, и быть не может. Иллюстративная ценность воспоминаний Параквина совершенно не снимает задачи анализа болезненных событий в истории Закавказья, однако способна прояснить многое в последовательности и фоне принятия решений и в психологической обстановке в высших османских штабах.

Опыт столкновения с куда более сложной действительностью, совершенно чуждой всему ранее привычному, навсегда изменил его. Это видно хотя бы потому, что сразу же после проигранной войны, когда шла отчаянная схватка за места в небольшом (400 тысяч, постепенно сократившиеся до 100 тысяч) временном рейхсвере, майор отправился изучать иностранные языки, повышать образовательный уровень, хотя на недостаток интеллектуального развития офицеры Генштаба и без того не жаловались. «Штатский», по-своему не менее

интересный, особенно в рамках особого жанра постимперских биографий исследований, этап жизненного пути Параквина потребовал бы иного издания. Но здесь будет не лишним подчеркнуть, что те немногие сведения, что есть о судьбе отставного майора в 1919–1921 гг., показывают, сколь нестандартной личностью он был среди своих коллег, куда более предсказуемых – и по взглядам, и по манере восприятия и «переработки» поражения в Великой войне. Достаточно указать лишь на то, как именно Параквин описывал пережитые им месяцы Советской Баварии^[23] и сделанные им выводы. В отобранном для публикации фрагменте «Истории семьи Параквин» нет доказательств искренности дальнейшей аполитичности отставного майора Генштаба. Однако оснований не верить в такое его заявление о своей военно-политической «абстиненции» по итогам трагедии Великой войны и революции в Германии у нас куда меньше, чем в отношении недавних коллег и сверстников Параквина, оставшихся в рейхсвере. Хотя аполитичность этих вооруженных сил «версальского образца» непрестанно подчеркивалась, его руководство совершенно иначе проявило себя в схватке за власть, погубившей Веймарскую республику. Отставным офицерам и генералам – как Э. Параквину, так и адресату его отчета о событиях в Баку Г. фон Секту – оставалось лишь бессильно за этим наблюдать.

В. С. Мирзеханов, Л. В. Ланник

**Воспоминания с ближнего востока,
1917–1918**

Задача и первые впечатления

После падения Багдада в марте 1917 г.^[24] турецкое Верховное Главнокомандование обратилось к Германии с вопросом, готов ли генерал фон Фалькенгайн принять на себя задачу по изгнанию англичан из древней резиденции халифа. После краткой ознакомительной поездки в мае 1917 г. через Мосул в Киркук Фалькенгайн согласился^[25] при том условии, что помимо стоявшей по берегам Тигра 6-й армии ему будет подчинена также вновь формируемая 7-я турецкая армия, а также германский Азиатский корпус. И то и другое было ему обещано.

Эти вооруженные силы были сведены в группу армий F, которая в Турции получила официальное наименование «Йилдырым» (то есть «молния»)^[26]. Штаб этой группы армий был укомплектован немцами и турками. Начальником его стал полковник фон Доммес^[27]. В 1915–1916 гг. он был моим начальником, когда я служил 1-м офицером Генштаба в корпусе Маршалла^[28] в Галиции. Ему я и обязан своей миссией в Турции.

Наступление против стоявшей западнее Багдада английской армии генерала Мода^[29] должно было начаться самое позднее в январе 1918 г. 7-я армия и Азиатский корпус должны были двигаться вдоль Евфрата, а 6-я армия двумя колоннами вдоль Тигра и Диялы. Для прикрытия восточного фланга 6-й армии от неожиданных ударов из Персии^[30] следовало образовать особый летучий отряд под командованием баварского капитана Нидермайера, который в начале войны руководил экспедицией в Афганистан^[31]. Части 6-й армии необходимо было оставить и в горах на персидско-турецкой границе под Ревандузом для прикрытия от действий русских.

Удар группы на р. Дияла следовало развить как можно дальше через Мендели к востоку от Багдада, чтобы отрезать англичан от Басры или заставить их очистить Багдад. Смело задуманная операция не подразумевала серьезные помехи со стороны русских в северо-западной Персии. Знаменитый перевал Пейтак, важнейший из всех в горах Загроса, был противником не занят. Все предшествовавшие действия русских и крайняя сложность наступления по этой лишенной

дорог и суровой гористой местности вполне оправдывали подобное отношение в оперативном плане Фалькенгайна.

Я прибыл в Константинополь 20 августа 1917 г. и был размещен в отеле дворца Пера, ведь все остальные гостиницы оставались переполнены. Полковник фон Доммес сообщил мне, что я буду назначен начальником штаба 6-й армии, штаб-квартира которой ныне находится в Мосуле.

21-го меня принял маршал фон Фалькенгайн, с которым я впервые встретился в 1900 г. в Пекине в штабе графа фон Вальдерзее^[32]. Он вспомнил меня по этой встрече в Китае и потому был подкупающе любезен.

Он подробно осветил политическую и военную обстановку в Турции. Вся власть оставалась в руках партийной клики, младотурок. Целью их было обновление здания Османской империи, основанной на единстве принадлежности к исламу. Однако рано или поздно они потерпели бы неудачу из-за арабов.

6-я армия была в плохом состоянии, особенно неудовлетворительным было снабжение. Поэтому первой моей задачей было приведение армии в готовность к участию в операции. Нельзя было терять времени.

Он попытался быстрыми штрихами обрисовать мне образ моего будущего командующего, 35-летнего Халила-паши^[33]:

«Пьет, играет, любит женщин – словно германский лейтенант кавалерии! Потерял Багдад – однако, несмотря на это, остался командующим армией, ведь он – дядя Энвера^[34]. По-видимому, не без энергии и личной храбрости, однако в оперативных понятиях совершенно не смыслит!»

И Фалькенгайн отпустил меня с призывом поддерживать дружеские отношения с турками, насколько это вообще возможно наряду с энергичным отстаиванием интересов дела в целом.

Беседы с маршалом, полковником фон Доммесом, германскими и турецкими офицерами Генштаба и знатоками этой страны позволяли вполне ясно понять, что подготовка к столь масштабно задуманной операции продвинулась не особенно далеко. При краткости имеющегося в распоряжении срока – максимум четыре месяца – отмечалась известная нервозность.

Со всех сторон навалились проблемы делового и личного характера. Преодоление их осложнялось тем, что штаб, который пополнялся все новыми работниками, до сих пор еще не был способен вести отлаженную работу. В Константинополе было невозможно получить четкое представление относительно истинной обстановки в Месопотамии. Сначала я излучал вполне понятый оптимизм недавно прибывшего из Европы, не веря в безотрадные описания моих собеседников, ссылавшихся на рассказы и доклады других лиц, ведь ни один из них не видел положение 6-й армии собственными глазами. Кроме того, я часто сталкивался с тем типом германского офицера, который считает ложным и вредным по умолчанию все то, с чем он сталкивается в других странах, включая их традиции, не соответствующие тому, к чему он привык на Родине. Такие люди не способны дать беспристрастную оценку принятым за рубежом порядкам. Поэтому я настоял на скорейшем выезде на фронт, чтобы как можно скорее составить собственное представление о ситуации.

Моя поездка откладывалась, ведь пришли известия, что реализация экспедиции по отвоеванию Багдада оказалась под вопросом.

В 4-й турецкой армии в Палестине получали все больше донесений от агентов о том, что англичане перебросили крупные подкрепления. Прибытие с европейского театра военных действий знаменитого генерала Алленби^[35] позволяло предполагать возобновление наступления британцев уже с началом прохладного осеннего периода. Джемаль-паша^[36], командующий 4-й армией, не был уверен в том, что его войска смогут выдержать атаку превосходящих сил противника. Поэтому он запросил у заместителя Верховного Главнокомандующего^[37] Энвера-паши отправку 7-й армии в Палестину.

Один взгляд на карту^[38] показывает, что, прежде чем задумываться об операции против Багдада, необходимо было обеспечить турецкий фронт в Палестине. Ход последующих событий, осенью 1918 г., доказал, что турецкая армия в Месопотамии была обречена, если только англичане продвинулись в Сирию, перерезав ее единственную железнодорожную ветку, связывающую с Анатолией под Халебом (Алеппо).

Османское Верховное Главнокомандование все же не сделало необходимых выводов из данных соображений. Ведь иначе оно было бы обязано принять решение добиться полной оперативной свободы в первую очередь за счет атаки на англичан в Палестине. Если бы туркам удалось одержать решительную победу под Газой, можно было бы или вернуться к старому плану наступления к Суэцкому каналу^[39], или провести наступление силами «Йилдырыма» на Багдад.

Однако турецкие войска не были достаточно сильны, чтобы одновременно и удерживать фронт в Палестине от любых атак англичан, и атаковать Багдад. Поэтому запрос Джемал-паши поставил турецкую Ставку в немалое затруднение.

Ведь она уже спешно договорилась с Германией об операции под Багдадом. Вполне понимали, какое чрезвычайное значение союзники Турции придавали отвоеванию Багдада. На цели операции «Йилдырыма» в Турцию хлынули дюжины миллионов золотом, которых не хватало и самой Германии. И теперь самим же уничтожить те надежды, что пробудили ранее? С чисто восточной недалекновидностью неприятное решение откладывали день за днем. Я вспоминаю, что Фалькенгайн как-то раз пришел в ярость. Он уже договорился о встрече с Энвером и Джемалем, но оба просто не пришли.

Как и всегда в таких случаях, выбранный в конце концов вариант уже был худшим решением. План действий «Йилдырыма» не стали менять, однако одну из дивизий 7-й армии передали в 4-ю армию. Вполне следовало предполагать, что подобная полумера не сможет дать гарантию прочности турецкого фронта в Палестине. И в тайне турецкая Ставка все же надеялась, что опасения нового английского наступления на Иерусалим позднее окажутся необоснованными. Но что же будет, если действительно последует мощная атака англичан, а 4-я армия вновь обратится за помощью? И тогда неизбежным станет дальнейшее ослабление 7-й армии.

Вот на таких шатких основаниях операцию против Багдада выстраивать было нельзя. Да и отстаиваемое Джемалем-пашой использование всех сил 7-й армии только для обороны в Палестине тоже не могло дать желаемого результата. Поэтому Фалькенгайн предложил османской Ставке атаковать силами 4-й и 7-й армий и германского Азиатского корпуса англичан под Газой. Однако все

подготовительные меры и для операции под Багдадом следовало продолжить. Как только будет одержана решительная победа на фронте под Газой, сразу же после нее должна была последовать и атака на Багдад.

Замысел был ясен и прост. Однако сомнительно, что хватило бы времени: задействовать 7-ю армию осенью 1917 г. в Палестине, а после ожидающихся тяжелых боев уже в январе 1918 г. подготовить ее к новой операции на Евфрате^[40]. Таким образом, видимо, был неизбежен перенос операции против Багдада на осень 1918 г.

Энвер-паша не смог уклониться от давления обстоятельств. Он вынужден был сообщить германскому Верховному Главнокомандованию, что из-за ситуации в Палестине необходимы изменения в запланированных в Азии операциях. Полковник фон Доммес 25 августа выехал в германскую Ставку, чтобы лично доложить Людендорфу^[41] об обстановке.

В тот же день маршал фон Фалькенгайн вызвал меня к себе и заявил, что в любом случае, раньше или позже – зависит от развития ситуации в Палестине, но 6-я армия должна будет атаковать. Поэтому в мою задачу входит подготовка этого наступления. Сам он на этот раз описал ситуацию со снабжением армии как безотрадную. Один гамбургский коммерсант, господин Браун, которого он отправил для проверки положения, сможет дать мне более полную информацию в Халебе. К сожалению, с незаменимой здесь твердой валютой некоторые перебои, однако он надеется, что сможет отправлять мне еженедельно по 100 тысяч турецких фунтов (то есть 2 миллиона марок^[42]) золотом.

Утром 27 августа я выехал в Халеб.

Поездка по Малой Азии заняла шесть дней. В Конье я использовал остановку, чтобы осмотреть знаменитый памятник эпохи Сельджукидов, гробницы в мечети Алаэddина^[43] с высокими белыми тюрбанами на гробницах, а также главный монастырь танцующих дервишей, которых я уже встречал в Стамбуле^[44]. Добрую память сохранил я о скалистой, но частью поросшей густым лесом котловине Карапунар (то есть «черный источник»), где пока оканчивалась основная часть Багдадской магистрали. Здесь после тяжелой поездки по жаре я смог весьма основательно помыться и взбодриться, а затем уютно посидеть вечером на свежем воздухе на удобном стуле перед

офицерским казино, наслаждаясь мирно заходящим за отроги Тавра солнцем. Ранним утром 31 августа началась авантюрная 5,5-часовая поездка по узкоколейке через горы, ведь туннель в Тавре до сих пор не был открыт. К несчастью, здесь нередко были падающие блоки, а также сходы с рельс. Вагоны одного из недавно перевернувшихся составов узкоколейки в беспорядке валялись на склонах. Вдоль всей дороги рядом с рельсами лежали бесчисленные и полуобгоревшие тюки с хлопком. Лишь малая часть отправляемых ценных грузов достигала Германии. Слишком уж велика была опасность возгорания от искр для открытых платформ, ведь топили дровами. В Гелебеке (то есть «бабочка»), поселении, основанном на Багдадской магистрали для строительства на другой (восточной) стороне недостроенного Таврского туннеля, – который и действительно осел здесь лишь ненадолго, словно бабочка, – начинался восточный участок полномасштабной магистрали.

Днем 2 сентября мы прибыли в Халеб. Первым стойким ощущением стало зрелище мощной цитадели, которая возвышалась своими огромными дымовыми трубами – похожими на фабричные трубы во французском индустриальном районе в Артуа – над этим городом с некоторым налетом Запада. Я встретил любезный прием у германского коммерсанта Флехзига.

Важнейший из моих визитов был к господину Брауну. Он был по происхождению англичанин, но в начале войны принял германское подданство^[45]. Он провел много лет в Ираке, представителем крупной гамбургской фирмы «Вёнкхаус и Ко»^[46]. Не было сомнений в том, что он весьма основательно знал эту страну. Без всяких красивых фраз он деловито описал мне положение 6-й армии со снабжением и транспортом как крайне серьезное, а потому полагал, что любой замысел наступления на Багдад следует совершенно исключить. Он был первым, кто уже тогда опасался голода в Месопотамии, и потому выступал за немедленный вывоз животных и людей в более плодородные области.

5 сентября представилась возможность продолжить поездку в Мосул, где находилась штаб-квартира 6-й армии. Я ехал в товарном вагоне с двумя германскими офицерами – сапером и летчиком, которые направлялись туда же. В три часа пополудни мы пересекли Евфрат у Джераблуса по 800-метровому мосту, на том историческом месте, где в

сражении при Кархемише в 605 г. до Р. Х. Навуходоносор Вавилонский наголову разбил египетского фараона Нехо^[47]. В степи уже показались похожие на пчелиные ульи глинобитные хижинки – губабы, характерные формы которых можно видеть на изображениях еще ассирийских времен. По обе стороны железной дороги все больше было и насыпных куч, как правило, конусовидной формы, которые называют «телль». Они остались от руин былых крупных поселений, указывая их местонахождение. Пауль Рорбах^[48], с которым я познакомился во время моего прикомандирования к Большому Генеральному штабу в 1911–1913 гг., уделял вопросу об этих «телль» большое внимание и сделал немало интересных выводов об ареале их распространения, однако это поле для исследований и сегодня еще можно считать непочатым краем. Здесь можно получить важные сведения о происхождении и характере населения в различные исторические эпохи.

Около полудня 6 сентября мы прибыли в Телль-Хелиф, где действующий участок железной дороги пока что оканчивался. Шла постройка следующего участка, до Нисибина. На выжженных солнцем унылых степных просторах мы встретили любезный прием в маленьком лагере из палаток и глинобитных хижин, принадлежавшем германским тыловым инстанциям.

Бравые бенедиктинки из обители Тутцинг, что на Штарембергском озере в Верхней Баварии, предложили нам простую трапезу и подали освежающий чай. Позднее я встретил в Мосуле и других членов этого ордена.

Я хотел бы с искренней признательностью вспомнить об этих немецких женщинах, там, на самом переднем краю, отдававших все свои силы посреди опасностей смертоносного климата, тяжелых болезней и боевых действий в пустыне, ведь у них никогда не иссякала любовь к ближнему, с которой они трудились в столовых и госпиталях в Месопотамии.

На фоне заката на горизонте поднимались отвесные горы, которые потом на севере, за бесконечными степными просторами, закрывают по-царски расположенный Мардин. Наряду с недалекой Дарой (где я посетил руины римской и византийской эпохи)^[49] и Нисибином это были важнейшие приграничные крепости римлян и византийцев на границе с «Диким Востоком».

Впервые я наслаждался величественными чарами звездной ночи в пустыне. И сегодня еще, более двадцати лет спустя, меня охватывает ностальгия по этому неопишуемому зрелищу, что открывается в ясной усеянной светилами ночи над молчащей степью, а тогда я мог месяц за месяцем любоваться ею с моей походной кровати на крыше моего дома в Мосуле.

Ранним утром 7 сентября я отправился на автомобиле через пылавшую жаром степь к ближайшему тыловому лагерю в Демир-Капу (то есть «железные ворота»). Комендантом в этой специфической местности вулканического происхождения – где выплескивавшиеся прямо из земли потоки базальта теперь были источены песками пустыни до самых причудливых форм – служил один ветеран германских кампаний в Юго-Западной Африке^[50]. О нашем «менаже»^[51] позаботился фельдфебель из австро-венгерской автоколонны, приданной 6-й армии. В ходе пешей прогулки по окрестностям лагеря я обнаружил на скалах редкие примитивные сцены охоты и фигуры верблюдов, а также небольшие орудия из обсидиана, которые напоминали кресала времен каменного века. Ночью мне мешал спать жалобный вой шакалов, подступавших к самим палаткам. Ежевечерне мне приходилось слышать, сидя в моем доме в Мосуле на берегу Тигра, их плачущие голоса, когда они спускались мимо земляных валов Ниневи, чтобы утолить жажду из реки.

8 сентября 1917 г. около 10:30 утра я прибыл в Мосул. Мольтке побывал здесь весной 1838 г., то есть 79 лет назад. Однако он прибыл по Тигру на келлеке^[52].

Тонкие минареты большой мечети давно уже известили о близости большого города, пока я ехал по пустыне. И вот я уже еду по запыленным кладбищам, расстилающимся перед полуразрушенной городской стеной, а затем – развилка грязных дорог к дому на Тигре, где жил мой предшественник господин фон Кречмар^[53], здоровье которого не выдержало жаркого климата, так что он теперь нетерпеливо дожидался смены.

Я и сейчас хорошо помню тот момент, когда вступил с залитой ярким светом улицы в затемненный широким курдским шатром двор дома и бросил взгляд через дверь на голубой Тигр и земляные валы

древней Ниневии с возвышающейся на старом храмовом холме мечетью Неби Юнус^[54] на другом берегу.

Однако на исторические размышления и любование окружающими красотами не было времени. Настоящее неотступно требовало своего.

Отказ от отвоевания Багдада

6-я армия все еще находилась в состоянии, постигшем ее после падения Багдада полугодом ранее, весной 1917 г., когда она вынуждена была с тяжелыми потерями отступить из плодородного Ирака в пустынные окрестности Мосула.

В местностях, богатых водой, и в окружении прилежно возделываемых полей под Багдадом в армии попросту не было ведомства, занимавшегося снабжением. Людей и животных без труда обеспечивали довольствием расстилавшейся вокруг страны с ее полями зерновых и плантациями финиковых пальм. Внезапное отступление в вилайет Мосул, представлявший собой почти неосвоенные степные или гористые территории, поставило перед армией задачи, к которым она была не готова.

Теперь уже за счет местных ресурсов войска было не прокормить. 18-й корпус стоял под Тикритом на Тигре, а вокруг него была редко населенная степь. 13-й корпус был отеснен на позиции по обе стороны Диялы, на унылых утесах. Передовые посты этого корпуса удерживали лишь небольшие остатки плодородной долины Бакуба. Одна отдельная дивизия закрывала долину Евфрата к северо-западу от Хита. Персидская жандармерия с шведскими офицерами, перешедшими на германскую службу^[55], вместе с небольшими отрядами турок блокировала перевалы в горах под Сулейманией и Ревандузом от рейдов русских войск в Персии. Протяженность фронта армии от Евфрата до левого ее крыла в горах Курдистана составляла примерно 450 км. Длина тыловых коммуникаций 18-го корпуса от конечного пункта железной дороги до передовой достигала 400 км.

Таким образом, армия внезапно оказалась перед необходимостью организованного подвоза продовольствия из глубины страны, ведь каких-либо тыловых учреждений в вилайете Мосул и на Тигре не было, так как в Ираке довольствие осуществлялось за счет местных ресурсов, а все остальное доставлялось по Евфрату.

Первое время войска самостоятельно выходили из положения. Они собирали все обнаруженные у населения припасы, до которых только могли дотянуться. Порой там, где не было транспортных

средств, новый урожай ячменя пришлось скормить еще на полях. Но вскоре сложности в снабжении проявились в полной мере.

После прекращения возможности выпаса животных пришлось перевести на рацион в один-два килограмма ячменя ежедневно. Другого фуража фактически не было.

При отсутствии какой-либо организации складированные запасы от прежних урожаев уже были бесполезны. А новый урожай либо не убрали, либо потравили еще на полях. Всю организацию тыла и взаимодействия с вали (то есть главой местной администрации) вилайета Мосула пришлось в принципе налаживать заново. А пока что следовало покрыть хотя бы самые насущные потребности за счет закупок.

Одновременно следовало немедленно обустроить линии коммуникаций для корпусов. Для 18-го корпуса оставались только келлеки (речные суда мелкого тоннажа), то есть судоходство по Тигру, а сообщение грузовиками было очень ограничено. В 13-м корпусе снабжение можно было осуществлять только гужевыми колоннами и прежде всего караванами верблюдов, ведь оставшиеся колонны грузовиков были необходимы для обеспечения потребностей армии на 270-километровом участке ее громадного тыла между конечным пунктом железной дороги и Мосулом.

Новые проблемы доставило обустройство судоходства на келлеках. Келлек – это транспортное средство древнего образца, которое было увековечено еще на ассирийских рельефах. Это судно, у которого несущая поверхность представляет собой тонкий деревянный настил на надутых бурдюках. Запасов бараньих шкур (турлумб) и деревянных штанг в Мосуле не было. Древесину приходилось доставлять издалека – из района Дехезире и Сахо, где его закупают, а потом сплавляли по Тигру. Потребность в бараньих бурдюках вообще нельзя было покрыть в полосе действий 6-й армии. Помощи запросили в соседних армиях, однако они, разумеется, не поспешили откликнуться на эту просьбу. Потребность в древесине была очень велика, ведь отправить обратно уже использованные при сплаве доски для их повторного применения было невозможно. Так что турлумбы уже у конечного пункта спускали и отправляли в Мосул автомобилями. Прошли месяцы, прежде чем удалось устроить сколько-нибудь регулярное сообщение на келлеках.

В 13-м корпусе довольно скоро выяснилось, что при больших расстояниях небольшие вьючные животные по пути съедают чуть ли не весь их груз, так что их рейсы оканчиваются уже без полезного груза. При длившихся целыми днями переходах по степным просторам, из-за отсутствия тыловых складов необходимо было, чтобы каждый осел, мул или лошадь несли на себе и свой запас фуража на весь путь. Таким образом, спустя короткое время эти вьючные животные уже были исключены из процесса транспортировки. Оставались только верблюды (дромадеры). С началом холодного сезона их владельцы отогнали стада на юг, ведь эти животные не выносят более холодного и промозглого зимнего климата. И никакие самые заманчивые предложения не смогли бы отвратить их от этой насчитывающей тысячелетия и основанной на климатических и продовольственных соображениях привычки. Так что оставались лишь неповоротливые колонны повозок, запряженные быками и буйволами. Уже в августе – то есть еще до откочевки верблюдов – в 13-м корпусе начался серьезный транспортный кризис.

Необходимость крупных закупок продовольствия и средств транспорта вызвала нарастающие потребности армии в деньгах. Их можно было покрыть лишь в ограниченном объеме за счет османского военного министерства, причем бумажными банкнотами. Однако местное население купюры брать не желало – на основании прежнего неудачного опыта и врожденного недоверия всех восточных людей к этому платежному средству, – а потому требовало оплаты монетой. Несмотря на категорические приказы и драконовские штрафы, которые тогда наложил вали Хайдар-бей, чтобы заставить принимать в оплату бумажные деньги по равному с монетами курсу, перемен добиться не удалось. Арабские купцы спокойно позволяли полицейским прибывать себя к ставням их лавок за мочки ушей по приказу вали, но по существу не отступали ни на шаг.

Официальная торговля быстро замерла, а на ее место пришел черный рынок. Тыловые органы уже не могли провести никаких закупок. И где хотя бы в оптовой торговле еще удавалось добиться приема платежей купюрами, теперь – словно в насмешку над всеми официальными распоряжениями – был установлен курс, по которому фунт ассигнациями был равен 17 пиастрам монетами, то есть равнялся 1/6 стоимости по официальному курсу.

Огромная убыль вьючных животных при отступлении так и не была возмещена. В корпусах не хватало 9 тысяч голов от штатной численности тяглового скота. Еще 5 тысяч голов было необходимо, чтобы оснастить армию обозами и парками, тем самым сделав ее способной к операции, а к тому времени, осенью 1917 г., она еще таковой не была. Многочисленные формирования, в том числе легкие парки, имели упряжки с медлительными быками и буйволами, так что они не могли выдерживать общий темп с конными частями, а постоянно отставали в ходе дневных переходов. Необходимо было произвести замену на мулов и лошадей. Потребность в лошадях в вилайете Мосул удовлетворить было нельзя, даже если полностью парализовать сельское хозяйство – прежде всего, обработку наследственных наделов и подвоз продовольствия для населения, что и в принципе было невозможно.

Большую убыль личного состава также было никак не покрыть. Армия тогда насчитывала около половины боевого состава. За первые 6 месяцев после отступления с боями только дезертировало до 7 тысяч человек. При этом речь шла не о ненадежных курдских или арабских элементах, а о ядре османской армии – анатолийских солдатах. Так как Турция вступила в Мировую войну сразу же после боев в Йемене и Триполитании, а также обеих Балканских войн^[56], то многие из них уже служили по пять-восемь лет. Плохое и скудное снабжение и тоска по родине вынуждали даже этих терпеливых и послушных жителей Малой Азии дезертировать толпами. Все попытки призвать в армию арабскую молодежь в вилайете Мосул оканчивались провалом, ведь едва оставшись без надзора рекруты бежали, да еще и продавали свое оснащение и оружие бедуинам. Да и с курдами было то же самое.

Столь же слабым было снабжение и военными материалами. За незначительными исключениями в войсках не было никакого телефонного оборудования. Когда же позднее я приказал одной батарее в Джебель-Хамрин открыть огонь по английскому лагерю, то мне сразу бросилось в глаза, что связь между наблюдателями и самой огневой позицией поддерживалась только порученцами. Задав соответствующие вопросы, я узнал, что на батарее нет телефонного оборудования со времен кампании в Дарданеллах^[57]. Да и оснащения для забираемых для нужд армии животных и повозок тоже не было. Обмундирование и обувь затмевают любые попытки их описания.

Личный состав в прямом смысле ходил в лохмотьях, в разорванных башмаках, а то и босой. Оснащение у авиации тоже находилось в плачевном состоянии. Большая часть грузовиков была уже непригодна.

Складов для пополнения парков в случае наступления и специальных лагерей с топливом для автоколонн, авиации и радиостанций не имелось. Потребность в горючем для грузовиков при расстояниях в почти 1000 км, которые предстояло проехать на пути между конечным пунктом железной дороги и передовой, а затем обратно, была при этом столь велика, что она поглощала треть вообще всего доставляемого этими же машинами снабжения армии. Поэтому нужны были большие хранилища бензина и нефти, ведь иначе снабжение прекратилось бы прямо во время наступления.

Пропускной способности Хайдар-паша (вокзала в азиатской части Константинополя), а тем более станции Тель-Хелиф, конечной на железной дороге, а также имевшихся в распоряжении армии транспортных средств и денег в монете и близко не хватало, чтобы как-то покрыть все эти потребности. Важнейшая из всех, длиной около 350 км тыловая проселочная дорога Мосул – Киркук – Кифри – фронт 13-го корпуса на Дияле была на большей части своего полотна непригодной для грузовиков, прежде всего для действительно тяжелых, с обилием стальных частей германских трехтонок. И хотя штаб «Йилдырыма» приказал 18 августа с середины сентября сделать эту дорогу подходящей для грузовиков, чтобы можно было приступить к размещению сети военных складов для фронта, однако просто выполнить этот приказ было невозможно, что привело лишь к нарастающей нервозности вышестоящих инстанций, которые пытались свалить на подчиненных ответственность за эти поспешные и заведомо невыполнимые распоряжения. Ни на Тигре под Мосулом, ни на обоих Забах^[58] не было мостов, по которым могли бы проехать грузовики. Много раз запрашиваемые материалы для их строительства не прибыли. Древесина и прочие материалы в вилайете отсутствовали. Рабочую силу черпали из состава армии или из местного населения, однако в крайне недостаточном количестве и без должного оснащения орудиями труда, отправляя в унылую гористую местность, так что еще и обеспечение их питанием тут же вызывало дополнительные трудности. Отданные моим предшественником распоряжения представляли собой образцовое исполнение своих служебных

обязанностей, однако с самого начала не было сомнений в том, что будет совершенно невозможно выполнить их к указанному сроку. Но из-за этого откладывалось и формирование незаменимых для наступления складов, тем самым готовность армии к операции оказалась отодвинута на неопределенный срок.

Из данного описания видно, что самой важной предпосылкой для наступления на Багдад было увеличение личного состава армии почти наполовину, а животных – на 14 тысяч голов, да и доставить предстояло бесчисленное количество совершенно незаменимых материалов.

Однако реальная обстановка не позволяла прокормить даже уже имеющихся в распоряжении людей и животных. Каждый день уже тогда подыхали дюжины голов нашего скота. Личный состав страдал от бескормицы.

Последняя же причина плохой ситуации со снабжением, не считая местных условий пустынных земель вилайета Мосул, заключалась в недостаточной провозоспособности Анатолийской и Багдадской магистралей, невзирая на все усилия в этом направлении, а также в слишком большой дистанции до конечного пункта железной дороги от фронта 6-й армии. При таких обстоятельствах всего за несколько месяцев добиться перемен к лучшему не смогла бы ни одна держава в мире. В штаб-квартире «Йилдырыма» я узнал, что маршал Лиман фон Сандерс^[59] постоянно призывал обратить внимание и предупреждал Фалькенгайна об этом. Однако успеха он не добился.

С самого начала, таким образом, возникли неразрешимые противоречия между необходимыми для наступления условиями и реальной обстановкой. В оставшееся у нас время добиться решительных перемен к лучшему в отношении довольствия и транспортного обеспечения 6-й армии было невозможно.

Такова была общая картина, вполне ясно и отчетливо сложившаяся у меня после подробных бесед и обсуждений в Константинополе, Алеппо и Мосуле. Задача сделать к январю 1918 г. 6-ю армию способной к проведению наступательной операции была изначально невыполнимой.

Из разговоров с Фалькенгайном и Доммесом я вынес впечатление, что всю серьезность положения в штабе «Йилдырыма» еще не осознали. Произведенная маршалом в мае^[60] этого года поверхностная

рекогносцировка была явно недостаточной, чтобы после нее составить действительно верное представление. Турки сознательно утаивали от него – с истинно восточной вежливостью желая избавить начальника от любых неприятных впечатлений – всю безнадежность сложившегося положения. Частично же они и сами еще не поняли этого, частично им стало ясно лишь в последние месяцы лета 1917 г. [61]

Мне казалось, что крайне необходим новый разговор с маршалом фон Фалькенгайном. И когда через телетайп я узнал, что он отправляется через Алеппо в короткий визит на фронт под Газой, я решил сопроводить моего предшественника на его обратном пути, а прибыв в Алеппо, попросить о беседе с маршалом.

13 сентября мы прибыли туда, а 14-го Фалькенгайн вызвал нас к себе. Он был весьма раздражен столь сложно разрешаемыми проблемами, которые со всех сторон громоздились, угрожая запланированной им операции. Опыт, который до сих пор ему удалось получить в Турции, был каким угодно кроме обнадеживающего. И когда разговор зашел об Энвере, то негативный и обвинительный тон, в котором о нем говорил Фалькенгайн, отчетливо указывал на то, сколь низкого он мнения о турецком вице-генералиссимусе.

Поначалу он был удивлен, что я счел необходимой повторную нашу беседу, однако затем, видимо, вполне с этим согласился, ведь положение уже изменилось. Поначалу он в моем присутствии выслушал подробный отчет моего предшественника, хотя и с видимым нетерпением. Когда же тот необдуманно заговорил о том пессимизме, который чувствуется у турок в Месопотамии, Фалькенгайн прервал его презрительным мановением руки и повернулся ко мне с сильно интонируемой фразой:

«Весьма благодарная миссия для Вашего оптимизма, Параквин!»

В завершение он попросил меня после обеда явиться к нему одному. Тогда он, дескать, и сообщит мне свое окончательное решение.

В ходе этой беседы он доверительно сообщил мне, что положение с момента нашего последнего совещания 25 августа принципиально изменилось. 7-я армия отправляется на фронт под Газой. Он принимает верховное командование в Палестине. А вот по-прежнему подчиняющаяся ему 6-я армия остается в обороне.

Весьма неожиданно к этому ясному и простому решению Фалькенгайн присовокупил, что он оставляет за собой вариант как можно скорее атаковать частями 7-й армии на Евфрате. А потому 6-я армия должна быть в состоянии наступать на Тигре – имея фланговую колонну на Дияле, – пока Нидермайер будет готовить диверсии в Персии.

После данной моим предшественником весьма реалистичной картины обстановки в 6-й армии я просто не ожидал, что маршал еще раз вернется к идее о наступлении 6-й армии. Было ясно, что Фалькенгайн попросту пока не проникся болезненным, однако неотвратимым осознанием того, что эта армия в обозримом будущем попросту не может обрести дееспособность к наступательным операциям. Он все пытался найти причину для по меньшей мере временного отказа от операции против Багдада в виде ставшей необходимой отправки 7-й армии в Палестину, однако в действительности 6-я армия и позднее никогда не смогла бы быть готовой к началу наступления, даже если бы ход событий в Палестине и позволил привлечь к нему 7-ю армию. Ход события вполне подтвердил правильность этого мне вполне ясного уже тогда вывода.

В последний раз я видел маршала фон Фалькенгайна 5 октября 1917 г. среди пустыни между Мосулом и Демир-Капу у Тель-Увенат, куда он прибыл с полковником фон Доммесом на совещание с Халилом-пашой. С учетом последнего переговоры пришлось вести на французском языке. Это обстоятельство, а также восточная вежливость – то есть принцип никогда не говорить своему начальству чего-либо неприятного – были виной тому, что положение армии со снабжением было опять-таки представлено в куда более розовых тонах, нежели оно было в действительности. Когда после совещания, – где мне сложно было высказаться с учетом присутствия Халила-паши, ведь я не мог ему публично возражать, – на котором я попытался притормозить этот внезапный неоправданный оптимизм турок, я еще раз сказал маршалу с глазу на глаз, что реальную обстановку со снабжением армии так и не удалось обсудить, маршал слушал меня с видимым недовольством, а затем свысока взглянул на меня и сказал: «Вспомните о Бонапарте! Когда он перевел своих голодающих солдат через Альпы, он показал им плодородную долину По и сказал: „Завоюйте эту страну, где найдется, что поесть!“»^[62]

Мне ничего не оставалось, кроме как молча – руку под феску – уйти. Ведь Фалькенгайн столь же хорошо, как и я, знал, что 6-я армия в ее теперешнем состоянии не сможет добиться улучшения своего отчаянного снабжения за счет завоевания плодородного Ирака.

В ходе разыгравшейся в последующие месяцы трагедии в Месопотамии я не раз возвращался в мыслях к этому красивому жесту.

Когда пятью месяцами позже, в феврале 1918 г., Фалькенгайн возвращался вместе с Доммесом из Палестины домой, слава его имени на Востоке уже померкла. Иерусалим пал. Планы насчет Багдада похоронены. И летчики победоносного Алленби сбрасывали издевательские листовки: «Громоотвод-то здесь! Где же молния? (то есть „Йилдырым“!)».

Один офицер, тесть которого встречался с Фалькенгайном, рассказывал мне, что в Константинополе Фалькенгайн в узком дружеском кругу сказал: «Здесь на юге я не допустил никаких ошибок. Моя единственная ошибка в том, что я вообще поехал в эту страну».

И едва ли можно полагать, что он погрешил против истины. Причины были гораздо глубже.

В мирное время османский Генеральный штаб не предпринял никаких подготовительных мер для возможной кампании в Месопотамии. Ведь истый турок не испытывал никакой симпатии к этой чуждой арабской стране. Немногочисленные гарнизоны в жарком нездоровом климате считались местом для отбывания наказаний. Растущая заинтересованность Германии к району Багдада лишь усилила антипатию турок. Когда Багдад пал, османские офицеры иронически заявили своим германским коллегам: «Аллах отдал ваш Багдад англичанам!» Халил-паша как-то раз крикнул мне зимой 1917/18 г. в приступе плохого настроения: «Да бросим уже англичанам все эти пустыни! Что мы вообще там потеряли?»

Германия же не имела возможности сколько-нибудь подготовиться к действиям в этой стране. Ситуация с нашей картографией и военно-историческим описанием к началу кампании показывала, что основательно изучением ведения боевых действий в этом столь важном для германской политики на Ближнем Востоке регионе не занимались^[63]. Вот поэтому едва ли можно было найти германского офицера Генштаба, который бы действительно хорошо знал особую обстановку в Двуречье и был бы знаком с этой страной после

длительного пребывания еще в мирное время. Еще во время войны я имел возможность убедиться, что германские и турецкие инстанции в Константинополе вовсе не имеют ясного представления о реальной ситуации. Они полагали, что она несущественно отличается от таковой в Сирии и Палестине. И это была чрезвычайно прискорбная ошибка, которая возымела тяжелейшие последствия для армии в Мосуле. Когда в одном из докладов генералу фон Секту весной 1918 г. я выразил сожаление тем, что пока не было возможности приветствовать в Мосуле ни одного офицера из Верховного Главнокомандования^[64], он отправил ко мне одного немолодого германского офицера Генштаба. Я никогда не забуду тот момент, когда этот господин, измученный несколькими днями поездки под палящим зноем в безлесной степи между Алеппо и Мосулом, глубоко впечатленный полным отсутствием каких-либо поселений, дорог и вообще действующей телефонной линии по всему пути следования, а также прочих признаков цивилизации, вошел в мою комнату и едва ли не в отчаянии воскликнул: «Да, это уж поистине настоящая пустыня!» Я не смог сдержать улыбки и ответил: «Я очень рад, что у Вас теперь сложилось такое ощущение – в Косполи^[65] никак не могут составить верное представление, несмотря на все наши донесения!»

В начале Мировой войны видно то же пренебрежение фронтом в Ираке, как и остальными фронтами турецких войск. И лишь когда вполне реальной стала угроза со стороны англичан, туда был отправлен маршал Кольмар фон дер Гольц^[66]. Но до победы под Кут-эль-Амарой, которой были обязаны единственно и только его полководческому искусству, ему дожить было не суждено. Его смерть стала невосполнимой утратой. Халил-паша попытался воспользоваться славой этой величайшей турецкой победы^[67]. Однако с непостижимым легкомыслием он оставил для защиты Багдада в Ираке лишь небольшие силы – 18-й корпус, а 13-й корпус вместе со смешанным отрядом из персидской жандармерии^[68] и немцев был отправлен в общем и целом в бессмысленный рейд в Персию, вызванный в основном неясной политической линией обеих стран, и не принес никаких сколько-нибудь прочных успехов^[69].

Новое хорошо подготовленное наступление англичан оставшийся один 18-й корпус не выдержал. Спешно отозванный из Персии 13-й

корпус лишь был увлечен общей волной поражения. Англичане с победой вступили в Багдад.

Ошибки, допущенные в ходе изначально недостаточной подготовки кампании в Ираке и лишнего плана и легкомысленного руководства после смерти барона фон дер Гольца, уже невозможно было исправить. Участь Багдада была решена и осталась таковой.

Крушение турок в Месопотамии

30 сентября я вернулся из 7-дневной рекогносцировки на фронте у Диялы. Жалкое состояние 13-го корпуса убедило меня, что доклад Брауна о ситуации со снабжением был отнюдь не преувеличен. Теперь уже дело было вовсе не в том, сможет ли 6-я армия подготовиться к наступлению; вопрос теперь гласил единственно: как помешать острому голоду в Месопотамии?

Вступление в бой «Йилдырыма», казалось, может привести к переменам к лучшему. Запрошенная мною присылка германских сотрудников должна была гарантировать, что будут реализованы все советы и распоряжения штаба армии. Останься я единственным германским офицером Генштаба в турецком штабе, то при громадном объеме работ попросту не имел бы возможности проследить за исполнением. К тому же едва ли была хотя бы одна сфера работы, которая не нуждалась бы в самой основательной реорганизации. Без германских коллег, которые и в самые тяжелые моменты были рядом со мной, храня непоколебимую верность долгу, я попросту не смог бы держаться на этой заведомо обреченной должности.

Некоторое улучшение ситуации на транспорте при поездках между Мосулом и окончанием железнодорожной ветки последовало после передачи нам новой грузовой автоколонны.

Мощным средством поддержки стал тот поток наличных золотом, который теперь пролился над этой страной. Он должен был вскрыть припрятанные запасы продовольствия, которые до сих пор было никак невозможно обнаружить.

Назначенные Брауном германские офицеры по закупке, как правило, уже хорошо знавшие эту страну, теперь показывали, что обладают обширными запасами металлических денег, а потому вели успешную торговлю. Теперь они назывались закупочной комиссией 6-й армии и именно в таком качестве и представлялись командующему. Но в действительности армия и администрация вилайета, вообще турецкие военные и гражданские инстанции из этой деятельности были исключены.

Турецкая тыловая инспекция 6-й армии и германские офицеры по закупке в вопросах траты металлических денег подчинялись только особой германской высшей тыловой инспекции (генерала Грессманна) [70], приданной «Йилдырыму». То есть в важнейшем вопросе довольствия влияние командующего армией было заблокировано, хотя ответственным за эту сферу продолжал считаться он. Единственным соображением, положенным в основу такой уникальной и нечеткой организации, было стремление устранить любое влияние турецких офицеров и чиновников на употребление и расходование средств в твердой валюте. К сожалению, приходилось справедливо опасаться, что они не смогут устоять перед искушением отправить в свои карманы золото, прибывшее из Германии и отчеканенное в монеты в Константинополе.

Провалилась вся система организации «Йилдырыма». Не удалось даже покрыть хотя бы текущие потребности армии, не говоря уже о накоплении каких-либо запасов на критический период перед новым 1918 года урожаем. Задуманная Брауном операция на рынке была безупречна с коммерческой точки зрения и хорошо организована. Однако он слишком мало считался с помехами разного рода.

Небольшое число ответственных за закупки означало, что они будут не в состоянии быстро приобрести необходимые запасы – при огромных просторах вверенных им округов. Не было и транспортных средств, чтобы доставить купленное в пределы досягаемости для войск. Да и оставить полученные запасы без охраны тоже было попросту невозможно.

Крупные арендаторы и купцы – в основном арабы или курды, которым, разумеется, были совершенно чужды всякие понятия об идейном патриотическом долге – в погоне за прибылью вывели на рынок дотоле скрываемые запасы. При усиливающейся нужде они надеялись добиться и еще более высоких цен. Кроме того, они поддерживали связь с их соплеменниками и компаньонами в занятом англичанами Багдаде, отправляя юркие караваны через Джезиру [71], открытые пустынные просторы между Евфратом и Тигром, контролировать или блокировать которые было, естественно, невозможно. Англичане платили золотом, так что германские деньги были для этих дельцов не единственным источником дохода. Кроме того, они уже были крайне раздражены событиями, когда им

навязывали бумажные купюры, так что опасались повторения этих принудительных мер, как только пролившийся золотой дождь вдруг начнет иссякать.

Четко выраженный германский характер всей этой операции сильно задевал крайне чувствительных в национальных вопросах турок. Очень многие из отстраненных от незаконной прибыли выражали офицерам по закупке свою злобу и чинили разнообразные препятствия.

Сам Халил-паша, которому были прекрасно известны все эти интриги, говорил – не без тайного злорадства насчет германских неудач – с присущим ему остроумием: «*Mai j'ai la commission et les Allemands ont l'argent!*»^[72]

Из армии весьма настойчиво сообщали в штаб «Йилдырыма» о недопустимом и беспорядочном положении, когда именно ее делают ответственной за вопросы снабжения, в то время как закупки проводит не подчиненная ей высшая тыловая комиссия, которая и ведает средствами в твердой валюте.

Уже 9 октября Фалькенгайн отменил свое отданное лишь 17 сентября распоряжение и, несмотря на все соображения относительно турецкой коррупции, принял единственно возможное решение, чтобы все – поступавшие, кстати, все более скудно – денежные средства в монете распределял по своему усмотрению командующий соответствующей армией^[73].

16 октября вступил в силу новый и принятый как раз для этой цели турецкий закон – ведь до этого юридической основы не было вовсе – о введении смешанных закупочных комиссий из представителей военных и штатских ведомств, что быстро положило конец деятельности германских офицеров по закупке. И вот теперь образовались чисто турецкие по составу закупочные комиссии из представителей военных и гражданских ведомств, в соответствии с административными округами. Они и приняли на себя все обязанности по снабжению продовольствием. Прежние германские офицеры по закупке по приказу штаба «Йилдырыма» остались при армиях в качестве контролирующих инстанций по применению средств в твердой валюте. Однако практического значения эта мера – при крайне запутанной местной обстановке – уже не имела. «Йилдырым»,

который лишь очень неохотно отказался от прежнего своего распоряжения, тем самым попросту желал сохранить лицо.

В предшествующие месяцы в ходе затяжных переговоров и совещаний между штабом армии, тыловой инспекцией и администрацией вилайета Мосул попытались представить истинную картину имеющихся и доступных к использованию запасов продовольствия в полосе действий армии. Но все усилия были тщетными, ведь сколько-нибудь надежной статистики не существовало. Поэтому план работы на период до нового урожая мог основываться лишь на предположениях и грубых оценках на базе некоторых данных о взимаемых налогах.

Население обязали ежегодно поставлять в качестве налога натурой десятую (согласно закону) – а на самом деле восьмую – часть урожая. Взимание же его – ведь добровольной сдачи не бывало вовсе – было предоставлено турецким откупщикам налогов, которые, как правило, занимались этим из личного обогащения, а из-за их жестоких методов и бесцеремонности были предметом страха и ненависти как бедных, так и зажиточных слоев населения.

И так как эта десятая ни в коей мере не могла покрыть потребности армии, было решено, что с населения следует взять и еще две десятых доли урожая, но за плату. Для этой закупки надо было установить цену распоряжением штаба армии, ведь имевшиеся средства были ограничены. «Йилдырым» категорически настаивал на крайне экономном расходовании средств в твердой валюте и все более сокращал приток данного незаменимого платежного средства.

Если бы удалось добиться взимания и продажи этих трех десятин, тогда – на бумаге – казалось, что снабжение хотя бы людей в армии до нового, 1918 года урожая обеспечено. Турецкие законы требовали, чтобы чиновники гражданских ведомств и жандармы с их семьями, а также находящиеся в полосе действий армии родственники офицеров и солдат и все те, кто работает в государственных интересах на дорогах и магистралях, получали бы довольствие от армейских органов снабжения. При этом судя по подсчетам армейского интендантства, тыловых инстанций и администрации вилайета, надо было иметь в виду до 20 тысяч человек, добавившихся к тем, кто стоял на довольствии в боевых частях. Я всегда относился с величайшим недоверием к предоставляемым мне подобным цифрам. С одной

стороны, все основы были ненадежны – насколько это вообще возможно, да и занятый подсчетами персонал был ненадежен, да и намеренное завышение численности поставленных на довольствие было вполне вероятно. Ведь трюк, принятый во всех коррумпированных государствах, – поставить на довольствие и оплату куда больше людей, нежели есть в наличии, – хорошо известен. А затем невыданные излишки делятся между задействованными в махинации командирами и чиновниками. Однако при всем недоверии я был абсолютно не в состоянии сколько-нибудь перепроверить подаваемые данные. И турки с арабами это хорошо знали.

Довольствие для животных – что дало себя знать немедленно – не удавалось обеспечить ни в коем случае. 10 тысяч животных пришлось уже в начале ноября перегнать в окрестности Урфы. Сначала были выделены основные силы кавалерии (2 тысячи лошадей), затем те, что числились за ветеринарными лазаретами (2 тысячи животных), потом еще 2 тысячи животных тыловых инстанций и из корпусов всего до 4 тысяч животных. И это еще были только наиболее ослабевшие особи.

В таком крайне уязвимом положении, когда армия постепенно теряла не только всякую способность к операциям, но и вообще была обречена на полную неподвижность, естественно, следовало избегать любого превышения штатной численности. Однако с самого начала было довольно сомнительно, что 10 тысяч голов, отогнанных из полосы действий армии, хватит, чтобы обеспечить фуражом оставшийся скот. И риск, что наверняка не все его поголовье будет способно передвигаться, был велик, ведь уже теперь многие животные во время перегона в 400–500 км по пустыне скончались.

И вновь прошли недели, пока не наладилась новая организация турецких комиссий по снабжению продовольствием. Однако и при изменившихся обстоятельствах положение с питанием не улучшилось.

Со всех сторон шли жалобы на недостаток корма. Нормы довольствия приходилось постоянно понижать. Бывали дни, когда турецким солдатам и вовсе не удавалось выдать хоть что-то из съестного. Все то, что смогли заготовить комиссии по снабжению – зачастую с применением силы или с помощью шпионажа, приходилось немедленно отправлять на удовлетворение текущих потребностей.

К сожалению, даже доставленные в войска продукты далеко не в полном объеме шли на пользу дела. Так как среди местного оседлого населения, в городах, а также в арабских и курдских кочевых племенах также царил крайний дефицит продовольствия, сразу возник спрос, несмотря на высокие цены, что только усиливало явный психоз от страха голодной смерти.

И это обстоятельство пошло весьма на пользу многим турецким офицерам и чиновникам, которые смогли продавать предназначенные для войск запасы продовольствия на благо своего кармана, а также устраивать сомнительные гешефты при найме транспортных средств, поэтому в действительности вывозилось не все к тому предназначенное. За счет этих трюков и того, что другие турецкие офицеры выдавали крупным арендаторам подложные квитанции о поставках, складывая золото в свою кубышку, а не получая за него товары, торговцы смогли продавать по спекулятивным ценам зарезервированное для нужд армии продовольствие на черном рынке, где вчетверо, а то и впятеро завышали установленные нами закупочные цены.

Таким образом один-единственный лейтенант тыловой инспекции в Мосуле смог скрыть до 4 тысяч золотых фунтов, лишив армию продовольствия на эту сумму. При закупке очень дорогих штанг для каркаса келлеков (одна (!) деревянная штанга стоила золотой фунт (20 марок) или 5–6 фунтов купюрами) турецкая официальная закупочная комиссия в Джебзире совершила нарушения на сумму в 90 тысяч бумажных фунтов. Один из германских офицеров обнаружил эту преступную деятельность. Отправленная на расследование турецкая доверенная комиссия тут же получила от главного подозреваемого взятку в 740 золотых фунтов в обмен на то, чтобы расследование было закрыто.

Коррупционность турецкого административно-судебного аппарата въелась столь глубоко, была столь всеобщей, что сколько-нибудь принципиальные перемены исключались.

Поэтому-то мне ни разу не удалось побудить Халила-пашу к резкому вмешательству в целом ряде отдельных случаев, которые все же удалось довести хотя бы до формального судебного разбирательства. «Все это отвратительно... – меланхолически вздыхал он. – Они все воруют!» Однако решиться на действительно суровые

кары ради устрашения он не мог. Однажды ему стало известно, что уже весь свет знает, сколь огромные частные прибыли получают члены младотурецкой клики на военных поставках в Константинополе. Мне так никогда и не стало ясно, насколько вверх по армейской иерархии и в администрации вилайета распространялось получение прибыли противозаконным путем. Настоящий контроль за ведшейся на турецком языке бухгалтерией и без того ни мной, ни моими германскими интендантами все равно был невозможен.

Через моего переводчика – турецкого офицера, изучавшего естествознание в Марбурге, я получил конфиденциальную информацию, что высший чиновник военного суда армии все дела ведет за соответствующую плату. Когда я сообщил об этом Халилу, он нисколько не удивился, а лишь отметил, что он, разумеется, не может проверить, основаны доклады его советника военной юстиции на истинном положении или нет. Он подписывает то, что ему предоставляют. Так как он, однако, казалось, не испытывал ни малейших сомнений в правдивости моего сообщения, то тут же сообщил мне, что за счет своих связей в Константинополе смог распорядиться, чтобы этого человека отозвали на другой пост. Должно быть, были особые причины, чтобы этот преступник оставался на своем посту до последнего.

Такая слабость перед вскрывшейся коррупцией дала мне изрядную пищу для размышлений. Это явление было характерно почти для всего турецкого командования. Как я уже указывал выше, причина – большинство из тех, что играли определенную роль при правлении младотурок, и сами были не чисты на руку. Распоряжалась всеми финансами государства эта партийная клика. Главы ее боялись только за себя лично, однако громогласно карали подчиненных за преступления, в которых сами были повинны или, разумеется, имели соучастников оных в своем окружении. Повсеместно шла молва – и в самых точных деталях – о турецком генерал-интенданте Исмаиле Хаккы-паше, как именно он сочетает самые грязные личные гешефты с его пребыванием на официальном посту^[74]. Когда я воспользовался приглашением Энвера-паши в его поместье Султан-Чифлик на Босфоре, то Халил спросил меня, как я оцениваю сумму, которую пришлось заплатить за покупку этого великолепного имения. На мое недоуменное пожатие плеч он ответил с улыбкой, потирая руки: «О,

очень, очень дешево! 14 тысяч фунтов бумажками! Энвер купил его у одного армянина, которого выслали. Парень еще должен был радоваться, что ему вообще заплатили хоть что-то». Этот «le raucge Halil»^[75] – как он любил себя называть – был сыном полунищего работника одного из султанских дворцов, а теперь имел дом в Константинополе, еще один на Босфоре и несколько участков под строительство.

Кроме того, сказывались и политические соображения. Нельзя было потерять симпатии чиновничества и военных к младотурецкой партии. Так что великодушная готовность закрыть глаза на довольно обычные на Востоке попытки личного обогащения вполне могла сохранить старых друзей и приверженцев и дать новых. Наконец, сказался особенно сильно проявляющийся на Востоке недостаток ощущения общего дела. Здесь он дает о себе знать в куда более наивных, весьма легких для истолкования и усвоения формах, нежели в землях Запада. Однако тот, кто знаком с низким стремлением к наживе, которое – пусть и без открытого нарушения уголовного законодательства – вполне встречалось в годы войны и в Европе, где тоже искали выгод от нужды и бед своих же народов, тот не сможет положить руку на сердце объявить подобный недостаток самосознания чертой, свойственной исключительно Востоку. Можно лишь с негодованием отметить, что многие турецкие офицеры и чиновники и крупные арендаторы и купцы из арабов думали единственно о личной выгоде, пока brave анатолийские солдаты на фронте и беднота в городах терпели горькую нужду и в конце концов погибали от голода.

До последнего момента в оценке истинного положения с довольствием в вилайете Мосул были два полярных мнения.

С одной точки зрения, запасов достаточно, однако их просто не удается собрать. По другой – оспаривалось наличие необходимого количества продуктов питания, поскольку еще в довоенные времена в этом регионе были нередки вспышки голода. А в этом году ко всему прочему еще и случился неурожай. И вот на фоне этого, помимо местного населения, надо как-то прокормить целую армию.

Лично я на основе развития событий проникся твердым убеждением, что в вилайете Мосул с самого начала не было должного количества продовольствия для прокорма и населения, и армии. Ведь иначе просто необъяснимо, почему даже в самом богатом округе

вилаята – зерновом районе Эрбиля – голодало большинство населения.

Без сомнений, на нужды армии не попало существенное количество продовольственных ресурсов, однако они помогли дожить до ближайшего урожая местному населению, которое таким образом удалось пощадить. И уж ни в коей мере не было излишков на пропитание армии в течение долгих месяцев. Было также ясно, что в схватке не на жизнь, а на смерть – погибнуть от голода или хотя бы как-то прожить дальше, которая негласно разыгрывалась между армией и населением, преимущества были на стороне последнего, поскольку оно имело куда более широкий доступ к зачастую умело скрываемым запасам съестного.

Мое мнение подтвердилось показаниями взятого нами в плен английского подполковника Бизли^[76] и других британских солдат. Чрезвычайная засуха 1917 года даже в плодородном Ираке привела к чувствительному дефициту питания. Англичане были вынуждены доставлять большие объемы продовольствия из Индии для нужд терпящего бедствие населения. Возможно, что и переброска около половины действовавших до этого в Месопотамии британских войск была проведена с учетом общего положения с продовольствием. Она началась в декабре 1917 г., задолго до германского наступления на Западном фронте весной 1918 г.^[77]

Сторонники первой точки зрения, большинство которых, как правило, находилось в многих сотнях километров от театра военных действий, охотно утверждали, что здесь поможет только беспощадное взимание запасов. Но наш опыт показывал, что такой столь очевидный способ выхода из ситуации не приводит к цели, зато таит в себе серьезную опасность.

Там, где прибегали к насилию, население бежало в горы или степи. Многие деревенские феллахи возвращались к кочевническому образу жизни и присоединялись к племенам бедуинов, сновавшим по Джебзире и в Курдистане. Обширные площади ранее обрабатываемых земель теперь были потеряны для будущей жатвы. Засеянные территории, с которых ожидали урожая в 1918 г., оценивались лишь в чуть более трети от земель, обрабатываемых в 1917 г.

При подобных жестких действиях лишь в редчайших случаях удавалось обнаружить в старых колодцах, цистернах, ямах и подвалах

– нередко еще ассирийских времен – либо в горных пещерах или тайниках в степи спрятанные запасы продовольствия. При этом нельзя забывать, что коренное население всегда боролось против ограбления и угнетения со стороны турецких откупщиков, так что пыталось свести к минимуму любые подати. Поэтому оно столетиями училось прятать свои запасы за пределами поселений, и эти места были известны лишь немногим посвященным. Попытки с помощью взяток выведать эти тайники увенчивались успехом лишь в редчайших случаях. Ведь предатели знали, что в этом случае их ждет кровавая месть своих жертв.

Действия же против богатых крупных арендаторов, которым принадлежало большинство деревень, тоже оказывались крайне затруднительными. Комиссии пытались собрать с них десятину, согласно принятым в мирное время оценкам урожая. Естественно, в порядке вещей были и обвинения в адрес крупных арендаторов от их мелких должников, которые сообщали комиссиям, что их хозяева сбрасывают на них все податное бремя, а свои запасы укрывают от любых сборщиков на нужды армии.

Ожесточение из-за такого якобы несправедливого распределения налогов в Мосуле достигло такого уровня, что на это обратил внимание германский консул Хольштайн^[78]. Прежде всего, жертвами злоупотреблений в налоговых вопросах со стороны мусульманчиновников комиссии полагали себя христиане и евреи. К сожалению, все обвинения – как это обычно бывает – выдвигались лишь в самых общих чертах. Если же пытались перейти к сути заявленного, то заявитель тут же устранился. Ни один из свидетелей не подтверждал свои прежние показания. Подкуп и страх перед актами мести мусульманских властителей исключали любое расследование истинного положения дел.

Я предложил распоряжением вали заменить наиболее часто обвиняемых членом комиссий. Вали утверждал, однако, что это приведет к страшной путанице и станет невозможно покрывать даже текущие потребности. Он же должен отказаться от рассмотрения его кандидатуры как председательствующего в главной комиссии по продовольствию, так что может в таком случае и в отставку подать – что, по моему опыту, делает любой турок, как только что-нибудь ему не по душе. Так как армия, не имевшая никаких резервов, зависела от

действий таких людей, я вынужден был принять эту миссию лично с ведома вали, у которого была одна цель: избежать любых трений с его друзьями, да и самому не перетрудиться. Относительно Халила еще следовало иметь в виду, что он пытался избежать любых конфликтов со своим старым товарищем и компаньоном в любых его проделках.

В отчете от 20 ноября в штаб «Йилдырыма» я вновь описал невозможность добиться ясной картины положения со снабжением. Я подчеркнул, однако, что улучшений, несмотря на все усилия и попытки, нет: напротив – следовало бы ждать ухудшения.

В сентябре я получил от фон Фалькенгайна указание довольствовать армию местными ресурсами, ведь подвоз зерна в 6-ю армию невозможен в связи с общим положением с продовольствием в Турции, а также ситуацией на железных дорогах. Я же считал себя обязанным именно таким докладом, без всяких прикрас, указать, что, несмотря на такой приказ Фалькенгайна, армия будет вынуждена в ближайшем будущем запрашивать подвоза продуктов из других частей Турции.

С 27 ноября по 12 декабря Халил-паша вместе со мной выехал на фронт, чтобы составить личные впечатления о ситуации с продовольствием в корпусах, а также о полуторамесячной деятельности закупочных комиссий. И сколь бы ни малы были здесь шансы получить по-настоящему ясное представление, все крепче было ощущение, что без помощи извне армия идет навстречу весьма неверной и, по всей видимости, угрожающей участи.

Тяжелое – в связи с хорошо известным и штабу армии тяжелым общим положением турецкой экономики – решение просить помощи в других вилайетах было облегчено благодаря заключенному в декабре перемирию с Россией.

Прекращение военных действий на персидской границе высвободило части 2-й армии, нашего северного соседа. Так что заготовленные в вилайете Диярбекир запасы продовольствия могли пойти на нужды 6-й армии.

Водный путь по Тигру из Диярбекира^[79] в Мосул и на фронт 18-го корпуса в связи с постоянно растущими ценами на древесину для келлеков был крайне дорог, зато, несмотря на начинающийся вскоре сезон дождей, до сих пор вполне провозоспособен.

А вот все имевшиеся в распоряжении 6-й армии возможности доставки по железной дороге месяцами ограничивались количеством максимум в 150 тонн в неделю, а перевалка и доставка по 250-километровому участку от конечного пункта железной дороги в Мосул на верблюдах и грузовиками с началом зимнего периода дождей стали весьма нестабильными.

Еще в день заключения перемирия с Россией – 7 декабря^[80] – армия запросила в штабе «Йилдырыма» организации дополнительной инстанции тыловой инспекции 6-й армии в Диярбекире, а также подвоза продовольствия из этого вилайета водным путем. Вновь подчеркивалось чрезвычайно критическое положение армии, в том числе на основании недавно полученных на фронте впечатлений.

11 декабря заместитель Верховного Главнокомандующего Энвер-паша поручил 2-й армии передать в распоряжение 6-й армии 1000 тонн продовольствия в Диярбекире. Запрос из 6-й армии на куда больший объем помощи был так и не учтен, несмотря на ходатайство из штаба «Йилдырыма».

Так как это компромиссное решение не могло урегулировать вопрос с продовольственными затруднениями, а меры, принятые Энвером, да и то лишь на бумаге, были временным смягчением ситуации, армия немедленно запросила поставки по меньшей мере 5000 тонн – таковы по самым грубым оценкам были масштабы безусловно необходимого дополнительного снабжения.

Этот запрос, самым любезным образом поддержанный в штабе «Йилдырыма», был – после необъяснимого промедления – отклонен заместителем Верховного Главнокомандующего 8 января 1918 г.

Напротив, генерал-квартирмейстер даже спросил меня, а разве армия не в состоянии произвести в полосе своей ответственности закупки за твердую валюту. Я только головой покачал. Неужто все мои зачастую выдержанные в самых тревожных тонах отчеты о положении с продовольствием в вилайете Мосул были до сих пор неизвестны в столь ответственной инстанции? Разве Ставка в Стамбуле все еще не прониклась сознанием факта, что армия вот уже пять месяцев только и держится благодаря закупкам и только за деньги в монете, но это уже не дает удовлетворительного результата в этой стране? Возникло ощущение, будто все, о чем я до сих пор докладывал в вышестоящие инстанции, было попросту брошено на ветер.

И вновь терялись драгоценные недели без всякого ощутимого результата. Надежда все же выжать из этого региона сколько-нибудь существенные запасы таяла с каждым днем. Вилайет Диярбекир – как и следовало ожидать – чинил изрядные препятствия и оказывал пассивное сопротивление транспортировке продовольствия, так что она шла очень медленно. К 17 февраля 1918 г. – то есть за 2 месяца – удалось получить оттуда около 280 тонн. После неоднократных жалоб из 6-й армии заместитель Верховного Главнокомандующего 15 февраля повторно приказал вали Диярбекира немедленно отправить недостающие 720 тонн. К 19 апреля – то есть еще за два месяца – прибыли еще 60 тонн, то есть в целом лишь треть от подлежащего отправке согласно приказу.

Тем временем штаб армии 15 января 1918 г. отправил повторный запрос, ранее отклоненный, на поставку 5000 тонн продовольствия и обустройство тыловой коммуникации по Тигру Диярбекир – Мосул, еще раз подробно его обосновав. Он указал на крайнюю серьезность положения в случае повторного отказа в этой помощи и прежде всего подчеркивал необходимость быстрого оборудования пути по Тигру. Запрос получил поддержку в штабе «Йилдырыма» и был с указанием на его срочность отправлен в турецкую Ставку.

Через 14 дней – 31 января – Энвер-паша отдал приказ отправить 6-й армии продукты питания из округа Урфа. Запрос относительно Диярбекира отклика не получил.

Перевозка продовольствия из округа Урфа сухопутным путем требовала сложной и затратной по времени реорганизации транспортной части. 19 февраля из «Йилдырыма» нам сообщили, что мы сможем получить оттуда примерно 3 тысячи тонн.

Время поджимало. Остро нужна была быстрая помощь. Штаб армии 6 февраля в третий раз запросил решения по своему запросу относительно поставок из Диярбекира, откуда уже функционировал всегда доступный водный вид транспорта, в то время как помощь из Урфы не могла прийти быстро.

И так как до 15 февраля никакого ответа не было, а из Диярбекира прибывали лишь очень скудные партии, штаб армии при нараставшей с каждым днем нужде обратился в «Йилдырым» с просьбой немедленно – отложив все прочие транспортировки – отправить по железной дороге в Телль-Хелиф 500 тонн продовольствия. Они

должны были позволить армии как-то продержаться критический период, пока не наладится подвоз из Урфы и Диярбекира. На следующий день, 16 февраля, из «Йилдырым» сообщили о согласии.

18 февраля из «Йилдырыма» пришло распоряжение генерал-квартирмейстера о том, что четыре округа вилайета Диярбекир выделяются в распоряжение инстанций 6-й армии для нужд ее довольствия. Тем самым сделанный еще двумя месяцами ранее запрос штаба армии был наконец – пусть и частично – выполнен.

Новый, хотя и весьма отдаленный источник помощи был тем самым – пусть пока лишь на бумаге – передан штабу армии. Но тут возникли новые трудности.

Хотя в предшествующий год стояла сильная засуха, с середины декабря 1917 г. по май 1918 г. шли сплошные дожди со столь незначительными перерывами, что поддерживать сколько-нибудь регулярное сообщение в пустыне на грузовиках было невозможно.

Единственным транспортным средством в степи оставались верблюды-дромадеры. Однако получавшие скудный корм животные могли переносить груз куда меньше обычного. На размытых дорогах тяжело нагруженные звери оскальзывались и падали, что дополнительно снижало показатели. Участок Тель-Хелиф – Мосул примерно в 250 км верблюды преодолевали в сухое время года за десять, а в период дождей – за шестнадцать дней.

Командующий базировавшегося на Диярбекир 4-го корпуса (2-я армия) вопреки всем приказам Ставки противился использованию 6-й армией вновь выделенных в ее распоряжение округов. Он дошел до угроз открытого насилия против отправленных нами комиссий по приему продовольствия.

Этот Али-Ихсан-паша^[81] незадолго до этого был удален из 6-й армии Фалькенгайном из-за его недопустимого поведения по отношению к Халилу-паше. Так что для последнего и его окружения не было никаких сомнений, что Али-Ихсан воспользуется этой возможностью, чтобы отомстить своему ненавидимому конкуренту Халилу. А сам Али-Ихсан объяснял свои действия тем, что при передаче продуктов под угрозой окажется его продовольственная ситуация.

Последовал шедший неделями бесплодный обмен депешами между Энвером, Халилом и Али-Ихсаном. Результатом его стало то,

что 20 марта 6-я армия вынуждена была временно отказаться от округа Сильван окончательно, а от еще одного округа – на период до следующего урожая. Али-Ихсан, однако, между тем уже достиг главной своей цели. С помощью караванов он по возможности опустошил склады во всех четырех округах, зато почти полностью блокировал отправку все еще полагающихся 720 тонн из вилайета Диярбекир.

Таким образом, 6-я армия неуклонно катилась навстречу своей жестокой судьбе. В вилайете Мосул постепенно установился режим жесточайшей нехватки. А потом последовал и откровенный голод. Поначалу жертвами его стали многочисленные изгнанные сюда армяне и курды, затем представители беднейших слоев, а прежде всего – старики, слабые здоровьем и дети. Царившая на улицах Мосула нищета была чудовищной. Каждое утро на кладбище отвозили на телегах очередную порцию трупов умерших с голоду, которых собирала полиция во время постоянных рейдов. Когда я как-то раз ранним утром был неподалеку от входа на ближайшее кладбище, мне открылась шокирующая картина: тридцать шесть обнаженных мертвецов лежали друг за другом рядами. Их обтянутые кожей кости грудины были почти перпендикулярны впавшим кускам кожи, которые находились на месте былых животов. Это были старики, старые и ослабевшие женщины, дети... Под разрушенными стенами Мосула рыли одну могилу за другой.

Когда однажды февральским утром 1918 г. я покинул свой сераль и проходил по улицам голодающего Мосула, я наткнулся на одной из площадей на очень возбужденную толпу вокруг двух казнимых. На моих глазах палач вздернул арабскую супружескую пару. Они затащили к себе более дюжины детей, потом зарезали их в темном подвале, затем разрезали их на небольшие куски мяса, которое поджаривали на железной решетке и продавали на базаре за большие деньги. Матери убитых с дикими проклятиями рвались к болтающимся трупам, били их кулаками и плевали.

Армия была вынуждена раз за разом снижать нормы довольствия. Месяцами недоедавший личный состав хирел на глазах. Солдаты падали без сил при самых незначительных усилиях, например таская воду, умирая от сердечных ударов. Но никаких бунтов или попыток нападения на тех немногих счастливых, у кого все же было что

поставить на стол, не было. Во-первых, все покрывалось истинно восточной флегмой, а во-вторых, процесс физического истощения шел столь медленно, что солдаты все еще могли надеяться, что положение улучшится. Под конец они и вовсе были слишком слабы, чтобы обратиться к насилию. «Иншаллах!» – «Как угодно Аллаху!» На всех устах была эта фраза.

Согласно сводкам по личному составу, из военнослужащих армии от истощения умерло:

В сентябре 1917 г. – 805;
в октябре 1917 г. – 1374;
в ноябре 1917 г. – 1122;
в декабре 1917 г. – 1560;
в январе 1918 г. – 1674;
в феврале 1918 г. – 1471;
в марте 1918 г. – 3090;
1–13 апреля 1918 г. – 1649;
всего с 1 сентября 1917
по 13 апреля 1918 г.: – 12735 человек.

Быстрый рост количества умерших в марте 1918 г. позволял отчетливо увидеть начало острого голода.

К началу сезона выпаса скота в марте 1918 г. от голода вымерло более половины животных в армии.

Когда степь зазеленела, основная масса местных жителей и солдат питалась по большей части травой и кореньями. Повсюду на лугах, которые на короткое время были выколдованы солнцем на этих залитых водой степях, можно было видеть в прямом смысле слова пасущихся людей. Непривычное питание часто вызывало колики со смертельным исходом.

Крушение турок в Месопотамии было невозможно предотвратить. Была лишь одна возможность – еще осенью 1917 г. добровольно оставить страну, предоставив ее англичанам.

Однако настолько ясно тогда ситуацию представить было еще нельзя. Еще сохранялась пелена надежды, и турецкое Верховное Главнокомандование попросту не считало нужным сдавать врагу крупные территории, тем более такой важный город, как Мосул. Из

этой трагической цепи обстоятельств и возник голод, жертвой которого пала большая часть армии, сохранились лишь ее не слишком боеспособные остатки.

Военные события во время кризиса

Состояние турецких войск в Месопотамии после неудачных боев весной 1917 г., приведших к потере Багдада, не позволяло возобновить наступление. Описанная выше ситуация со снабжением 6-й армии заставляла тратить все больше сил и на оборону. Под конец армия была просто сдана врагу. Любая серьезная атака должна была смести ее с дороги.

Из двух противников, что были у 6-й армии, русские пребывали в почти полном бездействии. Ведь и их атакующий дух был подорван плохим довольствием и сложной горной местностью. А тут еще сказывалось и все более нараставшее политическое разложение. 7 декабря официально приостановили боевые действия^[82].

Однако до заключения перемирия на этом фронте у нас не дошло, ведь русская комиссия – пестрого состава, из офицеров всех русских племен, одного меньшевика и большевиков, – с которой я на рубеже 1917 и 1918 гг. вел переговоры в Мосуле, не желала гарантировать, что англичане за ее спиной не переместят фронт и мы вдруг неожиданно не окажемся перед новым врагом, пока соглашаемся на перемирие. Мы отказались от соглашения и остались в состоянии войны. Через несколько недель – русская революция меж тем продолжалась – царская армия в состоянии, граничившем с распадом^[83], побежала через Персию назад на свою родину. Англичане на этом фронте уже не появились, и мы позднее могли свободнее распоряжаться силами нашей Ревандузской группы.

Англичане, напротив, провели целую серию успешных атак с ограниченными целями. Однако до действительно масштабного наступления с целью взять Мосул так и не дошло. Весной 1918 г. даже с имевшимися у них – несмотря на довольно крупные переброски на другие фронты – силами должны были непременно победить турок, с учетом состояния последних. Однако английское командование, несмотря на разветвленную шпионскую сеть, которую в этой стране оказалось не трудно развернуть, в полном крушении 6-й армии все же уверено не было, так как полагало ее способной на более упорное сопротивление, нежели было в действительности.

Характерными чертами английского командования было избегание любого риска, самая основательная подготовка, осторожная реализация каждой операции и тщательное налаживание тыловых коммуникаций (а именно подтягивание линии узкоколеек вплотную к фронту). Особенно генерал Мод, удачливый покоритель Багдада, обладал, видимо, натурой очень сдержанного и почти педантичного полководца. Ни разу и речи не зашло о том, чтобы быстро воспользоваться успехом, хотя он доставил бы нам серьезные трудности. Возможно, мешали этому и свежие воспоминания о катастрофическом поражении его предшественника генерала Таунсенда^[84] под Кут-эль-Амарой, ставшем расплатой за рискованность действий британского командующего.

После его смерти – а Багдад стал для него столь же роковым, как и для маршала фон дер Гольца, – командование британским экспедиционным корпусом принял генерал Маршалл^[85], у которого было очевидно больше энергии и тяги к деятельности.

Британские войска состояли по большей части из индийских пехотных и кавалерийских дивизий. В Ираке было установлено присутствие лишь одной английской дивизии с белыми солдатами. Высказывавшиеся в английской палате общин опасения, что под Багдадом отвлекаются крупные силы Британии, которые нужны в решающих боях на европейском Западном фронте, были поэтому не оправданы^[86].

Войска получали очень хорошее довольствие и были превосходно оснащены. Этим – а вовсе не моральным превосходством – обосновывался их перевес над полуголодными турками, оснащение которых было изношено и уже долгое время не пополнялось.

С учетом сил, в целом находившихся в распоряжении британцев с начала наступления Алленби в Палестине, я полагал английское наступление на Мосул маловероятным. Мои турецкие сотрудники, напротив, готовы были усмотреть в любом ударе англичан начало решающей операции против Мосула, которой они так боялись.

То, что британское наступление не состоялось, объяснить очень просто. Взятием Багдада Англия восстановила свою военную репутацию на Востоке, столь подорванную катастрофой под Кут-эль-Амарой, где генерал Таунсенд с 10 тысячами англичан попал в руки Халила-паши. Месопотамия должна была теперь сама упасть им в

руки, как зрелый плод, если Алленби удастся завоевать Сирию. Тогда за что же сражаться? Было совершенно не важно, случится это событие раньше или позже. Задачей английских вооруженных сил в Ираке – теперь уж разрешенной во всяком случае – стало завладение Багдадом и сковывание турецких войск на этом фронте за счет постоянной угрозы наступления.

6-я армия – с осени 1917 г. – имела задачу обороняться на фронте шириной 500 км от Евфрата до района к юго-западу от озера Урмия. Южный фланг упирался в сирийско-арабскую пустыню, которая в связи с ее безводьем просто не подходила для крупных операций с обеих сторон. Северный фланг примыкал к 2-й армии, которая вместе с 3-й не давала продвинуться дальше русским, уже выдвинувшимся за линию Трапезунд – Эрзерум – Ван – Урмия.

Отсутствие резервов с самого начала не позволяло штабу армии активно обороняться. За счет сильно растянутого фронта, крайне тяжелой транспортной ситуации в пустыне и высокогорьях, а также при сложившемся состоянии армии это было чрезвычайно затруднительно. Оборона была исключительно пассивной. И здесь решающую роль играла местность. Эти соображения и побудили позднее штаб армии отвести 18-й корпус на сильную горную позицию у Джебель-Хамрин у перевала Эль-Фата.

В сентябре 1917 г. 6-я армия, имея 20 тысяч штыков и 100 орудий, располагалась пятью группами:

У Румадии на Евфрате – 2500 штыков, 8 орудий;
южнее Тикрита на Тигре – 8400 штыков, 38 орудий;
южнее Шехрабана на Дияле – 3600 штыков, 30 орудий;
под Сулейманией – 4300 штыков, 17 орудий;
у Ревандуза – 1200 штыков, 4 орудия.

Между этими группами зияли уже ничем не заполненные бреши в пустынях и на горной местности. Они облегчали шпионаж для обеих сторон и объясняли тот факт, что посланцы протурецких сил на Кавказе и в Туркестане находили дорогу в Переднюю Азию к Халилупаше и его единомышленникам сквозь англо-русский «фронт». Да и русские беженцы из Петербурга и германские военнопленные из Сибири подобным путем добирались до Мосула^[87].

Периодически за этими брешами якобы наблюдали дружественные или нанятые всадники из арабских и персидских племен, среди которых в редчайших случаях действовали и турецкие офицеры. У меня не сложилось впечатления, что все эти операции имели хоть какое-то значение.

За счет раздачи оружия местным уроженцам – в основном потомкам тех османов, которые были некогда расселены вдоль старой турецкой военной границы при султани Мураде IV (1623–1640), – были сформированы так называемые пограничные батальоны, однако рыхлый состав этих подразделений не обладал никакой спайкой, и при любой атаке англичан они сразу же исчезали из общей расстановки турецких войск. Как правило, они не делали по врагу ни единого выстрела, а тут же прятали ценное оружие и потом оставались по домам в качестве мирных жителей, готовых на любые услуги англичанам за соответствующую плату.

Единственными частями тяжелой артиллерии в армии были двенадцать германских 15-сантиметровых гаубиц под командованием майора османской (и капитана прусской) армии Мора^[88]. Они и являлись костяком всей группировки на Тигре.

Снабжение боеприпасами вполне соответствовало в целом жалкому состоянию и остального оснащения. В полосе действий корпусов на каждое полевое орудие приходилось в среднем по 520 снарядов, на каждую из 15-сантиметровых гаубиц было по 190 выстрелов^[89].

Пулеметы самых различных систем – в том числе трофейные английские – были распределены между личным составом частей^[90]. Организация пулеметных рот в батальонах еще не проводилась. Пыль и песок, недостаток жиров и невладение техникой привели к тому, что большая часть пулеметов вышла из строя.

Единообразное снабжение пехоты затруднялось тем, что некоторые соединения – например, 46-я дивизия – были вооружены германскими винтовками.

Единственным эффективным средством разведки были германские летчики. Но личный состав и матчасть так сократились, что из двух авиаотрядов на Тигре пришлось сформировать один. Еще один отряд базировался в Кифри при штабе 13-го корпуса. В Мосуле

располагался совершенно разоренный из-за недостатка снабжения армейский авиационный склад.

При огромных расстояниях решающее значение для командования могло иметь уверенное взаимодействие средств связи. Крупное германское присутствие в турецкой армии сделало необходимыми отдельные германские линии связи. Кроме того, турецкие подразделения радистов пока еще только планировались, а отрядов телеграфистов с телетайпами не существовало вовсе.

Из Мосула вела германская линия телетайпа (с аппаратами Юза), которую можно было бы использовать, чтобы поддерживать связь со штабом «Йилдырыма» в Палестине и с османской Ставкой, и для турецких телеграмм латинскими буквами – ведь в Турции тогда еще применялся арабский алфавит^[91], который для таких целей, естественно, не подходил. Однако непрерывно возникали трения и жалобы, ведь провод – единственная для меня возможность общаться с «Йилдырымом» и Константинополем с помощью подробных докладов – часами был занят германской стороной.

Турецкое же телеграфное сообщение штаба армии с его вышестоящими инстанциями в Палестине и Константинополе, а также со штабами соседних армий, словно в мирное время, велось по гражданским линиям, которые были доступны и населению. Не считая ответвления через Диярбекир, было еще всего два провода в Алеппо, один из которых был постоянно прерван. Так как турки, как правило, выказывали слабое понимание технических вопросов, то телеграфистами в основном были арабы, армяне или политически неблагонадежные жители Леванта. То есть для шпионажа были все двери настежь. Тысячи телеграмм исчезали, никогда не передаваясь или не принимаясь. Функционирование шло с перебоями. Оплаченные телеграммы частных лиц, например коммерсантов, за бакшиш передавались быстрее, нежели военные депеши, которые телеграфистам не приносили никакой выгоды. Жалобы мало помогали, ведь министерство почты стремилось защитить своих служащих от давления военного министерства.

В полосе действий корпусов связь обеспечивали турецкие отряды телефонистов. Штаб армии особенно болезненно переносил отсутствие телефонной связи со штабами обоих корпусов. Все попытки наладить регулярную и с технической точки зрения

возможную связь проваливались по причине бесконечных помех из-за одновременной передачи по телеграфу штатскими, которые на некоторых участках пользовались теми же проводами, а также из-за неумелого обращения и недостаточного обучения персонала на промежуточных станциях, из-за не слишком тщательного устройства линии, а также из-за повреждения линий в пустыне кочевыми племенами.

Как правило, нашу связь с корпусами осуществлял 151-й германский радиоотряд. Сюда же относилась связь с Евфратской группой. Однако любое сообщение могло вестись только по германским кодам, ведь турецкие столь устарели, что англичане давно уже их знали. Постоянные запросы об изменениях либо не достаивались ответа вовсе, либо получали не слишком утешительную фразу, что в Стамбуле как раз работают над новым кодом. В конце Мировой войны эта затяжная миссия так и не была завершена. При благоприятной погоде германские радиogramмы штабам турецких корпусов оказывались самым быстрым и надежным способом связи. В корпусах их переводили на турецкий приданные радиостанциям переводчики. Но не исключались и ошибки. Часто осуществлению радиосвязи мешали сильные атмосферные электрические разряды.

В сезон дождей (с ноября по май) были не просто дни, а порой и недели, когда выходили из строя все средства связи. И если провода в Алеппо и радио подводили, то Мосул оказывался отрезан от внешнего мира. Ведь и почты не было, если грузовики застряли в степи.

В составе 6-й армии были германские, австро-венгерские и турецкие колонны грузовиков. В засушливый сезон они добивались замечательных результатов. Однако в период дождей они месяцами простаивали, с незначительными перерывами. Отправлять же колонны на трассу было не самым безопасным решением, даже если в сезон сплошных осадков наступала вдруг пауза в шедших дождях.

Бывшего под моим руководством советника интендантства Хаака в марте срочно вызвали в «Йилдырым». Он решил выехать из Мосула с еще двумя офицерами на грузовике, ведь размытая дождями почва вроде бы просохла. Но прямо посреди пустыни, между Мосулом и Телль-Хелифом, на них вновь обрушились проливные дожди, так что они оказались на вынужденном биваке на следующие три недели. И он, и его люди испытали бы серьезный продовольственный кризис,

если бы одним солнечным днем мы не отправили ему продукты на самолете. Уже не могли проехать даже легковые автомобили. Халил-паша дважды попадал под дождь и несколько дней не имел связи с Мосулом.

Разница между боевым и списочным составом армии уже слишком бросалась в глаза.

Я хорошо помню поданную мне первую сводку по личному составу: она меня крайне удивила, побудила подробные расспросы и расследования. Ведь на довольствии стояло ни много ни мало 80 тысяч человек, боевой состав исчислялся 40 тысячами человек, зато имевших винтовки было указано 20 тысяч. Две первые цифры относительно последней показались мне чуть ли не чудовищно большими. В состав на довольствии были, правда, включены и те 20 тысяч «бесполезных элементов», содержание которых по османским законам возлагалось на армию. Кроме того, чрезвычайно расширена была и тыловая зона. Однако Халил-паша дал этому верную оценку: «L'etape mange l'armee!»^[92]

При всем этом царил нескончаемый избыток штабных конвоев, денщиков, поваров, ординарцев и т. п. Цифры в турецких сводках по личному составу вызывали у меня сильнейшее недоверие. Мое уже назревшее предположение подтвердилось рядом конфиденциальных донесений германских офицеров, что турецкие командиры специально указывают завышенный личный состав, чтобы положить себе в карман жалованье, отпущенное на несуществующих лиц. Иногда здесь сказывалось и вполне понятное желание получить чуть больше продовольствия, чтобы за счет этого улучшить и без того дурное питание действительно имеющегося личного состава.

После того как в конце августа 1917 г. спала жара, англичане атаковали передовые посты 13-го корпуса и отбросили их из плодородной долины Бакуба в скудный Джебель-Хамрин – «Красные горы» – по обоим берегам Диялы. Мендели все еще удерживался небольшими силами турецкой кавалерии и одним из уже упоминавшихся «пограничных батальонов».

28 сентября 1917 г., а на этот день приходился в том году главный мусульманский праздник Курбан-байрам (память о жертвоприношении Авраама), англичане неожиданно атаковали Евфратскую группу под

Румадией, введя в бой с флангов броневики с пулеметами, вышли в тыл и пленили ее, спастись удалось немногим.

Берега Евфрата оказались оголены. Однако англичане удовлетворялись лишь полной своей тактической победой, не стремясь к оперативному ее использованию. Как следствие, «Йилдырым» сумел образовать под Хитом новую группу из одного полка пехоты и немногочисленной артиллерии, которая затем постепенно выросла до дивизии слабого состава.

В середине октября индийские дивизии продолжили успешные атаки на Мендели и турецкие позиции на Джебель-Хамрин к востоку от Диялы. В это время по соображениям снабжения пришлось в 13-м корпусе отвести 1-ю кавалерийскую бригаду в Мосул, а крупные силы пехоты и артиллерии – в Киркук. Англичане в этот критический момент лишь осторожно прощупывали обстановку на горной позиции к западу от Диялы, однако в атаку не пошли, хотя мы сумели бы противопоставить этому лишь небольшие силы.

Британское командование медленно занимало восточный берег Диялы и двинуло силы через Ханекин в расположенный уже на персидской территории Каср-и-Ширин. Тем самым они блокировали знаменитую караванную трассу через важный перевал Пейтак, по которому многочисленные паломники доставляли из Персии трупы своих родственников и друзей к мечети Хусейна под Кербелой, чтобы там похоронить их в земле, освященной геройской гибелью сына Али и внука пророка. Для 13-го корпуса тем самым отпала последняя возможность забирать продовольствие из Мендели и приграничных персидских территорий.

По приказу армии 18-й корпус временно двинул одну дивизию к английским позициям под Самаррой, к старой аббасидской резиденции, чтобы вызвать впечатление предполагаемого наступления и облегчить положение 13-го корпуса.

В ночь с 1 на 2 ноября 1917 г. около полутора-двух британских дивизий с очень крупными силами кавалерии и многочисленными легкими броневиками с пулеметами – которых особенно боялась турецкая пехота – атаковали вдоль Тигра.

Согласно приказу, турецкие войска под Имам Дур без боя оставили передовые позиции и оттянули главные силы под Тикрит.

Противник преследовал, обстреливал позиции из артиллерии, двинул крупные отряды кавалерии и броневики перед его левым флангом в пустыне, однако затем отвел свою пехоту назад. Вечером 3 ноября он отошел на Дур.

Поначалу было ясно, что речь идет о явной демонстрации, возможно, связанной с одновременным возобновлением наступления в Палестине или же подготовкой серьезной атаки, которой предшествует эта «разведка боем».

Ослабленные плохим снабжением турки усвоили манеру уклоняться от любых решительных атак, что только укрепляло уверенность в себе англичан. В ночь с 4 на 5 ноября они вновь двинулись к Тикриту и открыли артиллерийский огонь.

Командующий 18-м корпусом полковник Джафар Тайяр Бей^[93] имел указание избежать решительной атаки и отойти на позиции на дефиле у Тигра под Эль-Фата. Когда Халил-паша и я в ходе поездки к 18-му корпусу в ночь с 5 на 6 ноября прибыли в Калат-Шергат у холмов с руинами древнего Ашшура, то узнали, что отступление уже идет полным ходом.

Так как удержание какого-либо участка пустыни военного значения не имело, а вот на будущее куда важнее было сохранить людей и матчасть, а также существенно сократить непростые коммуникационные линии, штаб армии с самого начала отказался от обороны Тикритской позиции. Поэтому мы согласились с решением 18-го корпуса отступить без боя, в том числе на тот случай, если англичане действительно крупного наступления не планируют, что на деле было довольно сложно обнаружить, поскольку диспозиции для отступления передавались слишком поздно.

Я предложил Халилу на следующее утро поехать через Билалидж к западу от Джебель-Махул в Шуремийе к югу от дефиле Эль-Фата и там дожидаться командующего 18-го корпуса. Халил и его турецкие сопровождающие имели самые серьезные возражения, ведь они опасались, что в поездке по открытой степи без должного военного прикрытия они могут стать жертвой нападения бедуинов, которые утащат их к англичанам. Эти нападения действительно имели место, особенно на путях отступления. Я вспомнил об ограблении германского полковника Шрауденбаха, одного моего старого полкового товарища по Мюнхену, который, будучи командиром дивизии,

подвергся нападению, дав весьма наглядное описание этих событий в своей книге «Мухараба»^[94]. Однако у нас не было другого выбора.

С винтовкой наизготовку выехали с Халилом-пашой. Он был явно взволнован, в то время как я был спокоен и уверен в своей счастливой звезде, которая меня уже спасала в некоторых авантюрных ситуациях. Внезапно паша крикнул водителю пару слов по-турецки. Автомобиль вдруг поехал по дуге назад и остановился. Халил изготавился к стрельбе, а я, ужаснувшись, оглянулся. С направления 18-го корпуса вдали появилось небольшое облако пыли, приближавшееся к нам. В бинокль я через несколько минут напряженного выжидания установил, что это – турецкие солдаты. Поездка потом прошла без инцидентов.

Под Шуремией я увидел подлинную картину турецкого отступления. В веренице открытых или закрытых автомобилей уезжали гаремы офицеров, к которым присоединилась и многочисленная обслуга. В пестрой путанице с ними шли колонны высланных вперед штабных отделений, основного и ближнего багажа. Здесь не хватало только мальчиков для увеселений, которые стали одним из не самых примечательных, – для знатока этой страны, – зато характерных явлений при отступлении персидской жандармерии из Ревандузской группы.

Когда мы наблюдали эти яркие картины бегущих гаремов, я невольно вспомнил знаменитое альтдорферовское панно сражения Александра Македонского в мюнхенской Старой Пинакотеке^[95]. А тут вдруг недалеко от нас приземлился немецкий летчик, который рассмотрел с высоты наш автомобиль. Он доложил, что противник остановил свое наступление к очищенной нами позиции у Тикрита, хотя до боя так и не дошло. Вскоре после этого появился Джафар Тайяр Бей. Он был албанцем, сколь образованным, столь и негодным командиром. Его дельного и умного начальника штаба майора Саффед-бея^[96], который хорошо говорил по-немецки, он стремился держать подальше от всех тактических решений просто из ревности. Обращался с ним как с писарем. Саффед-бей использовал свои хорошие связи со Стамбулом и вскоре после этого был назначен в Ставку в качестве начальника секции.

Из порой довольно бурных обсуждений Халила с Джафаром Тайяром, из бесед с Саффедом и немецким летчиком я все более убеждался, что здесь ни о какой английской атаке речь не идет. Но я

был уверен, что Джафар Тайяр Бей попросту не способен руководить этим сложным боем, который надо прервать еще до его исхода, а с другой стороны – добровольный отвод 18-го корпуса на очень сильную позицию Эль-Фата рано или поздно случился бы, и я использовал все свое влияние на Халила, чтобы решение командира корпуса было одобрено без излишних дискуссий. Халил, который, что вполне естественно, чувствовал крайнюю неуверенность во всех оперативных вопросах, с видимым облегчением принял мое предложение. Его очень удручали конфликты с подчиненными, которые по турецкому обыкновению немедленно начинали отказываться от своих постов.

Теперь было куда важнее немедленно обсудить с Джафаром Тайяром первые меры для закрепления корпуса на новых рубежах. Англичане так и не атаковали такую сильную позицию, шедшую по круто вздымавшейся из пустыни и унылой гряде «Гор Края Света», как их назвал один набожный мусульманин в армии, стоявшей в Джабель-Хамрин. Она оставалась за турками до конца. Операции на Тигре на этом были окончены. Британцы не стали прочно занимать Тикрит, а остановились под Самаррой, где подвели вплотную к позиции железную дорогу, от которой вообще отдалялись неохотно.

Как и ассирийцы тысячи лет назад, Халил и я с нашими сопровождающими пустились теперь в 36-часовое путешествие на древнем сплавленном судне – келлеке, на которых всегда ходили по Тигру; мимо знаменитой «каменной пирамиды Лариссы», как называл Ксенофонт зиккурат Нимруда на храмовой горе ассирийской столицы, затем к позициям 18-го корпуса в дефиле Эль-Фата, через которые в незапамятные времена пробил себе путь река, как и Рейн под Бингеном.

В ясные и уже прохладные декабрьские дни мы отправились по глухо звучащей и неожиданно поддавшейся под копытами наших коней гипсовой почве с невидимыми глазу кавернами, проехав вдоль высот красных гор и осмотрев новые позиции 18-го корпуса. Взгляд уходил по бескрайней дали вниз по пустыне, покоившейся под нами, словно застывший океан.

Вечером, усталый, я разбивал палатку. И тут посреди ночи я внезапно был разбужен. Германский радист передал мне тревожные известия о новых атаках англичан на 13-й корпус. Я тут же накинул шинель. Из-под навеса казино раздавались нестройные крики, смех и

шум. Когда я откинул полог, на меня взглянули Халил и Джафар Тайяр в окружении своих офицеров, они явно выпивали и были заняты игрой. При моем появлении шум прекратился. Мое неожиданное появление встретили неловким молчанием. И едва я успел договориться с Халилом, что мы выезжаем завтра рано утром, и выйти из палатки, как крики и смех вновь прорезали тихую ночь в пустыне.

На автомобиле мы поспешили по ближайшей проезжей дороге от Калат-Шергат через Мосул – Киркук в Тус-Хурматлы (то есть «соленые финики»), где на соленых источниках начинались красивые заросли финиковых пальм, тянувшиеся до Кифри.

В штаб-квартире 13-го корпуса нас принял новый его командующий, преемник снятого по запросу Фалькенгайна Али-Ихсан-паши и весьма приятный в личном общении человек, полковник Селахэддин-бей^[97].

Было 7 декабря 1917 г. Вскоре после нашего прибытия германский лейтенант Брунов из радиоотряда передал нам официальное сообщение о заключении перемирия между Россией и Германией^[98], известие, которое вызвало настоящее ликование.

Донесения с фронта были куда безрадостнее. Позиция Джебель-Хамрин к западу от Диялы была потеряна. Британцы заняли Кара-тепе (то есть «Черную гору») и выдвинули войска, будучи уже на полпути к Кифри. Со вчерашнего дня положение не изменилось.

Подполковник османской (и майор баварской) службы Ройсс доложил мне, что никакой серьезной атаки и не было. Командир 6-й дивизии подполковник Яхья-бей оставил поле боя без борьбы.

Следовало обязательно противодействовать подобным проявлениям разложения в командовании. Позиция по Хамрину была подготовлена к обороне. Командир был совершенно не уполномочен сдавать ее без боя. Англичане из-за подобного поведения турок стали особенно заносчивы, так что под Кара-тепе пошли напролом через горную позицию и небольшими силами вырвались вперед. И здесь им можно было оставить кое-какую памятку.

Я предложил Халилу на следующий день провести атаку с двойным охватом на холмистой местности под Кара-тепе, а вот унылый Джебель-Хамрин оставить противнику. Возражение Халила, а стоит ли вообще сражаться за эту пустыню, я отклонил тем, что в данном случае дело не в этом. Тут важно поддержать моральный дух

командования и войск, которым обязательно надо еще раз показать, что они еще владеют собой, а не полностью сданы на милость англичан. Следовало довести до сознания подчиненных нашу волю, чтобы они не обращались в бегство при первых же выстрелах. Кроме того, мы не должны были оставлять противнику полную свободу действий, а по меньшей мере поддерживать его на расстоянии удара и беспокоить его.

Мой турецкий обер-квартирмейстер майор Бассри-бей^[99], говоривший по-французски, решительно отклонил мой план. У него уже не было никакой веры в наши войска. Но я продолжал настаивать на своем предложении, так что Халил обещал мне передать его Селахэддину. Побудить его просто отдать приказ не удалось.

Прошли вечер и ночь. Наступило утро. Халил-паша пригласил меня вместе с ним осмотреть тыловую позицию под Тус-Хурматли. Я с удивлением спросил его, а обсудил ли он уже мой вопрос с Селахэдином. Страшно смутившись, он ответил отрицательно. Я же весьма настойчиво объяснил ему, что положение 13-го корпуса и армии в целом станет прямо отчаянным, если мы утратим еще и плодородный район финиковых пальм под Кифри. Следует в любом случае предпринять хотя бы попытку вновь занять позицию под Кара-тепе, ведь иначе она может послужить англичанам исходным пунктом для наступления на Кифри в любой момент. По моему убеждению, под Кара-тепе просто не могли действовать сколько-нибудь крупные силы англичан. Я решительно настаивал на своем предложении.

В самом удрученном состоянии духа Халил-паша отправился, наконец, к Селахэдин-бею. Через полчаса он вернулся ко мне, сияя: «Nous sommes d'accord! Oh! Selaheddin Bey est un subordonné très obéissant!»^[100]

Выстроили силы для двойного охвата, начали наступление на Кара-тепе, но тут пришли донесения летчиков, что противник уклоняется от боя и отходит. Кара-тепе был занят обратно без боя. И еще тем же днем Халил и я поспешили в Кара-тепе, чтобы убедиться, что приняты меры, достаточные для защиты этого важного участка от повторных атак англичан. Вечером в Тус-Хурматли царило по-настоящему победное ликование, которое выразилось в усиленном употреблении ракии (то есть фруктовой водки). До апреля 1918 г. Кара-тепе оставался под контролем турок, без всяких попыток это оспорить.

Сезон дождей заставил взять паузу в операциях до весны 1918 г.

Когда он подходил к концу, вали Мосула стал жаловаться на неподобающее поведение жителей плодородных Синджарских гор к западу от Мосула. Они будто бы отказываются уплачивать положенную десятину, а ряд действовавших на тыловой дороге Мосул – Телль-Хелиф разбойничьих банд явно следовало записать на их счет. Кроме того, они якобы поддерживают тайные связи с англичанами.

Неприязнь турок и арабов к проживавшим в Синджаре езидам, а нас ошибочно уверяли, что они – дьяволопоклонники, приводила к тому, что этим ненавистным иноверцам хотели отомстить. Я вполне понял истинную подоплеку событий, но так как военные соображения (довольствие, тыловые коммуникации, связи с врагом) тоже имели место, то не стал чинить вали препятствий.

Основные силы Ревандузской группы, которые было довольно сложно довольствовать в непростой местности заснеженных гор Курдистана, получили в марте 1918 г. соответствующую задачу. Как это обычно бывает в Турции при таких карательных мерах, вскоре попросту ограбили, сожгли, уничтожили целый ряд мирных деревень, а несчастное их население – если только оно не спаслось бегством – было перебито или унижено, а скот и зерно вывезены.

Ибрагим-бей, возглавлявший эту операцию, – со своим массивным подбородком он выглядел словно жесткий щелкунчик, – доставил вали интересную святыню езидского культа – маленькую похожую на голубя птицу из латуни, один глаз которой, казалось, ослеп. Птицы (павлин и петух) вообще якобы играют важную роль в религии езидов. Мне не удалось приобрести эту вещицу, однако я сделал ее точные фотографические снимки и передал их в этнографический музей в Мюнхене^[101].

В середине апреля 1918 г. штаб армии получил из Ставки указание атаковать Урмию, где якобы после отступления русских стали собираться хорошо вооруженные армянские банды под английским руководством. У этой операции тоже были внутривосточные мотивы. Она сводилась к уничтожению армян, что сделала своей целью младотурецкая клика. Турцию – туркам! Все инородцы – армяне, курды, греки, арабы – должны были быть переселены или выкорчеваны без остатка.

Оставалось лишь вернуть отряд Ибрагим-бея из Синджара обратно в Ревандуз. Операции против Урмии затянулись до мая 1918 г., хотя сколько-нибудь заметного результата достигнуто не было. Под конец армяне, когда с севера им стали грозить появившиеся там отряды Али-Ихсана-паши, прорвались на юг через тонкую завесу Ревандузской группы в направлении Саудж-Булак и установили контакт с англичанами, которые после ухода русских медленно продвигались на север.

10 марта 1918 г. английские войска двинулись против оставшейся в одиночестве на Евфрате под Хитом 50-й дивизии. И тут же ее командир приказал отступать на Хан-Багдади, а вот нам доложил, что он не сможет и там принять бой. После моего запроса Халил-паша снял этого офицера с занимаемой им должности и отправил на самолете в качестве его преемника одного весьма дельного командира полка из 18-го корпуса.

Англичане двигались вслед медленно и осторожно. 26 марта турецкая артиллерия на Евфрате сбила самолет, экипаж которого – командующий английской авиацией в Ираке и его офицер Генштаба – были взяты в плен. Еще в тот же день была атакована Евфратская группа и по отработанному образцу взята в клещи кавалерией, с приданными ей артиллерией и броневиками, и вынуждена была отойти. Двадцатью тремя годами спустя – во время атак в охват армии «Нил» генерала Уэйвелла против итальянцев в Киренаике – мне пришлось еще не раз вспомнить об этой давшей о себе знать уже тогда манере наступления британцев, превосходно подходившей для открытой местности в пустыне, где в 1940–1941 гг. наступление велось куда более крупными силами и более совершенной техникой – тяжело вооруженными и хорошо бронированными танками^[102].

На этот раз преследование со стороны британцев было весьма энергичным и явно направлялось стремлением освободить обоих пленных. Британская кавалерия продвинулась далеко за Ану до Абукемаля. Там ей и действительно удалось освободить английских офицеров. К сожалению, в ходе этого преследования в руки англичан под Хадитой попала германская радиостанция. И во второй раз была уничтожена изолированная Евфратская группа.

Обе катастрофы на Евфрате, естественно, вызвали немало эмоций в штабе «Йилдырыма» и в Ставке, и всякий раз следовал

небезынтересный эпилог.

Первый раз меня вызвал к прямому проводу по Юзу господин фон Папен, будущий рейхсканцлер^[103], и по поручению маршала фон Фалькенгайна спросил, не намерена ли армия немедленно двинуть дивизию с фронта по Тигру через пустыню вдоль его берегов, чтобы ударом во фланг остановить наступление англичан.

В штабе армии действительно рассматривался этот напрашивающийся вариант, а господин фон Папен подсчитал, что потребуется три-четыре дневных перехода до выхода дивизии на Евфрат. Он не учел только, что здесь решающее значение имеет водный вопрос. Количество пунктов водоснабжения было очень невелико. Объемы воды очень скудные. Они быстро истощались, так что требовалось несколько дней, пока грунтовые воды не пополнят запасы. Мы же подсчитали, что отправка одной дивизии через пустыню между Евфратом и Тигром потребовала бы почти двух месяцев. В связи с этим сугубо практическим и неизменным соображением все столь желанные стратегические планы были в прямом смысле сброшены в воду.

Вторая катастрофа Евфратской группы привела к поступлению на мое имя телеграммы генерала фон Секта. Сект тогда только прибыл в Стамбул, чтобы оказывать Энверу-паше помощь в руководстве операциями турецких сил^[104]. Поэтому по его же собственному признанию, сделанному позднее, он с ситуацией на этом театре военных действий знаком не был. Вполне возможно, что из «Йилдырыма», которому мы были подчинены до весны 1918 г., и вовсе отправляли Энверу, как заместителю Верховного Главнокомандующего, далеко не все из моих докладов.

Так или иначе в телеграмме выражалось явное недоумение Секта, что «при нынешнем соотношении сил» стала возможной подобная катастрофа. То есть в османской Ставке, видимо, господствовало убеждение, что пять турецких «дивизий», которые значились в составе армии на бумаге, и действительно превосходят четыре дивизии британцев.

Теперь уж настал мой черед недоумевать. Ведь после всех моих подробных докладов я считал попросту невозможной столь неверную оценку реальной обстановки.

Я телеграфировал в ответ: «Из телеграммы 21891 от 13 марта 1918 г. я вижу, что в Ставке ошибочные представления об истинном соотношении сил между 6-й армией и ее противниками. Вопреки указанной в боевом расписании ситуации с четырьмя английскими дивизиями против пяти турецких противник обладает двойным, а то и тройным превосходством в пехоте. Четыре вражеские дивизии следует оценить примерно в 28 тысяч штыков^[105], а во всей 6-й армии по состоянию на 15 февраля насчитывается максимум 12 тысяч штыков. Убыль из-за голода за последний месяц существенно снизила этот показатель. Только в 18-м корпусе в Калат-Шергат было вывезено 1800 человек, утративших способность к службе на фронте из-за недоедания. Численность таких постоянно возрастает. В то время как 6-я армия вынуждена передать в другие соединения свою кавалерийскую бригаду из-за нехватки фуража, а дивизионная кавалерия сократилась из-за падежа лошадей до нескольких всадников, противник располагает двенадцатью-пятнадцатью полнокровными кавалерийскими полками и многочисленными броневиками. Три четверти лошадей в нашей артиллерии погибли. Их парки по большей части более не способны передвигаться. К этой количественной слабости наших войск добавляется их подорванное физическое и моральное состояние, ведь они месяцами страдали от недоедания и теперь от голода. Еще в своем донесении I/485 от 31 октября 1917 г. в штаб „Йилдырыма“ я отчетливо указывал на то, что эти факторы даже при численном паритете могут обеспечить англичанам значительный перевес».

Затем я ссылался на постоянно повторяемые мною донесения о состоянии армии, которые не могли оставить ни малейших сомнений в серьезности положения. Заканчивал я так: «Полагаю, что уже вполне изложил, что неудача под Хитом не имеет ничего общего с мнимым соотношением сил. При учете описанных выше факторов она должна быть отнесена на счет находящегося ниже всякой критики поведения турецкого командования и резко упавшего боевого духа войск».

Чтобы продемонстрировать, что было мною сделано, чтобы предотвратить катастрофу на Евфрате, я тут же приводил текст моей инструкции германскому офицеру для связи в этой группе: «Не могу скрыть своего удивления тем, что 50-я дивизия, которая простояла пять месяцев на позиции к западу от Хита, вдруг при приближении

противника сочла, что ее оборудованную позицию нельзя считать подходящей для обороны, а потому принуждена искать теперь новый рубеж под Хан-Багдади. К этому выводу следовало прийти ранее. Командир не может вдруг опрокидывать все прежние диспозиции в момент, когда предстоит бой. Это непременно подорвет мораль и более надежных войск, нежели те, из которых состоит 50-я дивизия. Я прошу задействовать все свое влияние для того, чтобы повысить уверенность в себе турок. Англичане вывели крупные силы. Да и боеспособность индийских войск невысока. Оставление Хита без боя находится в очевидном противоречии с обязательными к исполнению директивами, которые командир дивизии получил от нас и из штаба „Йилдырыма“. В связи с этим я запросил у Халила-паши предания военному суду несоответствующего своему посту командира».

Полгода я, опираясь на то доверие, которое питали ко мне Фалькенгайн и Доммес, прилагал все свои силы к тому, чтобы выбраться из беды. Доклад свой я заканчивал словами: «Из телеграммы Вашего Превосходительства в мой адрес я вынужден заключить, что Ваше Превосходительство находит события в 6-й армии необъяснимыми. До сего дня на своем во всех отношениях неблагодарном посту я охотно и бодро выдерживал все, лишь бы не создать у турок впечатления, что я, как германский офицер, могу спастись и спастись бегством перед бесчисленными малыми и крупными, деловыми или личного характера помехами. Однако я мог поступать так лишь до тех пор, пока я пользовался неограниченным доверием моего начальства. Если же из текста направленной мне телеграммы я должен усвоить, что Ваше Превосходительство сочло, что по неизвестным мне причинам Вы не можете более выказывать мне то же доверие, что и прежде, то я считаю себя обязанным запросить в интересах общего дела о моем откомандировании обратно в германскую армию».

Сект ответил мне: «Прошу Ваше Высокоблагородие^[106] неизменно относиться к моим запросам с чисто деловой точки зрения и могу заверить, что я питаю полнейшее доверие к Вашим оценкам, Вашей силе воли и работоспособности. Я же прошу ответного доверия с Вашей стороны, убежден, что тогда нам вполне удастся в ходе спокойного и делового взаимодействия преодолеть крупные затруднения нашего положения».

Данный инцидент важен лишь потому, что он отчетливо продемонстрировал мне, что в Константинополе пока еще не вполне уяснили себе всю серьезность обстановки или попросту не желали этого понять. Та рыцарственная манера, в которой генерал фон Сект, будучи недостаточно осведомленным, затем устранил вне всякого сомнения содержащийся в первой его телеграмме упрек в мой адрес, позволила мне и далее упорно держаться на моем обреченном посту^[107].

28 апреля 1918 г. противник возобновил свое прерванное в декабре наступление на 13-й корпус. Он погнал ослабленных голодом и болезнями турок от Кара-тепе через Тус-Хурматли до Киркука. Любые попытки сопротивления подавлялись в зародыше быстро отправляемыми в глубокие рейды крупными силами английской кавалерии с приданными ей орудиями и броневиками. При том истощении, в котором находились люди и животные, неизбежными стали чувствительные потери в орудиях и личном составе. Лишь под Алтын-Кёprü (то есть «золотой мост») натиск противника ослабел, так что удалось приостановить бегство остатков корпуса за р. Малый Заб.

Противник патрулями вышел на Заб, но наступление, которому нельзя было противопоставить достаточные силы, не продолжил, а 16 мая, что весьма примечательно, даже вновь оставил Киркук. Его к этому, очевидно, побудили тыловые коммуникации. Передовые его посты остались под Тауком. Последовавшая за этим сильная жара положила конец операциям в Месопотамии.

Общий результат действий англичан с сентября 1917 по май 1918 г. для турок сводился к следующему:

- потеря имевшейся первоначально благоприятной исходной позиции для отвоевания Багдада с опорой на Диялу;
- утрата значительной части территории, личного состава и оснащения, а также сильный подрыв боевого духа;
- двойное сокрушительное поражение изолированной Евфратской группы.

Взаимная быстрая поддержка группировок 6-й армии, изолированно стоявших на Евфрате, Тигре, Дияле и в приграничных с Персией горах, была невозможна. Состояние полуголодных войск, водных и сухопутных путей сообщения, недостаток материала для

мостов и нехватка кавалерии и транспортных средств препятствовали любым быстрым переброскам резервов.

Противник добился большинства успехов почти без потерь, фактически не вводя в бой пехоту, а только за счет наступления в охват силами кавалерии и вызывавшими ужас броневиками. Пустынные ландшафты Месопотамии идеально подходят для боевых действий именно этих родов войск. Плоская степь повсеместно позволяет маневрировать конным отрядам и бронированным автомобилям. В пересохших руслах рек (вади) всегда есть участки, которые позволяют пересечь их даже броневикам.

Упавший боевой дух прежде всего турецких войск и младшего командного состава, приводивший к панике в случае внезапного появления английской кавалерии и броневиков на фланге и в тылу, делал бесполезными любые принимаемые высшим командованием меры, хотя оно пыталось по возможности препятствовать атакам подобного рода за счет сильного эшелонирования имеющихся войск на открытых флангах. Возможно, сегодня к такому провалу этих частей отнеслись бы более снисходительно на фоне того, как несравненно более спаянная и лучше оснащенная итальянская армия не смогла выдержать ни одной атаки в охват армии Уэйвелла. Да и в Киренаике раз за разом повторялась одна и та же пьеса – британцы уничтожали одну группу за другой.

Я вынужден был еще тогда признать – и позднее сам пережил подобное во время боев за Баку – пехота беззащитна против броневиков на открытой местности. Противотанковых средств тогда еще не имелось. Полевая артиллерия, которой приходилось принимать на себя эту миссию, не могла поспеть везде. К тому же и артиллерийское наблюдение было крайне осложнено отсутствием высот, с которых можно было действовать, избежав воздействия марева в воздухе над раскаленной землей.

Не могу не упомянуть здесь, что осенью 1915 г. я пережил в Галиции во время боев на Малой Стрыпе внезапный прорыв русских броневиков во фланг 48-й резервной дивизии, так что даже в германских войсках ненадолго началась паника и последовали крупные потери, в том числе в артиллерии^[108]. Мне было ясно, что в Месопотамии истощенные голодом и жарой турецкие войска крайне переоценивали истинную степень опасности, немедленно выходя из-

под контроля командования. Несмотря на такие личные выводы, я должен был в интересах дела подходить к таким фактам провала с должной строгостью. И таких внутренних противоречий у командования редко удавалось избежать.

Местность в Месопотамии лишь в незначительной степени благоприятствует обороне. Даже там, где фронт – как в Джебель-Махул и Джебель-Хамрин – может опереться на господствующие над окрестностями высоты, остаются открытыми фланги. На таких участках возможно только активное ведение обороны с сильным эшелонированием на флангах. Однако при всей простоте и ясности ситуации на деле возникали изрядные трудности. Во-первых, такое эшелонирование в принципе было сложно сильно растягивать в пустынной местности – что без особенных оговорок возможно в достаточно освоенных местностях, – ведь тогда было невозможно снабжение водой. Поэтому выдвигать прикрытие флангов надо было только при активности противника. Кроме того, необходимо было поддерживать их мобильность и достаточное снабжение продовольствием и водой из обозов. Однако при состоянии, в котором находилась турецкая армия, это было заведомо невыполнимо.

Осуществление самых многообещающих оперативных и тактических решений в Месопотамии чрезвычайно сильно зависело от подготовки. Англичане, располагавшие для этого почти неограниченными средствами, с самого начала имели, таким образом, преимущество.

Тщательная подготовка почти любой британской операции должна быть признана образцовой. В большинстве случаев противник сознательно отказывался от такого имеющего столь мощный эффект фактора, как внезапность. Почти всегда вполне возможно было своевременно обнаружить место предстоящей атаки по неоднократным рекогносцировкам и сосредоточению крупных сил кавалерии и броневиков. Зачастую разведка и становилась началом операции выделенных для нее сил. А после проведения ее последние возвращались на исходные позиции.

Рекогносцировки, как правило, проводились несколько раз, пока, наконец, не начиналась собственно атака. Они явно имели целью не просто познакомить войска с местностью, но и приучить пехоту к усилиям на марше, а также потренироваться во взаимодействии

артиллерии и пеших частей. Кроме того, они вселяли в противника неуверенность относительно сроков самого наступления. Открытым оставался и вопрос, идет ли здесь речь об отвлекающем или все же о главном ударе. Тем самым удавалось даже создать определенный момент неожиданности.

Вполне возможно, что столь методичная подготовка и предварительное согласование манеры атаки были особенно необходимы в случае с индийскими дивизиями. Однако никак нельзя забывать и о том, что безусловно важная личная рекогносцировка командиром под прикрытием патрулей в Месопотамии была далеко не безопасна. Ведь как только становилось известно о признаках предстоящих боевых действий, поблизости от войск собирались обыкновенно превосходно пользовавшиеся такими сведениями племена бедуинов, чтобы непременно застать финал боев. И сколь бы ни избегали они прямого в них участия, столь же охотно они выходили на пути отхода. Излюбленной целью их нападений были, разумеется, и патрули, и ведущие рекогносцировку штабы.

При оценке реалистичности любых решений командования в Месопотамии следовало подходить с совершенно иной меркой, нежели привыкли германские офицеры на основании известных им европейских обстоятельств. Прежде всего решающую роль играл подсчет времени, что уже было показано выше в связи с предложением господина фон Папена. Однако я хотел бы привести здесь и еще один пример – отправку действовавших в Синджаре частей Ревандузской группы в Алтын-Кёпрю в апреле – мае 1918 г.

Предстоял переход, если считать по карте, в 200 км. Если добавить две дневки, а также учесть состояние войск, что давало длину дневного перехода лишь в 20 км, можно было бы полагать, что весь этот маневр будет произведен в течение двенадцати дней.

Однако здесь решающую роль играли переправы через Тигр, Большой и Малый Заб.

Через Большой Заб вообще не было ни одного постоянного моста. При этом он отличался течением, которое отправленный мною для руководства работами по переправе германский инспектор по саперной части майор османской службы Люль^[109] сравнил с тем, что наблюдается в верховьях Рейна^[110].

Фраза о мосте через Тигр у Мосула давала бы неверную картину. Ведь каменный мост был построен на участке, подверженном половодью, так что оканчивался там, где начиналась пойма реки шириной еще 200 м. При низком уровне воды ее можно было пересечь по понтонному мосту, но при половодье его точно разнесло бы. А с января по середину мая 1918 г. уровень воды в Тигре был высоким. Когда же можно было вновь наводить наплавной мост, то из-за неумелого обращения с ним он был тотчас разорван, унесен и прибит к берегу значительно ниже города.

Запасов материалов для строительства мостов у штаба уже не было. То, что имелось, пришлось отдать в 18-й корпус. И этого запаса как раз едва хватало на переправу длиной около 200 м. А Тигр мало где бывает уже 200 метров. Так что 18-й корпус не имел возможности выбирать место переправы, выгодное с тактической точки зрения, а должен был бы переправляться только там, где при низком уровне воды река оказывается уже указанной выше ширины. При половодье же мост и вовсе был невозможен.

Единственным постоянным мостом во всем вилайете Мосул был построенный при султанине Мураде IV^[111] в XVII в. через Малый Заб под Алтын-Кёprüю. Из-за его формы, похожей на спину верблюда (похожие мосты я видел в летнем дворце у Ваньшоушань в Пекине и под Мостаром в Югославии)^[112], для проезда автомобилей, орудий и груженых повозок он был пригоден лишь при активном содействии этому солдат.

Строительство временных мостов было невозможно из-за дефицита древесины.

По этим причинам Ревандузская группа могла быть переправлена через Тигр и Большой Заб лишь обычными в этом регионе средствами, то есть на келлеках и кайках (род деревянных челнов). Имевшегося материала для кайков было очень мало, постройка их обходилась дорого, а грузоподъемность оставалась невелика. Келлеки вообще невозможно было накопить про запас, ведь их вооружали лишь в случае необходимости, так как в противном случае сдувались бараньи бурдюки (турлумбы). Местная обслуга была ленива и алчна, а пассивное сопротивление давно уже считалось в порядке вещей. Заменить же ее солдатами оказалось, однако, невозможно, ведь они не смогли бы управлять этими судами при имеющемся сильном течении.

Переправа Ревандузской группы заняла шесть дней, а общая переброска потребовала вместо двенадцати до восемнадцати дней.

На этом локальном примере я хотел показать, сколь непредвиденные трудности любого рода приходилось учитывать при ведении войны в Месопотамии. Они были куда разнообразнее и непривычнее для европейца, нежели склонны были – без личного знакомства с этой страной – предполагать. Оценить полные масштабы их воздействия, парализующего любое энергичное решение, попросту невозможно, если только сам не работал в этой стране на ответственном посту. Сколь мало были знакомы с местными особыми обстоятельствами сами турки, я смог вполне понять из многочисленных разговоров в Стамбуле с турецкими командирами и офицерами Генштаба. Поэтому вовсе не удивительно, что германские офицеры, не выезжавшие из чарующей округи Стамбула, очень часто приходили к неверным и поверхностным выводам. Да и те офицеры, что основательно были знакомы с Фракией, Малой Азией, Сирией и Палестиной, в этой пустыне, лишенной любых современных вспомогательных средств и находящейся на несравненно более низкой ступени развития, чем прочая азиатская Турция, вынуждены были во многих отношениях переучиваться.

Новый план по отвоеванию Багдада

В феврале 1918 г. – незадолго до отъезда генерала и османского маршала фон Фалькенгайна – на пост прежнего германского главы штаба османского Верховного Главнокомандования генерала Бронзарта фон Шеллендорфа заступил генерал фон Сект^[113].

Уже в первой его телеграмме мне вновь упоминалось об отвоевании Багдада. Мир с Россией должен был высвободить крупные силы турок. Они могли быть использованы для наступления в Ираке. Но так как провозоспособность Анатолийской и Багдадской железных дорог с учетом задачи по снабжению войск в Палестине никак не могла покрыть потребности даже слабой 6-й армии в Месопотамии, а улучшить работу магистралей было невозможно, то вновь приданные резервы должны были бы поэтому базироваться на Евфрат и Тигр в качестве главных тыловых коммуникаций. Генерал фон Сект просил меня поразмыслить над этой проблемой и сделать ему предварительные предложения относительно осени 1918 г.

А я тем временем заболел в Мосуле эндемичной для этих мест глазной болезнью Коха-Уикса^[114], затем тяжелым амёбным кишечным расстройством, так что нуждался в поправке здоровья. Поэтому с наступлением жары в июне 1918 г., которая прекратила все операции, я попросил об отпуске в Германию, который был мне предоставлен.

Когда в сопровождении моего переводчика с арабского, известного археолога и ученика Кольдевея доктора Юлиуса Йордана^[115] я ехал на автомобиле из Мосула в Нисибин по пустыне, которая по ночам озарялась светом степных пожаров, а днями напролет сбивала с толку миражами отблесков водной глади, я и не подозревал, что в последний раз наблюдаю эту великолепную игру пустынных ландшафтов, прежде всего несравненного звездного неба. В Нисибине, куда между тем была доведена железная дорога, мы сели в товарный состав, где разложили наши походные кровати и смогли насладиться удобной семидневной поездкой в Хайдар-паша, вокзал на азиатской стороне Константинополя.

После разнообразных приключений – на одной из станций нам сутки не давали локомотив – мы с попутчиками прибыли к конечному

пункту, на местном сборном пункте для германских офицеров и солдат висела табличка «Закррито!». Над Босфором высились светлые силуэты празднично подсвеченных во время рамадана мечетей Стамбула. А вот запрошенной по телеграфу лодки не было. Все служебные бюро были закрыты, но все же мне удалось – в конце концов и Константинополя должна была касаться военная обстановка – добиться к телефону унтер-офицера, который отправил нам паровой катер флотского ведомства. Вновь остановились, когда запуталась спиралью цепь для швартовых. Да и на мосту в Стамбуле нам пришлось долго ждать, пока, наконец, не подъехал вызванный по телефону автомобиль, который доставил нас и наш багаж в Пера. В указанном нам отеле – хотя я несколько раз пытался добиться этого от портье – никаких сведений о германской комендатуре не дали. Единственную оказавшуюся случайно свободную комнату я занял для нас с Йорданом, а моего турецкого переводчика Мемдуха-бея хотел разместить там на диване. Унтер-офицер, однако, отказался, сославшись на приказ коменданта города, который запрещал селить турок в отель. Я же настаивал на своем, ведь под напором и железо ломается, и в чрезвычайных случаях нельзя просто систематически следовать инструкциям. А я ни в коем случае не мог просто оставить на улице своего боевого товарища, учившегося в Марбурге.

В соседнем отеле, который нам рекомендовали для возможного ужина, как раз при нашем появлении выходили из казино пара офицеров в весьма приподнятом настроении. Один из них позднее и оказался комендантом города, чего я, к сожалению, знать не мог. Усталые, мучимые голодом и жаждой мы попросили немного еды и бодрящего напитка. Но, так как только что пробило десять часов, то и в этом ординарец нам отказал. С трудом и кое-как нам все же вынесли хотя бы стакан пива.

И вдруг передо мной откуда ни возьмись вырос самого вальяжного вида какой-то парень, одетый не по форме, который оказался «личным секретарем» коменданта города, известного берлинского банкира. В самом высокомерном тоне он дал мне понять, что «Ваш турок», – а Мемдух сидел рядом со мной и понимал каждое слово, – несмотря на мой приказ, не будет размещен в отеле.

Я попросил о разговоре с городским комендантом, ведь я вовсе не собирался довольствоваться этим сообщением и намерен был

объяснить особые обстоятельства дела. Он явился в крайне дурном расположении духа и явно озлобленный этим беспокойством. Тщетно я пытался его убедить, сколь прискорбное впечатление произведет такая негостеприимность европейцев-христиан на наших союзников, а ведь мы обязаны рассчитывать на радушие их к гостям в самом широком и восточном смысле этого слова; я пытался ему показать, что же означает для молодого человека, усталого и голодного, оказаться в ночи посреди совершенно незнакомого ему города выброшенным на улицу. Но все речи были напрасны. Берлинский банкир не выказал ни малейшего понимания чисто гуманных соображений и настаивал на своем, словно Шейлок, хотя евреем он не был^[116].

Он имел высокую награду – орден Гогенцоллернов, то есть «Pour le Merite^[117] для маленьких», как остроумно шутили в Пруссии. Я тщетно пытался представить заслуженных офицеров моей армии, которые ежедневно ставили свою жизнь на кон в Ираке, с его климатом и условиями жизни, к этому знаку отличия. А когда я не смог скрыть своего удивления этим в разговоре с одним офицером штаба генерала фон Секта, то он улыбнулся и смущенно заметил: «Ну а мы что можем сделать? Ведь он очень богат и умеет устраивать роскошные вечера для турок и немцев».

Так что мне ничего не оставалось, кроме как посреди ночи отправить-таки на улицу моего верного турецкого спутника, ведь действовать откровенно вопреки служебной инструкции я никак не мог. Позднее последовали неохотные извинения коменданта города, что он, дескать, не знал, с кем имеет дело в моем лице, а посему сожалеет, что пропустили мои неоднократно направляемые запросы по телеграфу, и теперь никак не может изменить моего неприятного и вообще прискорбного впечатления от этих событий.

Генерал фон Сект сначала выслушал мой доклад об обстановке в Месопотамии в одиночестве, а затем уже в присутствии Энвера-паши и при более подробной деловой беседе. С Сектом можно было говорить свободно и откровенно, без колебаний указывая на все проблемы, без того – как это было с Фалькенгайном – чтобы при этом опасаться быть причисленным к «пессимистам» или попасть под подозрение в «недостаточной энергичности». Секту важна была исключительно трезвая оценка обстановки. В чуть ли не смущенной манере поведения Энвера сквозила неуверенность в себе человека на

посту, которому он лично никак не мог соответствовать. Собственным мнением он обладал лишь в политических вопросах^[118]. В оценке военных задач он целиком зависел от своих советников. Там, где он – как в начале войны на Кавказе – должен был вмешаться лично, на него пала вина за роковые поражения. Сект и Энвер были убеждены в бесперспективном положении 6-й армии и безусловно поддержали сделанные мною выводы.

В день моего отъезда в Мюнхен я был приглашен к Секту на завтрак. Он опаздывал, и его жена^[119] уже начала нервничать. Когда же он наконец прибыл, то немедленно попросил меня пройти за ним в кабинет. Там он мне конфиденциально сообщил, что только что принято решение назначить моего командующего армией Халила-пашу вместо Вехиба-паши^[120] командующим вновь образованной группы армий «Восток» на Кавказе. Я же должен буду сопровождать Халила как начальник его штаба. Совершенно переменившиеся обстоятельства на Кавказе лучше всего смогут быть упорядочены тем штабом, где немцы и турки смогли наладить доверительное и уже проверенное сотрудничество. Сект спросил меня, готов ли я в такой ситуации отказаться от моего отпуска. Я без промедления ответил согласием. Эта миссия казалась мне чрезвычайно увлекательной.

На Кавказе из-за жестких действий Вехиба-паши дошло до весьма серьезных стычек между турками и немцами. Вехиб-паша, который позднее был одним из командующих войск негуса Хайле Селассие^[121] в Абиссинии в ходе оборонительных боев против Муссолини, нарушил условия Брест-Литовского мира и установленные им границы, а затем занял большую часть только что образовавшейся Армянской республики и из Александрополя продолжил наступление на Тифлис, столицу также едва появившейся Грузии^[122]. Образование грузинского государства произошло, однако, под покровительством Германской империи^[123]. Генерал барон фон Кресс, который с образцовым тактом и самой решительной энергичностью выполнял в Тифлисе миссию военно-политического представителя Кайзеррейха, выступил с германскими войсками против этого рейда Вехиба-паши. Дошло до открытых боев между союзниками^[124].

Еще в Мосуле не так давно Халил-паша как-то раздраженно спросил меня, что же должно означать появление на Кавказе

броневика с черно-бело-красным флагом, который помешал туркам наступать на Тифлис. Отрезанный от любой связи с Константинополем, получая оттуда лишь самые скудные служебные сообщения, я не мог дать Халилу никаких объяснений по поводу этого загадочного и для меня самого происшествия. А он отправил мне вслед и в Константинополь телеграмму, что бы могло значить это наступление немцев из Грузии против турок. Он опасался худших последствий.

В Константинополе я постепенно стал прозревать водоворот интриг вокруг турецкой политики на Кавказе. Турки, без сомнения, намеревались завоевать весь Кавказ. Вехиб-паша действовал, разумеется, заручившись тайным согласием Энвера-паши и великого визиря Талаата-паши^[125]. Последняя его акция была нацелена на Грузию. За счет решительного вмешательства генерала фон Кресса ей был быстро положен конец.

Вторая операция, возглавляемая самым младшим братом Энвера Нури-пашой^[126], была более удачна, она привела к образованию находившейся под турецким протекторатом татарской^[127] республики Азербайджан^[128], чьей временной столицей стал Елизаветполь, ныне называемый Гянджой^[129]. Будущая столица – Баку – находилась в руках англичан во главе с генералом Данстером, а также монархически настроенных русских под командованием генерала Бичерахова^[130], не признававших Брестский мир^[131]. Из турецких соединений и татарских добровольческих формирований была образована Исламская армия, которую возглавил Нури-паша. Главные ее силы во главе с Мюрселем-пашой^[132] начали осаду Баку.

Когда Халил еще в Мосуле сообщил мне об образовании этой Азербайджанской республики, он сказал с сардонической ухмылкой: «C'est non bien choisi, n'est-ce-pas?»^[133] И я вполне его понял – он намекал на запланированное позднее присоединение к этому новому государственному образованию Нури населенной преимущественно татарами северо-западной провинции Персии Азербайджан. В действительности же – как мне известно теперь – и эта, третья акция уже шла полным ходом. Турецкий корпус занял Тебриз^[134], где, насколько можно было судить, была резиденция персидского престолонаследника^[135].

Одновременно с этими планами работали и над искоренением армян, которых беспощадно истребляли либо изгоняли из мест, где они жили издревле. Полное уничтожение Республики Армения, сократившейся до Эривани и окрестностей озера Гёкча, было вопросом времени^[136].

В Тебриз как раз в это время прибыл новый германский консул Вустров^[137]. В моем доме на Тигре этот высокообразованный и очень энергичный деятель был весьма желанным гостем на наших своего рода «серапионовых вечерах»^[138]. Генерал Людендорф телеграммой специально поручил мне поддерживать эту миссию. Она должна была, прежде всего, бороться с английской пропагандой в Персии. И чтобы облегчить свою непростую роль в связи с позицией турок, которые уже полагали полутатарский Тебриз своей вотчиной, я отправился к германскому послу графу Бернсторфу^[139], чтобы привлечь его внимание к миссии Вустрова. Но ему об этом было ничего неизвестно. Это меня немало удивило после всего того, что я вообще знал о духе этого ведомства по воспоминаниям Бисмарка^[140]. Так что я был поражен, когда посол нетерпеливо воскликнул: «Да вообще к чему германский эмиссар в Тебризе? Это ведь приведет только к новым осложнениям с турками!» Я же ответил, что нельзя просто так жертвовать нашими, в том числе с военной точки зрения, насущными интересами ради безбрежного турецкого империализма. Тогда граф Бернсторф величественно взглянул на меня и сказал: «При той политике, которую проводят в Берлине, мы будем вынуждены рано или поздно позволить нашим союзникам занять персидскую провинцию Азербайджан». И тут я понял, что на дипломатическую поддержку Вустрова рассчитывать не приходится.

Мне была также важна официальная точка зрения графа Бернсторфа относительно создания самостоятельной Армении для определения и моей политической позиции в данном вопросе на Кавказе. Вторжение Вехиба едва не уничтожило это едва формирующееся государственное образование^[141]. Посол вполне солидаризовался с моим мнением, что Вехиб, действуя с тайного согласия Талаата и Энвера, в принципе решил лишить жизнеспособности это дитя ведшихся в далеком Брест-Литовске переговоров^[142]. Граф полагал, что при сложившихся обстоятельствах

в Берлине едва ли придают серьезное значение созданию армянского государства. На фоне других тяжелых проблем именно этот вопрос оказывался не так уж важен. Так что одобряют любой результат, который в итоге будет достигнут в ходе его переговоров с Талаатом.

И от такого либо равнодушного, либо исполненного ненависти государственного деятеля зависела судьба целого народа, который Талаат изгнал с его занимаемых тысячелетиями родных земель и обрек на голодную смерть в Джебзире. А теперь намеревались уничтожить и его остатки на русской территории.

В Мосуле, где армянки продавались на рынке за пару серебряных монет, я часто видел толпу пригнанных туда армян, которые, будучи умелыми ювелирами, выполняли на рынке различные работы по серебру для богатых. И вот однажды их лавки опустели, а они бесследно исчезли. Так как в это же время по всем германским штабам и частям вела жесткие обыски турецкая тайная полиция, охотясь за теми, кто временно пристроился слугами или работниками, просто чтобы выжить, то во время вечернего доклада я доложил Халилу об исчезновении армян на базаре. Он смутился и после некоторой паузы сказал: «Вали формирует из них рабочие отряды, которые должны ремонтировать дорогу в Джебзирет-ибн-Омар». С удивлением я спросил его, откуда же вали возьмет транспортные средства и продовольствие, чтобы при тогдашнем голоде кормить всех этих людей так далеко от Мосула? В ответ на этот инквизиторский вопрос Халил наморщил лоб и развязным тоном ответил: «Я в дела вали не вмешиваюсь!» Тогда я молча поднялся, пристально посмотрел паше в глаза и с церемонным поклоном без слов вышел из комнаты. Теперь я знал, что ненависть турок к таким упрекам, на которые им нечего возразить, выразится в голодную смерть несчастных в пустыне.

Талаат решал армянский вопрос как турок. Его приказы несли отпечаток той азиатской жестокости, с которой без колебаний уничтожают тысячи людей. В Айя-Софии мне показали на изрядной высоте отпечаток на колонне руки Узуна Хасана^[143], который при штурме Константинополя в 1453 г. въехал в церковь по трупам из трех тысяч перебитых им людей. Талаат и его подручные стали достойными наследниками подобных традиций.

Турецкий великий визирь с циничной издевкой маскировал уничтожение изгнанных врагов в своих указаниях вали арабских

вилайетов. Для непосвященных же европейцев эти приказы звучали вполне невинно.

«Скажите армянам, что они вполне смогут обжаловать нарушение своих прав в тех местах, куда они будут сосланы!»; «Известите армян, что они смогут перейти в ислам только там, куда были отправлены!»; «Скажите разлученным со своими мужьями армянкам, что они воссоединятся с ними уже на месте ссылки!»; «Отправьте всех осиротевших детей в те же места, куда ссылаете и прочих!».

Однако 1 декабря 1915 г. этот дьявол в человеческом обличье все же позволил себе сбросить маску в секретной телеграмме в адрес вали Алеппо, которая должна была сбить с толку, прежде всего, остававшихся в Турции американских миссионеров, так что там было написано: «Место ссылки называется Ничто!»

В большой пустыне между Евфратом и Тигром огромная армия изгнанных и растворилась в этом Ничто! Лишь разбросанные повсюду белеющие кости остались от этого работающего и умелого народа. Бедуины охотились на беспомощных юных девушек, а затем уводили их в свои шатры. Лишь немногие смогли спастись с помощью американских миссионеров.

После войны прямо на улице в Берлине Талаата застрелил молодой армянин Тейлирян^[144], ведь именно по вине первого погибла вся его семья, так что ему не давала покоя запятнанная кровью тень его матери. Наряду с генералом Лиманом фон Сандерсом и майором Францем Карлом Эндресом^[145] я был приглашен в качестве эксперта на судебные слушания, где на скамье подсудимых в лице довольно милого человека оказался мститель за неслыханные страдания целого народа. Государственный обвинитель, цепляясь за мертвенную букву закона, требовал для Тейлиряна смертного приговора, но немецкие присяжные оправдали «убийцу». Сердце мое возликовало от радости, когда в зале суда приветствовали приговор.

В таком военно-политическом ведьмином котле я и отправлялся к решению новой задачи, которую генерал фон Сект в ходе дальнейшей беседы дополнил и еще одним особенно важным поручением. В Верховном Главнокомандовании возник план отвоевать Багдад с севера за счет весьма масштабной операции через Персию, которую следовало бы поддержать отвлекающим ударом в Месопотамии. Я же

должен был немедленно приступить к подготовке этого гигантского предприятия, реализация которого была намечена на весну 1919 г.

Образованная 10 июня 1918 г. группа армий «Восток» состояла из нашей старой 6-й армии в Месопотамии, с которой мы теперь могли поддерживать связь только по радио, и из 9-й армии Якуба-Шевки-паши^[146], одноглазого пожилого турка, отнесшегося к моему появлению в окружении Халила-паши с нескрываемым недоверием. Главную свою задачу он видел в уничтожении Армянской республики, опасаясь появления тому европейских свидетелей. 9-я армия стояла под Карсом и Александрополем (ныне Ленинакан)^[147], ей же подчинялся и корпус, выдвинутый в Тебриз.

3-я армия должна была прикрывать и обеспечивать управление Батумом и другими граничащими с ним и вновь приобретенными территориями, часть из которых до сих пор оспаривалась Грузией. Группе армий она пока не подчинялась. Под Баку в составе Исламской армии стояла дивизия Мюрселя-паши, который, как и Али-Ихсан-паша, получил военное образование в Германии. Она находилась в прямом подчинении Ставки в Константинополе. Такое двойственное управление войсками на Кавказе вело к нестерпимой с военной точки зрения обстановке. Ведь так как Исламская армия должна была служить главным образом политическим целям – занятию и протекторату над татарским Азербайджаном, намеревались в принципе исключить любое германское влияние, возможное, например, из-за принятых по моей инициативе мер. И только личное влияние Халила-паши на его молодого племянника Нури могло бы мне помочь добиться необходимых с военной точки зрения акций.

Взгляд на карту показывает, что при запланированной операции с Кавказа через Персию на Багдад следовало базироваться на железнодорожную линию Батум – Тифлис – Эривань – Тебриз. Прежде чем определять и развивать любые дальнейшие тыловые коммуникации из Тебриза в Ирак, нужно добиться, чтобы эта опора всего предприятия находилась под прочным турецким контролем и была избавлена от любого враждебного воздействия.

Но, не считая занятого турками Батума, эта железная дорога на участке от границы с Грузией и до занятого 9-й армией района под Александрополем была под контролем грузинского правительства, которое пока что не давало разрешения на проезд любых военных

эшелонов османов по своей территории. И слишком еще свежи были воспоминания о боях, только что оконченных вмешательством генерала фон Кресса и обращением германского правительства в Стамбул.

Южнее Александрополя и до персидской границы железная дорога шла уже по армянской территории, с которой тоже еще не было достигнуто соглашение, однако при необходимости ее можно было к этому принудить^[148].

Но даже в случае разрешения обоих этих вопросов свободное и надежное использование этой магистрали было исключено до тех пор, пока в Баку стоят английские и русские войска^[149]. Было попросту невозможно подвергать группу армий такой опасности, когда главная ее артерия будет под ударом со стороны Баку, пока она будет в пустынях Персии за сотни километров от нее на марше в сторону Багдада.

Значимость Баку и его нефтяных источников была чрезвычайно высока, даже не считая этих уже самих по себе решающих оперативных соображений. Работа железных дорог на кавказских линиях была основана на *massud*^[150] – отходах нефтепереработки. А запасы мазута в Грузии подходили к концу. Перевод локомотивов на дровяное топливо был бы крайне трудным, затратным по времени и вообще вряд ли разумным делом, ведь взятие Баку – а оно было вполне возможно – открывало бы перспективу неограниченных поставок мазута.

Эти соображения, высказанные еще в Константинополе, казалось бы, делали одной из самых насущных моих задач на Кавказе достижение дружественных договоренностей с грузинским и армянским правительствами об использовании железных дорог для отправки турецких военных эшелонов, ну и обеспечение перехода Баку под наш контроль.

Рука об руку с этим следовало немедленно приступить к требующей немало времени рекогносцировке условий для наступления и инспекции продовольственной обстановки в Персии.

Знакомый мне по Мосулу германский консул Вустров в Тебризе знал Персию, проведя в ней немало лет. Именно на его деятельную поддержку я в первую очередь и рассчитывал. К сожалению, без всякой его вины немедленно после прибытия в Тебриз Кязыма-

паши^[151] дошло до прискорбных конфликтов с турками. Вустров, как представитель Германии, лично и вполне официально приветствовал его по прибытии, однако Кязым весьма вызывающим образом ограничился тем, что отправил ему через своего адъютанта визитную карточку. Затем Кязым приказал арестовать охрану консульства Вустрова, состоявшую из афганцев, дойдя даже до угроз, что он силой выпроводит из города Вустрова, ведь он проводит «враждебную туркам» политику. И так как я едва ли мог рассчитывать на поддержку графа Бернсторфа, то в телеграмме генералу Людендорфу обратил его внимание на эти безрадостные инциденты. Одновременно я запросил посредничества и у Халила, который тоже попытался смягчить ситуацию, однако устранить напряжение не смог.

Я отправлял своих офицеров для связи к Вустрову, прежде всего – лейтенанта Франке, попросив о его поддержке. Вопросы мои затрагивали:

1. Продовольствие

Каков по объемам и качеству урожай этого года? Имеются ли заготовленные запасы? У кого именно и по каким ценам можно произвести закупки? Достаточно ли будет имеющегося, чтобы обеспечить довольствие людям и животным до следующего урожая? Была ли новая посевная столь обильной, что при прочих равных условиях можно надеяться на получение в 1919 г. большого урожая? Занимаются ли крупномасштабными закупками и вывозом продовольствия англичане? Как отнесется персидское население к закупкам и реквизициям со стороны турок? Какую позицию занимает по отношению к этому персидское правительство? Возможно ли привлечь население к складированию запасов продовольствия вдоль путей предполагаемого наступления?

2. Местность и ситуация на дорогах

Группа армий планировала продлить рельсовые пути через Тебриз далее на юг. Для этого в первую очередь имели в виду направление Тебриз – Зенджан^[152], при том условии, что участки Зенджан – Хамадан или Зенджан – Сейфабад – Хамадан окажутся подходящими для проезда грузовых автоколонн ответвлениями.

В частности, следовало удостовериться, насколько подходят для целей снабжения и для каких именно транспортных средств дороги:

Секкез – Сенендж – Керманшах

Миане – Зенджан – Хамадан

Миане – Зенджан – Сейфабад – Хамадан

Имеются ли достаточно прочные мосты? Где расположены те сложные участки ландшафта, для устранения которых необходимо особо привлекать рабочую силу? Есть ли на карте масштабом 1:800 000 существенные неточности?

3. Транспортные средства в стране

В какой степени местные жители богаты вьючными животными, повозками и гужевым скотом? Для него следует иметь в виду двойное применение: подвоз продовольствия к тыловым инстанциям из пунктов в стороне от основной дороги наступления, а также использование для снабжения по основным тыловым коммуникациям. Каковы цены на покупку или аренду транспортных средств?

Относительно разведывательной деятельности следует иметь в виду в первую очередь район Сенендж – Зенджан – Казвин – Хамадан – Керманшах.

Уже сама постановка вопросов показывает, сколь огромное количество задач следовало разрешить в кратчайшее время, чтобы сделать возможным проведение операции. Знатоки Персии, которых я опрашивал относительно ситуации с продовольствием и вообще в стране в целом, давали в основном крайне пессимистические оценки. Да и сам я в глубине души питал серьезные сомнения в том, сможет ли Германия выделить все необходимые технические средства, чтобы избежать катастрофы, постигшей нас в Месопотамии.

Переговоры в Тифлисе и Эривани

По узкой дороге совсем рядом с глубокой синевы Босфором автомобиль вывез меня из моря константинопольских домов в Буюк-дере. Мои глаза, которые целый год любовались только простой и грубой красотой пустыни, теперь наслаждались пышностью бурного цветения, зрелищем иссеченного скалистого берега и радостно-оживленного потока, разделяющего Азию и Европу. В Буюк-дере дорога сворачивала прочь от берега. Машина с трудом протискивалась по змеиным извивам и остановилась перед низенькими воротами в высокой стене. Их отворили чернокожие евнухи и провели меня внутрь павильона.

Во главе небольшого застолья сидел Энвер со своим отцом, сводным братом Халила-паши, старше его на тридцать лет^[153], обращаясь с ним с трогательной заботой. Рядом с ним сидели один за другим: морской министр, большой Джемаль-паша с его неуловимовковарными глазами, тучный Халил-бей^[154], предшественник Талаата во главе османской дипломатии, а далее, опираясь на свой костыль, Исмаил Хаккы-паша, который как никто другой умел набить свои карманы германским золотом при распределении военных поставок. На Золотом Роге о продажности и коррупции младотурецкой клики рассуждали с веселым добродушием, ведь прекрасно понимали, сколь несокрушимы деспотические приемы правления на Востоке.

Черные евнухи из гарема султана – ведь Энвер был женат на представительнице султанской династии^[155] – подали яства. И как было принято у греческих императоров древней Византии, у которых лишенные культурного обхождения османы переняли все формы светской жизни, сразу вдоль стола побежал низенький, немолодой и смышленный карлик, который в роли придворного шута шептал гостям на ухо всякие забавные замечания и шутки.

Я с интересом рассматривал это любезное собрание, где общались в спокойном тоне восточной вежливости, когда мне пришла в голову мысль, вызвавшая у меня тихую улыбку. Не считая генерала фон Секта и меня, за этой прекрасной трапезой сидела часть могущественнейших лидеров турецкой правительственной клики, но это были сплошь те,

кого в Европе, с ее, разумеется, давно устаревшей моралью, назвали бы преступниками.

Несколько дней спустя юркий английский пароход «Гюль Нихаль» вез нас мимо угольных копей Зонгулдака и развалин крепости в Трапезунде – мы посетили и то и другое – в Батум. Там мы были очарованы пальмовыми аллеями, бамбуковыми зарослями и чайными плантациями с китайскими кули – ведь нашему взору открылись настоящие тропики, которые я до этого видел в последний раз на Цейлоне семнадцать лет назад^[156].

Когда днем я прилег на кровать в отеле почтительно, то заметил вдруг длинную вереницу маленьких красных существ, которые ко мне целенаправленно приближались. И это была первая встреча с кавказскими клопами; с этого момента они будут мучить меня везде, в комнатах и железнодорожных вагонах; после сотен укусов вся верхняя половина моего тела постепенно столь пострадает, что я вынужден буду после возвращения в Мюнхен обратиться за помощью к дерматологу Цумбушу, ведь я – к счастью, безосновательно – опасался, что дело может дойти до кожной болезни, которая на Востоке отнюдь не редка.

В Трапезунде Халил-паша получил более точные сведения о наступлении Вехиба-паши, а также ясное представление о его ярко выраженной неприязни к немцам. Вернувшись на борт судна, он за ужином поднялся и произнес нам тост по-французски. Официальная политика Турции все еще связана союзом с Германией. Было бы неверно говорить о некоей партии в Турции, которая подрывает этот союз. Однако с теми отдельными личностями, которые этим занимаются, следует покончить – «*comme des chiens et des cochons!*»^[157].

Состоялся торжественный официальный прием грузинского правительства, предоставившего нам специальный поезд со стороны Батума, да и генерал барон фон Кресс ожидал Халила-пашу в Тифлисе. В отеле «Ной», куда мы были поселены как гости правительства, мне бросилась в глаза стайка юных и элегантных девушек, которые подсматривали через полуоткрытые двери комнат или крадучись проскальзывали по коридорам. За завтраком на другое утро Халил с улыбкой рассказал о яростном споре, который якобы завязался между грузинской социалисткой и великорусской монархисткой за право

разделить с ним ночлег. Свое весьма яркое описание он завершил словами: «Et moi, pauvre turc, j'ai failli être mangé par ces diables russes»^[158].

Генерал барон фон Кресс, в чьем гостеприимном доме я провел много времени, в процессе бесед описал мне всю сложность положения на Кавказе – весь маятник политических интриг, который раскачивали со всех сторон. Все группировки надеялись половить рыбку в мутной воде. Кресс же стал посредником в установлении контакта между мной и теми личностями, которых приходилось иметь в виду в первую очередь для выполнения моей миссии, то есть для разблокирования железной дороги Батум – Александрополь.

Самой заметной фигурой из них в Тифлисе был Ной Рамишвили, заместитель премьер-министра Республики Грузия^[159]. Он лично вовсе не желал идти мне навстречу в вопросе эксплуатации магистрали. Ведь подобное разрешение было единственным средством давления на турок, предъявлявших все новые претензии на грузинские территории. Разумеется, турецкая алчность здесь жестко уперлась в грузинское сопротивление.

Я начал все более понимать, что вопрос о передаче ряда небольших участков территории к югу от Батума для турок куда важнее, чем окончательное урегулирование железнодорожной проблемы, от которого зависела планируемая операция против Багдада, а ее Энвер, видимо, стремился рассматривать теперь как «немецкую затею». Мои переговоры буксовали, ведь Стамбул никакой уступчивости в территориальных вопросах не проявлял^[160]. Я доложил об обстановке генералу фон Секту, но ответа не получил.

Рамишвили тоже всегда переходил на общие темы. Он прожил в Финляндии десять лет и хорошо знал тамошнюю обстановку^[161]. Он спрашивал меня, зачем же мы хотим навязать этому народу германскую монархию? «Ведь лишь очень тонкий, хотя, конечно, благодаря своему богатству весьма влиятельный слой крупных помещиков настроен монархически. Подавляющее же большинство народа желает республику. Почему же Германия ставит на кон симпатию к себе этого большинства, лишь бы добыть корону очередному честолюбивому династу?»^[162]

Этим вопросом Рамишвили осторожно зондировал нашу позицию относительно известных ему планов путча монархистов из грузинских

князей^[163]. Я же был конфиденциально осведомлен Крессом о том, что к нему, как убежденному монархисту, обратился с просьбой о поддержке планов переворота представитель от грузинских дворян. Он получил полный отказ. Я же смог спокойно заверить министра, что столь умный, искренний и надежный человек, как генерал барон фон Кресс, будучи официальным представителем Германии, никак не пошел бы на подобные авантюры.

Позднее Рамишвили был изгнан большевиками из своего Отечества и убит политическим противником в эмиграции в Париже^[164].

Так как переговоры с Грузией ни к чему не привели, я побудил Халила-пашу к официальному визиту в Эривань, чтобы урегулировать с избравшим себе там резиденцию армянским правительством вопрос об использовании магистрали в Тебриз. Мы попросили Кресса и австрийского эmissара советника посольства барона фон Франкенштайна, которому довелось окончить свою дипломатическую карьеру последним послом самостоятельной Австрии в Лондоне в 1938 г.^[165], сопровождать нас в Эривань. Я ожидал благоприятного впечатления на армян от присутствия представителей союзных христианских держав, а также возможности оказать давление на Халила для окончательного решения постоянно откладываемого Энвером вопроса о возвращении домой изгнанных турками армян, туда, где они ранее проживали.

Кресс согласился лишь при подчеркнутом условии, что его специальный эшелон не будет, как случилось незадолго до этого, постоянно без всяких причин часами задерживаться турецкой пограничной стражей^[166]. Само собой Халил-паша и я заверили генерала, что соответствующие указания будут отданы немедленно. И это было сделано устно и письменно и мной, и Халилом.

Более того, я еще отправил германского офицера, майора Хартманна^[167], на приграничную станцию, чтобы обеспечить беспрепятственный проезд официального представителя Германской империи. Поэтому я попросту лишился дара речи – хотя к некоторым характерным турецким явлениям уже по привычке, когда в день планируемой поездки Халил направил мне следующую записку: «Господин полковник! Voilà encore un scandale de notre part. A présent Hartmann, qui est retourné, dit, qu'on a arrêté quatre heures le train de M. le

général malgré les ordres que j'ai donné. Je vous prie de faire une enquête sérieuse pour la cause qui m'a fait honte et j'ai donné ma parole à M. le général que l'officier qui a fait cette bêtise sera puni»^[168]. Этот прискорбный инцидент дает представление о том, с чем приходилось считаться в повседневной работе турецких инстанций, точнее, о том, на что рассчитывать не приходилось, ведь это было в самом прямом смысле слова просто непредсказуемо. «Серьезное» расследование, о котором отдал распоряжение Халил – характерно уже то, что он вообще использовал данный эпитет, – прошло, как и все прочие, которые инициировал я: в виде потока отчетов, из которых невозможно было понять, кто же, собственно, виновен. В итоге ничего не происходило. Халил же очень быстро забывал об инциденте.

Наш поезд вечером выехал из Александрополя, чьи здания русских официальных ведомств зримо возвышались над низенькими армянскими домами, которые всегда из страха перед частыми землетрясениями прижимались к земле, что было похоже на то, как грозные гиганты вздымаются над трясущимся народом карликов. Ночь была мучительной. Словно остатки потрескавшегося красного лака, тысячи кровожадных клопов висели на стенах и сиденьях русского вагона. К утру я был совсем измотан безуспешной борьбой против этих кровососов и слегка вздремнул. Вдруг меня разбудил удар. Поезд остановился. Было совсем светло. Еще спросонья я высунул голову в окно, чтобы посмотреть, где же мы находимся. И зрелище, что мне открылось, заставило меня тут же проснуться.

Передо мной в ярком сиянии солнца возвышалась, превосходя Монблан более чем на 400 м, громадина обледенелого Большого Арарата^[169], вздымаясь из широкой степи к небесам. Под светлой голубизной чистой атмосферы белая шапка снегов и ледников ниспадала над громадными отрогами потухшего вулкана. И почти скромным казался рядом с ним его напарник, высотой на пару тысяч метров ниже – Малый Арарат.

У подножия горы в Эривани, новой столице Республики Армения^[170], Халил восстановил уже давно оборванные связи. Ведь министр Арам Манукян^[171] некогда был его товарищем в борьбе за свободу против султана Абдул-Хамида^[172]. Затем друзья стали политическими врагами, однако теперь ощущения былой личной симпатии вернулись, способствуя стремлению к взаимопониманию.

Я настаивал, чтобы Халил отправился с официальным визитом к предстоятелю армянской церкви католикосу в Эчмиадзин. Впечатление, которое мог получить от бедствий беженцев этот чувствительный и в принципе добродушный человек, я полагал полезным для разрешения им вернуться домой.

Халил был тронут, когда навстречу ему в небольшом увешанном коврами покое вышел католикос Геворг V^[173] с почтенной седой бородой и блистающим бриллиантами крестом на высокой черной камилавке. Мне уж показалось, что я вижу перед собой воплощение запечатленного Рафаэлем первосвященника Юлия II^[174]. С достоинством и величием Его Святейшество принимал представителя османов, лишивших его народ его исконных родных мест. Старик в простых и исполненных боли фразах указал на неопишуемые страдания сотен тысяч невинных, вызванные преследованиями турецкого правительства, и просил дозволения вернуться изгнанным хотя бы с российских территорий^[175]. С широкого двора монастыря в тихий покой доносились жалобы и плач толпы в многие тысячи человек. Это были изгнанники, жившие теперь в открытом поле вокруг резиденции католикоса.

Геворг V пригласил нас к простенькой трапезе. Вынесли целиком зажаренного барана. В наших стаканах зашипело пахучее эриванское, на столик для десертов поставили персики и виноград. Через окна под потолком древней базилики, на месте которой некогда явился святому Григорию^[176] во всем небесном сиянии Христос, видна была белая вершина Арарата, овеянного легендами горного пристанища богов древней страны Урарту, о которой рассказывается еще в клинописных табличках древней Ассирии.

Халил в чуждом ему окружении и под тысячами взглядов беженцев, исполненных немого упрека, а также в присутствии католикоса никак не мог вернуть себе присущую ему уверенность. Его очень сильно потряс вид истощенных и бледных лиц на монастырском дворе. «Я просто стыжусь есть, когда вижу столько горя», – заявил он за столом с подкупающей откровенностью, которая всегда его отличала. Дружелюбная и достойная манера католикоса и рыцарственный отклик Халила помогли преодолеть общий фон сдерживаемой ненависти. Рядом со мной сидел архиепископ Месроп, который немало лет учился в Вене^[177]. Его сердце теснили

исполненные горечи слова о турках. «Если бы я мог, я бы взял винтовку на плечо и сражался бы против этих трусливых убийц моего народа. Я их ненавижу, я их ненавижу до смерти».

Наши переговоры в Эривани прошли более успешно, чем в Тифлисе^[178]. Халил-паша обещал употребить свое влияние в Стамбуле, чтобы наконец начать дело возвращения изгнанных армян. Взамен армянские министры заверили в свободном использовании железной дороги на их территории для проезда военных эшелонов.

Вечером мы собрались на прощальную трапезу в одном из виноградников под Эриванью. Когда я зашел в сад, мне навстречу из группы эмоционально беседовавших министров вышел Халил и громко спросил моего мнения о том, что бы могло значить отступление на германском Западном фронте, о котором только что сообщили по радио^[179]. Наступила тишина. На меня напряженно смотрели все присутствующие. Я еще раз собрал все силы и высказал убеждение, что в данном случае дело в сокращении фронта ради выделения резервов.

В столь же напряженной тишине, продолжавшейся и после моих слов, я почувствовал, как растаяла у этих иностранцев вера в победу Германии. Я отвел глаза и посмотрел на вершину Арарата, чья господствующая над всем ледяная шапка висела в сгущающихся сумерках над уже темнеющим фруктовым садом и виноградником. Прошло несколько секунд, а я все не мог отвести глаз от демонического очарования этой волшебной горы. Затем ясно и уверенно, словно увесистый приговор под сенью деревьев раздался голос министра Хатисяна^[180]: «Даже если Германия и проиграла эту войну – честь ей и хвала! Она сделала все, что могла!»

Завоевание Баку

Грузинский военный министр^[181] дал блестящий вечерний прием в саду в Тифлисе в честь Халила-паши. Под сенью деревьев зазвучали меланхоличные грузинские песни. Над густыми тонами хора возвышался ликующий и победоносный, светлый и лирический голос молодого священника. На великолепно иллюминированной площадке, на краю которой был установлен громадный роскошный стол, танцевали грузинские солдаты, за их мундирами время от времени мелькала закутанная в пелену нежная фигура грузинской княжны. В развевающихся черкесках, высоких бараньих шапках, лихо заломленных на ухо, их стройные и гибкие фигуры резкими ударами и плавными движениями взмывали над землей, они рвались вверх, кружили друг за другом, затем скрывались в стремительном вращении, мелькали размытыми фигурами и жгучими взглядами перед взором зрителей, резко обрывали самый бешеный ритм и скрывались в темноте.

Во время этого застолья Халил и получил депешу на турецком, которая явно его взволновала.

Он схватил пару карточек меню и начал спешно покрывать их какими-то размашистыми записями. Между тем переводчик перевел мне телеграмму, в которой брат Энвера Нури, основатель татарской республики, Азербайджана^[182], сообщал о тяжелом поражении его войск под Баку^[183]. Он просил своего дядю Халила о срочной помощи против английского отряда и генерала Бичерахова с его царскими войсками, которые не признавали Брест-Литовский мир^[184].

И вот Халил бросил мне через стол свои записи. Я прочел: «Господин полковник! Pour ne pas perdre notre situation devant tout le monde, si vous etes d'accord, prenons toutes les forces turques de Batoum et les chasseurs allemans d'ici et partons nous aussi avec le general de Kress pour attaquer serieusement Bakou et apres avoir pris Bakou partons tous ensemble pour Alexandropol!»^[185]

Но я не придавал особенного значения этим хорошо мне известным импульсивным и фантастическим порывам Халила. Он и сам привык не воспринимать их достаточно серьезно, а, как правило, быстро о них

забывал. Я вежливо напоминал ему, что войска под Батумом подчиняются Верховному Главнокомандованию, что железная дорога от Батума до Тифлиса находится под исключительным контролем грузинского правительства, а потому турецкие военные эшелоны по ней пока что проезжать не могут, и что генерал фон Кресс как дипломатический руководитель германской делегации на Кавказе не может использовать для этой цели егерский батальон без согласия на то германского правительства или Верховного Главнокомандования^[186]. А потому я предложил ему лично переговорить с Нури-пашой, чтобы составить более ясное представление о поистине непростой обстановке под Баку.

На следующее утро мы выехали в Гянджу, бывший Елизаветполь, временную столицу татарской республики Азербайджан. Вокзал был весь увешан турецкими флагами. Когда мы только вышли из вагона, татарские слуги бросили к нашим ногам связанных телят и ягнят и тут же перерезали им глотки. Бурлящие потоки крови затопили перрон. Шейх-уль-ислам подал хлеб и соль. Таковы были древние обычаи приветствия у кочевников, которые предлагали гостям все самое ценное, что у них есть.

Тут же закатали роскошные празднества. Халил передал приветы от своего великого племянника Энвера и произнес зажигательную речь в адрес братьев на Кавказе и в Туркестане. Короткая поездка в горы в Аджикиент, когда нас окружала конная кавалькада из нескольких сотен всадников-татар, а также веселый визит в винные погреба германской колонии Хеленендорф^[187] завершили эту поездку в Гянджу. О Баку не было сказано ни слова, хотя именно в нем и заключалась цель визита.

Человеку Запада никогда не проникнуть в самый скрытный ход мыслей вечно недоверчивого жителя Востока. И вовсе не политические мотивы помешали обоим пашам открыто обсудить с немцами скользкий вопрос о взятии ценных нефтяных источников Баку. Это была просто лень и халатность, та самая боязнь ответственности и нежелание принимать решения, та вялая робость перед неизвестной судьбой, то настроение иншаллах – то есть «так угодно Господу», что звучит в каждом их разговоре. Характерная для человека Запада сила воли попросту не находит в этих вечно уклончивых схемах истинной точки опоры, а потому попросту изматывается в бесплодных усилиях.

И все же этот визит не был напрасным. Я смог пообщаться с весьма молодыми офицерами штаба – да и самому Нури было 29 лет от роду^[188] – и узнал из их рассказов, что сам Нури никогда под Баку не был, что все эти скорбные донесения лишь передают описания обстановки от Мюрсея-паши, да и впредь едва ли приходится ожидать от Нури какой-либо инициативы.

После нашего возвращения в Александрополь, который был избран резиденцией для штаба группы армий, я изложил Халилу всю важность непрямого взятия Баку. Лишь владея этим городом, который – пока он остается в руках врага – представляет собой постоянную фланговую угрозу нашим тыловым коммуникациям в Персии, возможно будет упрочить всю нашу подготовку к дальнейшим операциям^[189]. Я открыто сообщил ему о своих впечатлениях, полученных в Гяндже, а затем попросил его позволить мне незамедлительно выехать в Баку, чтобы лично составить представление об истинном положении дел. Он был весьма рад, что я хотел взять это дело в свои руки, и передал соответствующие указания Нури.

Густые тучи закрывали ночное небо. Медленно ехал поезд с притушенными огнями в сторону берегов Каспийского моря. Вдали на рейде, несмотря на условия Брестского мира, стояли русские канонерки, которые порой обстреливали железнодорожную насыпь^[190]. Ранним утром я прибыл в Путу, всего в нескольких километрах от Баку. Меня тут же охватила песчаная буря, подобной которой я ни разу не видел с тех пор, как, закутавшись в овчину и башлык, поехал к Великой Китайской стене под Нанкай^[191], с высоты которой пустынный ураган из Гоби низвергался на открытую всем ветрам долину Печили^[192]. Как и тогда – солнце, словно красный шар, зависло позади разгуливающих песчаных смерчей.

Как только грозная буря стала спадать, небо вновь заголубело над редко унылым ландшафтом Апшеронского полуострова с его зеленоватыми грязевыми вулканами и целым лесом мрачных нефтяных вышек. На востоке горизонт уходил в целую гроздь татарских деревушек, на юге и на севере расстилалось мерцающее зеркало Каспийского моря. Башни и крыши Баку виднелись из-за гряды холмов.

Мюрсель-паша, командир турецких войск, действовавших под Баку, хорошо говорил по-немецки, ведь он некогда служил в прусском артиллерийском полку. Он описал мне свою недавнюю неудачу, и я понял, что здесь и речи не было о сколько-нибудь серьезном наступлении. Я осведомился об имеющихся в нашем распоряжении силах, а затем на местности, свободно и открыто раскинувшейся передо мной, смог оценить тактические возможности для наступления^[193].

Однако прежде всего я хотел попытаться избежать ненужного кровопролития. Агенты сообщали нам, что население ожесточено из-за военной диктатуры^[194]. Так что представлялось не столь уж невероятным, что город удастся побудить сдаться добровольно. Мюрсель-паша солидаризовался с моими соображениями. Через одно доверенное лицо я переслал военной диктатуре в Баку следующее послание:

«Как германский начальник штаба войск, действующих под Баку, прибыл, чтобы обсудить с Вами возможность сдачи города без боя.

Искренним нашим желанием является избежать напрасного кровопролития. Мы вполне знаем то озлобление, что вы – особенно армяне – питаете по отношению к туркам. Потому мы, немцы, прибыли сюда, чтобы заверить вас, что никаких несправедливостей вам чинить не будут. Жизнь, собственность и свобода армян должны остаться в неприкосновенности, а предназначенное лишь для самообороны оружие изыматься не будет.

Мы были бы Вам очень признательны, если бы Вы своевременно предупредили германских подданных – господина Пёппле^[195] и сопровождающих его лиц, а также позволили им покинуть Баку, если будет существовать угроза их жизни или здоровью. И потому мы будем тем более готовы помочь Вам. Если же Вы не предоставите город нефтедобычи Баку добровольно и для общего пользования, за него начнутся бои. Однако в таком случае Вы проводите не русскую и не армянскую, а английскую политику.

Республика Армения поняла это и вступила в дружеские отношения с Германией^[196]. Германия воздействовала на Турцию, чтобы она дозволила армянским беженцам возвратиться в их дома.

Мы требуем от Вас всего лишь:

1) сдать Баку без повреждений;

- 2) позволить пользоваться нефтяными богатствами города;
- 3) поддержания мира.

В обмен мы гарантируем Вам:

1) что жилые кварталы Баку не будут заняты турецкими войсками и более того – если Вы того пожелаете – вход в жилые кварталы будет охраняться введенным германским отрядом;

2) что город останется свободным и независимым, в равной степени поставляя нефть Кавказу, России, Центральным державам и Турции;

3) что неприкосновенными останутся жизнь, собственность и свобода всех его жителей;

4) что город обстреливаться не будет;

5) что немедленно будет восстановлено блокированное нами водоснабжение.

Мы просим Вас дать ответ подателю сего, когда мы смогли бы встретиться для переговоров на нейтральной территории между Хырдаланом и Баладжарами. С нашей стороны придут шесть офицеров без охраны. Мы были бы признательны, если бы Вы отправили говорящих по-немецки и по-турецки армян^[197].

Если Вы откажетесь от переговоров с нами, вся ответственность падет на Вас, ведь этим Вы – вопреки мирным нашим намерениям и таковым же у республики Армения – вновь начнете проливать армянскую кровь и по указке англичан».

Это письмо было доведено до сведения ведущих русских деятелей в свободном городе Баку, диктатора Большова, командующего армией Тер-Газарова, генерала Кошелева и его начальника штаба Севоева^[198]. Я должен был при этом учитывать, что Германия уже заключила мир с Россией, что Турция de facto нарушила Брестский мир, а также и крупную долю армян в населении и присутствие в Баку английских войск. Военная диктатура даже дала сведения об этом происшествии в прессу – после взятия города один господин дал мне прочесть вырезки из газет, однако недоверие к туркам и английское влияние оказались слишком сильны, чтобы все здравомыслящие элементы, которые могли бы пойти на это предложение, сумели бы добиться своего.

Мое прибытие под Баку явно всполошило и до того спокойно сидевшего в Гяндже Нури-пашу. Он явился с парой офицеров своего штаба. Нури отдал приказ об уже давно планируемом Мюрселем-

пашой взятии грязевого вулкана, занятого противником и используемого им как удобный наблюдательный пункт.

Я наблюдал за боем 26 августа с расстояния в 200–300 метров и видел, как после недолгой перестрелки английские солдаты стали выходить из блиндажей с поднятыми руками. О серьезном сопротивлении здесь и речи быть не могло. Казалось, что мораль противника довольно сильно подорвана.

Из моих разговоров с Нури-пашой я вынес твердое убеждение, что он столь же мало подходит для реализации поставленной задачи, – а этого было добиться, как я убедился, не так сложно, – как и любезный, но лишенный энергии Мюрсель-паша. Нури по профессии был скульптором, не имея никакого военного образования, однако будучи братом Энвера-паши, всемогущего лидера младотурецкой партии, он играл здесь роль главнокомандующего Исламской армии.

Мюрсель-паша уже 23-го рассказывал мне, что у него есть надежные сведения, что татары после взятия города устроят их обычную кровную месть армянам. Я немедленно сообщил об этом Нури-паше и просил его уже сейчас обдумать меры, необходимые для того, чтобы избежать отвратительных инцидентов, тем более что я нашим, к сожалению, не увенчавшимся успехом, предложением гарантировал отказ от любых расправ. Однако он свысока и чуть ли не презрительно дал мне понять, что это уж само собой его дело.

Но я должен припомнить и еще один специфический эпизод, произведший на меня глубокое впечатление. Турецкие часовые на передовой задержали какого-то человека, который весьма подозрительно бродил между городом и нашими войсками. Так как он говорил по-немецки, его доставили ко мне.

Я допросил его. Судя поговору, это был австриец, еще очень молодой человек, который рассказал мне, что он военнопленный австрийской армии, и уже долгое время бродит по округе, пытаясь вырваться на свободу^[199]. И вдруг он начал рассказывать о своем побеге, когда ему удалось добраться до Мосула. Это и сыграло роковую для него роль. Я не подавал виду, что был в Мосуле, а попросил его ответить на ряд связанных с этим вопросов. Вообще-то такое было вполне возможно, ведь я вспомнил о германском лейтенанте Фольке, который позднее написал прекрасную книгу «Волки»^[200], а также о его австрийском товарище по побегу: им

действительно удалось бежать из Сибири и проделать далекий путь до Мосула. И с самого начала бросалось в глаза, что этот австрийский беженец в Мосуле ни в австрийские, ни в германские части не являлся, ведь тогда он не появился бы внезапно здесь, в Баку, да еще с таким риском. Напрашивалась версия о шпионаже на деньги врага. И он совершенно потерял над собой контроль, когда я вдруг сказал ему, что провел в Мосуле почти год, а вот он точно никогда и быть не мог. Он так и не ответил на последний вопрос, зачем же тогда он пошел на эти фантастические выдумки. Я приказал посадить его под арест и заявил, что считаю его шпионом. Ночью он отравился дозой морфия, а утром его нашли мертвым в камере.

В Александрополе я доложил Халилу о своих впечатлениях и предложил ему отправиться вместе со мной и Нури под Баку и там наконец под нашим руководством довести вопрос о судьбе этого города до благополучного завершения. Без овладения Баку все наши приготовления не имели смысла.

7 сентября мы выехали из Александрополя, а 8-го Нури с его свитой сел в Гяндже в наш поезд, 9-го все мы прибыли в штаб-квартиру Нури под Путой^[201].

Но этот вариант стал возможен только благодаря родственным связям 37-летнего^[202] Халила и 29-летнего его племянника Нури. Однако без интриг и стойких массы времени разговоров не обошлось, пока Нури утром 12-го наконец не согласился безоговорочно на мой план атаки. Ревность его совсем молодых штабных офицеров и турок из моего же штаба из-за моего влияния на Халила заставляла его постоянно колебаться, пока наконец последний не сказал ему: «Поверь мне, Нури, я ведь твой лучший друг, а потому советую тебе только лучшее. Я знаю Параквин-бея, ты вполне можешь на него положиться. Предложение его хорошее, так что должно получиться. Твои юные советники неопытны. Подумай только, речь идет о твоей военной славе!» И эта апелляция Халила удалась. Вот теперь-то приказы начали готовить.

10-е число было занято тщательной рекогносцировкой на местности на западном и северном фланге обороны города. Несмотря на самые настойчивые мои предупреждения, к обоим пашам присоединилась свита из тридцати офицеров на семи автомобилях. Даже военный министр Азербайджана, бывший адвокат в форме

турецкого генерала^[203], – его позднее казнили большевики, – а также бывший русский генерал Али-паша, татарин^[204], тоже были с нами в качестве гостей. О прикрытии от возможной атаки противника совершенно не думали.

Когда мы только проехали один овраг, сидевший передо мной Нури вдруг закричал в крайнем отчаянии: «Gelior! Gelior!» («Он идет! Он идет!») и сделал вид, что готов выпрыгнуть из машины. Все тут же остановились, выбежали из автомобилей и поспешили в укрытие. И лишь теперь я заметил, что высоко в небе находится английский летчик. Обнаружил ли он нас, я не знал, однако безответственные разезды в ходе этой рекогносцировки от противника, естественно, не укрылись. Английский командир еще перед наступлением заявил датскому консулу^[205], что предстоит атака именно с запада.

11 сентября прошло в бесконечной болтовне Нури и всех офицеров и адъютантов его штаба. Я постарался держаться от этих бесполезных речей подальше. Лишь утром 12-го благодаря вмешательству Халила – как уже было сказано выше – решение было принято.

Мой план наступления был прост. Он предусматривал отвлекающий удар с севера на Баладжары силами одного полка пехоты и одной батареи. Одновременно переходили в основную атаку 6-ю пехотными полками и всей артиллерией с запада в направлении на господствующую гряду высот за окраиной Баку. Как только мы выйдем на этот хребет, город и порт на всем его протяжении окажутся у нас как на ладони.

Тактические условия для наступления с запада были столь же благоприятны, как не благоприятствовали они удару с севера или с северо-запада. Наблюдательные пункты артиллерии с запада с имевшейся в нашем распоряжении высоты охватывали всю полосу атаки до восточной оконечности плато, за которым уже возвышались башни городских строений. Можно было координировать ведение артиллерийского огня и до последнего поддерживать на самой эффективной дистанции, от 1200 до 3200 м, наступление пехоты. Артиллерию затем можно было подтягивать по кратчайшему пути. Было особенно важно, как можно скорее подчинить командованию пехоты горную артиллерию, чтобы она выдвинулась вперед. Пехоте предстояло преодолеть лишь небольшой участок, чтобы выйти на

позиции, возведенные противником на западной окраине упомянутого плато.

Я предлагал двинуться вперед еще за полчаса до рассвета, пока узкую долину, отделявшую нашу гряду холмов от позиций противника, где проходила железная дорога, еще покрывают сумерки. Дистанция, которую надо было преодолеть в ходе атаки пехоты до ближайшего края плато, составляла по прямой около двух километров. Открытые фланги полностью контролировались нашей артиллерией. Можно было за день добиться поставленных перед пехотой целей и этим тогда же решить участь Баку.

Судя по нашей проведенной с земли рекогносцировке – ведь авиации у нас не было, а у противника – два разведывательных аэроплана, позиция противника на западном крае плато состояла из плохо оборудованных рядов окопов, причем вторая их линия шла с юга на север через центр, а третья – вдоль восточного края плато. Проволочных заграждений обнаружить здесь не удалось, хотя они вполне могли быть на северо-западном участке обороны города.

Господствующая высота Волчьих ворот с южного фланга контролировала большую часть полосы наступления. Однако она была слишком далеко, чтобы с нее действовать пехотой. От огня обоих установленных на ней 150-миллиметровых орудий атакующая пехота легко могла укрыться на этой изобилующей впадинами и оврагами местности.

Местность на поле боя укрытий не давала. Вся эта округа Баку, безлесная и лишенная кустарника, очень напоминает месопотамские степи и полупустыни.

Противника оценивали в 18 тысяч вооруженных армян, по большей части – служивших некогда в русской армии, а также в 500 великороссов генерала Бичерахова^[206] и в 1200 англичан генерала Данстера^[207]. Я считал, что численность армян сильно завышена. Однако уж в любом случае здесь не могло быть и речи об укомплектованных регулярных войсках, а лишь о горстке ополченцев. Они были разделены только на батальоны, что в целом делало руководство ими в бою невозможным.

Бои на грязевом вулкане только подтвердили мои подозрения, что боевой дух противника вряд ли можно полагать высоким. Так как у него было лишь 20 орудий, а мы наши 43 пушки смогли задействовать,

координируя огонь, я очень много ждал от этого перевеса в артиллерии, в том числе от чисто морального ощущения.

Правда, на основе найденной мною впоследствии в Баку английской карте авиаразведки я узнал, что у противника тоже было около 40 орудий, сведенных в различные английские и русские батареи.

Турецкое командование – прежде всего, Нури – не осознавало этого морального превосходства, основанного на оценке противника как явно второсортного. Оно исходило лишь из простой численной пропорции 6–7 тысяч турок против по меньшей мере 20 тысяч врагов^[208]. Так что до последнего в своем руководстве боем не могли избавиться от гнетущего впечатления, что согласились на атаку значительно превосходящих сил без существенных гарантий успеха.

Утром 13 сентября паши вместе со штабами отправились на господствующую над полем битвы высоту, чтобы уже до конца сражения оттуда не выезжать. Там же избрали днем атаки 14-е и около 5 часов вечера отдали последние приказы.

Было ясно, что, несмотря на все разговоры, об основательной подготовке, – в том смысле, что мы придаем этому понятию, – особенно о предварительных действиях артиллерии, и речи не шло. И это упущение должно было стоить нам лучших плодов победы. Но, учитывая технические трудности и чувствительность Нури и его штаба, сильнее повлиять на то, как отдавались приказы в турецких войсках, я и не пытался. К тому же в командном отношении Исламская армия нам не подчинялась, ведь ею распоряжалось непосредственно Верховное Главнокомандование^[209].

Вечером 13-го мы завернулись в шинели и легли спать прямо на песок. Кругом ни шороха. Никакой стрельбы.

Вдруг около двух часов в кромешно-темной ночи по ту сторону подножия плато раздались дикие крики: «Аллах! Аллах!» Турецкая пехота уже преодолела дно долины, а противник не дал ни единого выстрела, так что теперь пошли на штурм. И только выстрелы в порядках вражеской пехоты поблескивали, а вражеская артиллерия вела беспорядочный огонь по площадям. С турецкой же стороны артиллерия в дело не вступала, ведь попросту ничего не видели. Постепенно огонь стих. Наступила тишина.

На мой удивленный вопрос, что же должна означать эта преждевременная атака, я в итоге получил ответ, что одному лейтенанту поручили выяснить, когда же встает солнце. Тот сказал, что около половины четвертого будет светло. В связи с этим в Исламской армии назначили начало атаки на два часа ночи.

Но никакое возмущение этим легкомысленным и дилетантским исполнением моих указаний уже помочь не могло. Эффект неожиданности был сорван. О реализации атаки при свете дня более речи не было. Противник теперь был настороже и имел время для контрмер.

Постепенно огонь оживился. Взлетали осветительные ракеты. Взрывались ручные гранаты. Местность с Волчьих ворот обыскивал прожектор. Наконец, вновь зазвучали призывы к Аллаху. Турецкая пехота заняла передние плохо оборонявшиеся позиции.

И вот теперь потянулось долгое и томительное для турецкого командования время, ведь лишь около пяти часов наступил рассвет. На второй линии обороны противника поблескивали выстрелы винтовок, а его артиллерия беспорядочно вела огонь по площадям. Кое-где на передовой показались и пулеметы, а взрывы ручных гранат показывали, что они остались по меньшей мере у части вражеского гарнизона. И все же постепенно место прорыва расширялось. Огонь на передовой стихал.

Как выяснилось уже на заре, храбрый 56-й турецкий пехотный полк в ходе бравого порыва смог использовать смятение противника и вслед за ним ворвался на вторую линию позиций. А вот наступавший правее его 9-й пехотный полк так и остался на первом рубеже. Более смелый противник смог бы поставить в очень тяжелое положение 56-й полк, в одиночку вклинившийся глубоко в его оборону.

Большие клубы тумана, что тянулись с Каспийского моря над полем боя, вплоть до семи часов не позволяли вести планомерную артиллерийскую подготовку. На все мои настояния – использовать эту паузу и темноту, чтобы сразу же доставить хотя бы некоторые батареи на взятую высоту, – реагировали с большим опозданием. Весь день мне постоянно приходилось убеждать выдвинуть вперед артиллерию. Изобретались в связи с этим любые отговорки. Дошли даже до утверждения, что артиллерия попросту не может взобраться на склон напротив нас. Я предложил взять на себя личную ответственность за

то, что это возможно. Однако кто же из этих молоденьких дилетантов хоть раз вел батарею по местности, хотя у нас это может сделать любой посетивший военную академию и из всех родов войск? Настояния с моей стороны вызывают, казалось, эффект, лишь обратный желаемому. В конце концов пожали плечами и уступили. Позднее оказалось, что артиллерия, включая 105-миллиметровые гаубицы, без затруднений может быть вкачена на плато.

К тому же не могло быть и речи о скоординированном руководстве. Один молодцеватый подполковник Кемаль-бей, который командовал батареей, а потом месяц – дивизионом, благодаря его хорошим связям в партии и своим угодливым манерам, быстро превратился в командующего артиллерией 18-го корпуса в Месопотамии и позднее – в Исламской армии. Нури взял его с собой после визита в Мосул, откуда он выехал, чтобы основать республику Азербайджан. Один замечательный артиллерист из моего штаба, германский майор и османский подполковник Вельш, по моему указанию и после рекогносцировки на местности разработал хорошо обдуманый план ведения огня. Он был вежливо принят, но ни в коей мере не учтен. Я смог выяснить у одной из находившихся поблизости и ведших огонь гаубичных батарей, что она вообще не получала указаний от командующего артиллерией, а попросту вступила в бой по собственной инициативе. Никакой концентрации огня артиллерии на решающих участках фронта не наблюдалось.

Когда окончательно рассвело, постепенно начались и относительно связные боевые действия. Турецкая пехота в ходе боев продвигалась вперед медленно, ведь она получала крайне недостаточную артиллерийскую поддержку. Передачу любых указаний крайне замедляло почти полное отсутствие телефонного оборудования. Как следствие, бой с занимавшим господствующую высоту противником тянулся часами. Вскоре появились и небольшие английские броневики с пулеметами, которых все так опасались. Они временно остановили наступление турецкой пехоты, ведь артиллерия не обстреливала эти важные, но небольшие цели и не могла их обезвредить.

Вдруг одна из этих машин ринулась на наш участок фронта, поехала вдоль него и осыпала нас градом пулеметного огня. По-видимому, это должно было прикрыть отход английской пехоты. Ведь

после того как этот специфический маневр был проделан много раз, а турки полностью остановлены, броневик исчез за грядой холмов. Между тем отвлекающий удар с севера проходил согласно плану, ведь и посты противника там были совсем слабые. Один арабский пехотный полк на самом северном крыле западной группы получил несколько выстрелов во фланг от отступающих на севере частей противника. И этого хватило, чтобы весь полк тут же обратился в полной панике в бегство. Он прибыл на высоту, где находились мы. Халилу и Нури, а также их офицерам лишь с трудом удалось остановить неуправляемую толпу и заставить ее развернуться обратно. «Ah! Ces demoiselles arabes!»^[210] – ругался Халил с его глубоким презрением турка к этой изнеженной, чуть ли не женоподобной арабской расе.

Всякое колебание в исходе боя, которое мы замечали невооруженным взглядом или через стереотрубу с нашей господствующей высоты, вызывало в штабе Нури, но также и у Халила беспокойство и неприкрытую тревогу. Так, отступление противника с севера и связанное с этим бегство арабского пехотного полка поначалу даже вызвало у Халила впечатление, что начинается общее контрнаступление противника. «Mon colonel! La contreattaque commence!»^[211] – крикнул он мне и озабоченно посмотрел на меня. Его уверенность моментально исчезала, как только становилась заметна хотя бы малейшая мнимая неудача. Однако я был убежден в своем начинании, а моя оценка невысоких моральных качеств противника оказалась верна. Если бы не неудавшаяся поддержка турецкой артиллерией ее пехоты, которая могла иметь решающее значение, мы уже днем смогли бы выбить противника с плато, а потому помешали бы бегству англичан из порта за счет обстрела их транспортных судов.

Два английских самолета утром взлетели и долго кружили над полем боя. Уже после полудня мы видели, как они приземлились, и вскоре после того поднялись высокие столбы пламени. Противник сжигал свои же самолеты. И это был первый верный знак, что он счел свое дело проигранным.

Одновременно на Каспии справа от нас показались корабли, что до этого прятались в открытом море. Противник бежал. Без сомнения,

генерал Данстер намерен был вывезти в безопасное место свои войска и материальную часть.

Вечером турецкая пехота вышла, наконец, в районе перед краем плато у Баку, однако уже спустилась темнота, когда наконец единственное орудие смогли продвинуть вперед настолько, чтобы по меньшей мере огнем по порту помешать отступлению. Полностью использовать победу из-за описанных выше ошибок турецкого командования уже было невозможно.

На той же высоте мы провели и ночь с 14 на 15 сентября. Халил-паша приказал доставить сюда в бензиновой канистре свою любимую ракию. Вскоре он, уже полупьяный, заверил меня, что ничего не желает от этого города, кроме маленькой армянской девочки. Его фантазии развивались все дальше, дойдя до картин дикой оргии, которую он устраивал со своими коллегами по цеху в тифлиских банях, а теперь вознамерился повторить в Баку.

Весьма показательно, что теперь и эпизод с бегством арабов под воздействием ракии превратился в очередную клевету на ненавидимых плуце всего армян. Вдруг кто-то стал рассказывать, что отступавшие с севера армяне будто бы махали белыми платками, а потом стали стрелять по подошедшим без опаски арабам. Я с улыбкой заметил, что у этих грязных и пропащих армянских типов, что мы могли видеть среди пленных, уж вряд ли нашлось так много белых носовых платков, как у турецких аскеров. И тут адъютант Нури дошел до тут же выдуманного утверждения, что армяне будто бы вынесли вперед белые флаги. Когда же я удивленно спросил, почему он рассказывает об этом интересном факте только сейчас, а не доложил тотчас же, как увидел это в стереотрубу, он озлобленно замолчал. Даже Халил негативно отнесся к этим позднейшим выдумкам и сказал, пожимая плечами: «Mon dieu, ça c'est un rêve!»^[212]

И только Нури, победитель, был не рад успеху. Он опасался высадки бежавшего морем противника в своем тылу и потому обдумывал самые странные меры, включая даже немедленный частичный отход. До сих пор бывший всего лишь скульптором, Нури никогда не командовал даже малейшей воинской частью.

«Уж полночь близится...»^[213] Я лежал в стороне от пьяных, завернувшись в свою шинель и задумчиво уставясь в темноту. Лихорадочные винтовочные выстрелы турок, порожденные

нервозностью и страхом войск перед внезапной ночной контратакой, порой замолкали, пока не раздавался еще один выстрел и потом сотни других, с бурной поспешностью. На другом участке была тишина – ни одного выстрела. Противник исчез.

Однако никакая белая рука не возникала передо мной из мрака и не писала буквы огнем^[214], известившие меня, что все напрасно, а весь этот день под Баку – лишь незначительный эпизод в пустом ходе истории, что турецкому флагу доведется развеяться над завоеванным Баку всего несколько месяцев^[215]. Я не подозревал, что этот беспорядочный ночной обстрел станет для меня финалом Первой мировой войны и с этим треском опереточных боев упадет занавес после громадных и чудовищных событий.

Интермеццо в большой политике

Когда занималось утро 15 сентября, на брошенной противником высоте стали видны приведенные в негодность два английских броневика. А турецкая пехота все еще не получала приказа взять город. Выдвинули вперед артиллерию. Видимо, по неосторожности, отыскивая подходящие цели, она подожгла снарядом одну из цистерн с нефтью.

В последующие часы и дни на наших изумленных глазах разыгралось грандиозное зрелище. Громадные черные клубы дыма раскинулись километровой пеленой над морем и сушей, так что вскоре закрыли небо, а затем из темного чада стали подниматься огромные столбы пламени, накрывавшего нефтеносный город, а затем все опять погрузилось в ночную адскую схватку. Выгорели три большие цистерны, прежде чем удалось потушить или по меньшей мере локализовать этот ужасный пожар.

Депутация от несчастного города во главе с датским, шведским и персидскими консулами^[216], а также представителем мусульманского духовенства изъявила о покорности и просила пощады.

Днем позже – 16 сентября 1918 г. – я сел в Путе на специальный поезд, который должен был доставить в Баку пашу с многочисленной свитой. Когда я вошел в салон-вагон, курьер от генерала барона фон Кресса доложил мне, что его под надуманными предлогами вот уже несколько дней задерживают в Гяндже турки. Он передал мне несколько писем.

Во-первых, там была телеграмма от генерала фон Секта четырнадцатидневной давности^[217]:

«Прошу Вас поскорее вернуться на Ваш пост. Наступление на Баку турецкими войсками в настоящий момент ни в коей мере не соответствует планам германского Верховного Главнокомандования, моим предложениям и отданным Нури приказам. Я прошу Вас проблемой Баку не заниматься. Нури до сих пор группе армий не подчинен»^[218].

Таким образом, в связи с моим решительным вмешательством во все еще остававшийся в подвешенном состоянии Бакинский вопрос я

явно оказался в осинном гнезде самых темных интриг, где сталкивались германские и турецкие интересы. Нури ни разу и словом не обмолвился о том, что у него был приказ Баку не атаковать. Было ясно, что здесь различные интересы преследуют и Энвер с Сектом – то есть главнокомандующий и его начальник штаба.

Во втором письме генерал барон фон Кресс писал мне:

«Мой дорогой Параквин! Я долго раздумывал о том, можно ли сделать так, чтобы Вас миновал конфликт между Вашим долгом как немца и обязанностями турецкого офицера, в который Вас может привести прилагаемое ниже служебное послание. И хотя мне совершенно не ясна политика нашего правительства, а я лично полагаю ее неверной, все же я, как официальный представитель Германской империи, полагаю себя обязанным сделать все, что в моих силах, чтобы реализовать на практике те теоретические договоренности, что были достигнуты в Берлине. Либо мои доклады и телеграммы не получают в Берлине или же их не читают или есть некие особо важные и неизвестные мне причины, которые вынуждают наше правительство к такой политике^[219].

Я не сомневаюсь, что сообщение Халилу достигло бы результата, противоположного желаемому, и атака на Баку была бы только ускорена. Как солдат я понимаю, что попытка выполнить требование германского правительства почти невозможна с технической точки зрения.

Оглашение наших требований вызовет в турецких кругах бурю негодования – к сожалению, не лишённую оснований. Возможно, Вам удастся убедить Халила – хотя это и не окажет влияния на его решения – сохранить мое сообщение в тайне.

Я же вполне твердо убежден, что для всех нас было бы лучше всего, если бы Баку вскоре пал и при этом были задействованы некоторые германские войска. Поэтому я прошу и Вас, чтобы германские войска, которые я предоставляю, были приняты.

С сердечнейшим приветом и наилучшими пожеланиями Ваш покорнейший слуга

Подпись: барон фон Кресс».

Приложенная служебная записка на мое имя № 2745 от 11 сентября 1918 г. от Императорской германской делегации на Кавказе гласила:

«Прошу Ваше Высокоблагородие принять к сведению прилагаемую ноту и немедленно передать ее Его Превосходительству генерал-лейтенанту Халилу-паше.

Я должен обратиться к Вашему Высокоблагородию как к германскому офицеру с просьбой употребить все свое влияние на Халила-пашу, чтобы воспрепятствовать атакам Баку до того, как турецкое правительство не выскажется по поводу направленного ему запроса германского правительства.

Я позволю себе просить Ваше Высокоблагородие осведомить меня через подателя сего письма относительно результатов предпринятых Вами шагов и о ближайших намерениях Халила-паши. Подпись: барон фон Кресс».

Нота на имя Халила-паши – № D 839 от 11 сентября 1918 г. – гласила:

«Имею честь покорнейше сообщить Вашему Превосходительству, что я получил телеграмму моего правительства, согласно которой 27 августа оно заключило Добавочный договор к Брестскому мирному договору с российским правительством.

Согласно статье 14 этого договора, германское правительство обязано выступить за то, чтобы на Кавказе вооруженные силы третьей стороны не переходили следующую линию:

Кура, от устья до села Петропавловское, – от границы Шемахинского уезда до села Агриоба, затем по прямой линии до пункта, где сходятся границы Шемахинского и Кубинского уездов, затем по северной границе Бакинского уезда до берега моря.

Во исполнение этого постановления германское правительство направило турецкому правительству требование отвести его войска за указанную линию.

Как представитель германского правительства я обязан на основании этой телеграммы обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой не проводить наступление на Баку до получения решения Вашего правительства. Несмотря на выше приведенное сообщение, я по-прежнему остаюсь при своем предложении выделить в распоряжение Вашего Превосходительства некоторые формирования.

Примите, Ваше Превосходительство, повторные заверения в моем исключительном почтении. Подпись: барон фон Кресс».

Последнее замечание – о сохранении прежнего предложения – касалось письма на французском, которое в переводе гласило:

«Ваше Превосходительство! Я только что получил от Верховного Главнокомандования^[220] приказ о том, что германские войска должны принять участие в операции против Баку. Во исполнение этого распоряжения пока что предусмотрены:

- 1 батальон,
- 1 авиаотряд,
- 3 батареи легких полевых гаубиц.

Я прошу Ваше Превосходительство любезно сообщить мне через подателя сего письма, на какую конечную станцию должны быть отправлены эти войска, одновременно также направляю просьбу о выделении мне необходимого количества мазута для транспортировки из Тифлиса.

Помимо указанных выше формирований я могу также предоставить персонал для батареи тяжелой артиллерии. Я прошу Ваше Превосходительство сообщить, где данный персонал может принять материальную часть батареи. Подпись: барон фон Кресс».

При чтении этого письма в салон-вагоне паши мне быстро стало ясно, что оно обладает лишь исторической ценностью. Ведь взятие Баку уже положило конец всем этим перемигиваниям за игорным столом. Вызывавшее вполне оправданные опасения Кресса раздвоение меня не коснулось, ведь я обо всем узнал, лишь когда без парализующего воздействия извне смог содействовать захвату этого яблока раздора между тремя державами^[221]. К счастью, мне довелось действовать исходя из исключительно военных соображений.

И хотя все эти документы более не имели значения, они произвели на меня неприятное впечатление своим противоречивым содержанием. Столкновение германских и турецких интересов было вполне явным и понятным. Политическое руководство Германской империи требовало вывода турок из-под Баку, пока высшая военная инстанция, которую представляли Гинденбург и Людендорф, предлагала туркам германские войска для взятия этого города, и столь откровенная раздвоенность военных и дипломатических акций Германии казалась мне гротескной и даже постыдной. Турки и русские, обе эти стороны, могли уличить нас в двуличии, хотя здесь дело было в том самом недостатке координации в работе ведомств, на

который столь горько жаловался еще Бисмарк. Кстати, советское правительство в ответ на известия о падении Баку разорвало отношения с Высокой Портой^[222].

Я раздумывал, что же теперь делать. Затяжное мое ознакомление с многочисленными документами не осталось незамеченным. Халил спросил меня, в чем же там дело. Быстро решившись, я ответил, что все это – суть уже не актуальные вопросы, генерал фон Кресс намерен был предоставить в наше распоряжение германские войска для взятия Баку, однако ныне это уже не имеет значения. Я просто забрал документы, а на этом интермеццо в большой политике незамеченным сошло на нет.

Резня армян в Баку

Под Баладжарами на железнодорожной насыпи лежала дюжина убитых белых англичан^[223]. Над нефтяными источниками поднимались черные клубы дыма. Нури между тем уже породил легенду, что он будто бы видел, как маленькое русское военное судно обстрелом подожгло нефтяные склады. Он хотел снять вину со своей артиллерии. Однако многочисленные свидетели из немцев и русских, в том числе и представитель Каспийской флотилии, подтвердили мне, что пожар, грозивший обрести роковые масштабы, был вызван действиями турецкой артиллерии^[224]. Однако после полудня 17-го юго-западный ветер задул на восток^[225], и город был спасен.

И едва мы выехали на автомобилях с вокзала Баку, как открылись первые картины шедшей со вчерашнего дня резни армян. На тротуаре лежали в луже крови два мальчика с перерезанными глотками. На пустых улицах по дворам шныряли какие-то подозрительные вооруженные личности. Лавки были ограблены и стояли настежь. Груды разграбленных предметов были брошены в углах. Татары, персы и турецкие солдаты рылись в этих кучах, растаскивая все желаемое.

Вдруг из одного дома поблизости раздались отчаянные крики о помощи. Паши остановились, и мы поспешили туда. Нам в ноги кинулись, протягивая руки, насилуемые женщины в полуразорванных одеждах. Негодяи тут же отступили назад. В домах постоянно слышались выстрелы, жуткую тоску на улицах навевали доносившиеся то поблизости, то издалека вопли.

Паши непоколебимо продолжили свой путь к высотам за городом, которые были целью боев 14 сентября. Там для парада были выстроены атаковавшие войска. Лишь там я узнал, что наступил день Курбан-байрама, главный во время паломничества в Мекку, один из самых важных мусульманских праздников.

Почти у ног воинского строя лежали трупы погибших в сражении солдат, а также женщин и детей, ставших жертвами кровожадности солдатни. Попросту не считали нужным затруднять себя уборкой, так что нашим лошадям пришлось их объезжать, когда мы двинулись вдоль наших войск.

За день до этого я показал Нури и Мюрселю-паше на городском плане Баку, какие меры следует предпринять при взятии города, чтобы обеспечить безопасность своих подчиненных и защитить жизнь и имущество местных жителей. Я предлагал заняться копированием этой карты города, чтобы точно указать полкам их участки и задачи, а также заготовить плакаты, грозившие за грабежи военным трибуналом и смертной казнью. Меня вежливо выслушали с напускным интересом, однако ничего из этого сделано не было. В город с населением в четверть миллиона человек был отправлен один-единственный полк из примерно 1000 бойцов. Да не было бы ничего проще, чем помешать прорыву состоявшихся главным образом из татар и персов банд грабителей в армянские и европейские кварталы, ведь татары лишь в особой слободе, окруженной высокой стеной, за которую вели всего двое ворот. Всего два поста часовых могли бы обеспечить контроль над всем движением.

После парада я пошел к Халилу-паше и, указав на уже отмеченные нами явления, попросил употребить все его влияние на племянника, чтобы тот ввел войска в город. Халил был в видимом смущении. Мы подошли к Нури, а я еще раз изложил ему свою просьбу, напомнив о том, что уже случилось в городе и что довелось пережить. Он в самом раздраженном тоне ответил, что намерен еще раз отправить полк в город. Когда же я заметил, что и этого будет недостаточно, он без слов просто отвернулся. Я вполне убедился, что татарам и персам в их святой мусульманский праздник в полной мере предоставляется возможность отомстить ненавидимым армянам за все былые обиды.

Все собрались в отеле «Метрополь». Мощное победное ликование объединило и турок, и протурецких видных деятелей Баку, который был немедленно объявлен новой столицей Азербайджана. Настроение выразилось в восторженных тостах и пении кавказских песен. Мой заместитель Бассри-бей с триумфом крикнул мне: «Мы вернули себе то, что нам когда-то принадлежало!»

В поздравительной телеграмме Нури султан выражал свою признательность за блестящую победу. Я же молча сидел за столом, полностью погрузившись в размышления. Разве не видел я своими глазами этих же так опьяненных ныне победой и собственной

значимостью людей всего несколько часов назад на занятом ими холме в куда менее лестном для них положении?

Между тем резня в городе беспрепятственно продолжалась. Ко мне поступали просьбы о помощи и устно, и по телефону, ведь мне как немцу доверяли и армяне, и местные европейцы. Явились и консулы нейтральных государств, горько жалуясь мне на чинимые турками безобразия. Прежде всего, своего покровителя и ходатая у турок во мне видели многочисленные остзейские немцы и официально объявленные находящимися под германской защитой грузины. Для меня сложилась тяжелая ситуация.

Время от времени я доводил до сведения Нури жалобы относительно вторжения банд грабителей в дома христиан. Али Паша рассказал мне, что ворвались и к его сестрам, и только демонстрация Корана защитила их от беды. Так как официального германского представителя в городе не было^[226], я вместо него потребовал отправки караула к домам, где проживали германские подданные. Явно обозленный моими постоянными жалобами Нури назначил одного из присутствовавших рядом офицеров комендантом города. Он-то и должен был впредь навести порядок.

Между 5 и 6 часами дня явился весьма взволнованный датский консул и сообщил мне, что вновь начали грабить дома немцев, угрожая жителям оружием. Нури-паша же в это время, весело болтая, стоял в зале, по которому группками рассеялось множество гостей.

Я подошел к нему и сказал, повысив голос, по-немецки: «Ваше Превосходительство! Датский консул только что сообщил мне о притеснениях лиц, находящихся под германским правительством. Я прошу Вас все же принять теперь действенные меры. Ведь иначе я буду вынужден доложить в мое посольство в Константинополе, сколь мало Вы намерены защищать собственность и даже жизни германских подданных!»

В зале наступила тишина. Теперь на нас было обращено всеобщее внимание.

Нури поначалу опешил. Затем он выпрямился и воскликнул, гневно сияя глазами: «Мы не спим!»

Я яростно возразил: «Вы проводили парад, пока убивали женщин и детей. Под городом все еще стоят в бездействии пять полков. Вы же назначили коменданта города. Вот он здесь стоит. Он так и не покинул

этого зала. Ни один из офицеров Вашего штаба и не подумал позаботиться о происходящем в городе. И вот теперь я отправлюсь с тремя германскими офицерами в квартал под угрозой, чтобы помочь находящимся под моей защитой».

Я отдал ему честь и дрожа от ярости повернулся, чтобы уйти.

В указанном мне консулами квартале на перекрестке улиц толпилась дюжина причитающих армян, которых охранял долговязый татарин. Я же в своем турецком мундире с коричневой феской бросился к нему, ничего не подозревавшему, быстро вырвал у него из рук винтовку и крикнул, направив на него оружие: «Heidi gi! – Пошел вон отсюда!»

Татарин был ошарашен столь странным османским офицером и поспешно удалился.

В соседних домах распахнулись окна. Раздались слова благодарности на немецком и просьбы. Я же с освобожденными армянами вошел в ближайший дом – остзейца Ойгена Биттнера, который тут же разместил несчастных у себя на чердаке и в подвале. Он попросил меня спасти одного из его приятелей, армянского адвоката, который бежал в квартиру в отдаленном районе, а уже оттуда попросил о помощи по телефону.

В то время как я размышлял, как же туда добраться, сама судьба послала мне навстречу автомобиль моего штаба. Маленький сын остзейца стал провожатым и вскоре мы доставили в салон смертельно бледного армянина.

Сгущались сумерки, когда мы только что развернулись, чтобы ехать обратно в отель, но тут по всему городу пошел треск винтовочного огня, и мы стали с удивлением и в растерянности переглядываться. На улицах раздавались звуки городского боя, над нами засвистели пули. Русскому шоферу, который при каждом треске поблизости нервно сжимал руль, я давал короткие указания: «на право – на лево», куда ехать. Мне была весьма неприятна мысль, что нас задерживает какой-то татарский сброд убийц. Армянина в машине, должно быть, одолели подозрения, ведь никто из нас не говорил в достаточной степени ни по-русски, ни по-турецки, чтобы прояснить ему ситуацию. Я вздохнул с облегчением, когда спасенный вместе с нами оказался в безопасности в отеле «Метрополь». Там я узнал, что

дикий треск выстрелов, оказывается, был вечерним салютом в честь мусульманского праздника.

Когда же на другое утро – было уже 17 сентября – я выходил из отеля, рядом с воротами на виселице болтался труп одного перса. На его одежде был прикреплен плакат, что этого грабителя приказал повесить турецкий командующий. Я предлагал эти меры устрашения сразу же в начале резни. Был назначен новый комендант города. Войска были на подходе.

Я прошел по паре улиц. Из подвалов и ворот домов сочился тошный запах трупов. В одном из закоулков лежала груда из восьми голых трупов, среди них и роженица с младенцем.

С отвращением я развернулся, а тут мне в ноги кинулась остзейская немка. С рыданиями она рассказала мне, что вчера ее зять, армянин, был удушен на глазах у своей жены. С сегодняшнего утра исчезла ее дочь с маленьким ребенком. Я отвел эту не помнящую себя женщину в лагерь, куда теперь приказал стогнать армян Нури, чтобы их «защитить». В зданиях школ, скорчившись в подвалах, распростершись на голой земле, перемешавшись, в беспорядке лежали мужчины, женщины и дети. Пугливые взгляды робко искали мои глаза. Жесты и слова, то умоляя, то строптиво, то выпрашивая хлеб – население голодало уже несколько дней, ведь все лавки были разграблены, а магазины закрыты. С суровыми физиономиями турецкие офицеры и унтер-офицеры, с палками в руках, осматривали их ненавидимых врагов. Я же не мог сдержаться, чтобы не вырвать стек и не сломать об колено одного из этих трусов, который бил девочку. Несчастную юную вдову мы не нашли.

Когда я сообщил «начальнику штаба»^[227] Нури – совсем еще юному, заносчивому юнцу, что я видел в одном из домов четырнадцать убитых грузин, вверенных защите германского правительства, он ответил с возмутительным цинизмом: «Мой Бог, да их просто приняли за армян!»

И только Тевфик-бей, сын бывшего посла в Берлине^[228], тайком подошел ко мне и стыдливо прошептал: «Я был в домах. Вы правы, это просто ужасно!»

Когда же я поехал верхом вечером в порт, то в постыдной спешке с полностью груженных телег сбрасывали трупы в море.

Отставка и возвращение домой

Утром 18 сентября Халил-паша покинул Баку вместе со штабом группы армий, хотя было известно, что из-за столкновения поездов под Баладжарами железнодорожная ветка блокирована. Почти 24 часа мы оставались совсем рядом с городом на открытом участке. А в татарских деревнях все еще звучали выстрелы.

И в то время как паша вместе со своими приближенными садился в салон-вагон, я предпочел вместе с майором Хартманном отправиться в вагон третьего класса. Туда прибыл адъютант Халила-паши и передал мне следующее письмо об отставке, которое в переводе на немецкий гласило:

«С учетом сказанного Вами и Ваших выступлений против Его Превосходительства Нури-паши, командующего Исламской армией, в присутствии многих коллег и посторонних лиц, а также последовавшей после этого жалобы со стороны Его Превосходительства, я счел себя вынужденным прекратить Вашу деятельность как начальника моего штаба. Я предоставляю Вас в распоряжение Верховного Главнокомандования, которому уже телеграфировал».

Я равнодушно сложил записку, ведь мое решение после всего увиденного покинуть турецкую службу давно уже было окончательным.

В Тифлисе я, не попрощавшись, вышел из поезда. О случившемся я доложил генералу фон Крессу, который затем переслал мое донесение рейхсканцлеру в Берлин^[229]. Позднее документы обо всех этих событиях опубликовал в своей книге «Германия и Армения» Иоганн Лепсиус^[230]. Доложился я и генералу фон Секту, с которым не имел возможности связаться с момента моего прибытия под Баку, одновременно запросив моей отставки и отправки в германскую армию, ведь по личным причинам моя дальнейшая работа с турками была совершенно невозможна. Майор Хартманн, который во Вторую мировую войну занимал одну из командных должностей на фронте^[231], был со мной полностью солидарен и также попросил о

своим обратном переводе в германскую армию в связи с возмутительными событиями.

Будучи свободен от служебных обязанностей вплоть до решения по данному поводу, я в одиночку поехал на своем автомобиле по Военно-Грузинской дороге к горе Казбек Главного Кавказского хребта. Я хотел вырваться из этой атмосферы крови и грязи, ненависти, лжи и низости, тоскуя по уединению и очистительной тишине и величию горных ландшафтов.

Ранним утром я вышел из дома и отправился погулять на расположенное высоко в горах кладбище. Было еще темно, стояла глубокая тишина. Над полностью окруженной высокими горами долиной царило сверкающее звездами небо. Абрисы горных вершин лишь незначительно выделялись на фоне темного горизонта.

Постепенно мерк свет звезд, почти незаметно развеялся мрак. И только Юпитер в своем притягивающем великолепии все еще виднелся между все более блеклыми отсветами Ориона и Близнецов.

Странное сияние показалось там, где я в темноте пытался найти Казбек. Серебряный блеск, таинственно мерцавший над темной грядой гор передо мной, теперь становился все прозрачнее. Погасли и последние звезды.

И вон там в холодном утреннем свете над всей вереницей гор громоздилась безупречная ледяная громадина Казбека. И все более ясно прорисовывались формы и глыбы льдов и снегов. Я с напряжением ожидал момента, когда первый луч солнца коснется одинокого пика, превосходящего все вершины Европы.

И вот он! Луч света загорелся на вершине. Казалось, будто из ледяного щита вырвался язык пламени, словно дремлющий вулкан вдруг пробудился к новой жизни. Поток красно-золотого цвета медленно стекал по холодной серебряной поверхности, будто река горячей лавы.

Долина еще часами оставалась во мраке ночи, а наверху на головокружительной высоте уже сияли и переливались под светом солнца лед глетчеров и безупречная белизна многолетнего снега, там, где гневом богов был прикован Прометей.

Когда после возвращения в Тифлис я сидел в отеле, ко мне подошел офицер для связи Ставки майор Хай^[232] с серьезным

выражением лица и тихо сказал: «Все трещит по швам». Только что стало известно, что Болгария попросила о перемирии^[233].

Я получил от генерала Секта приказ вместе со всеми германскими офицерами, находящимися в турецких войсках, вернуться в Константинополь^[234]. Чтобы организовать отъезд, я отправился в Александрополь. Халил-паша попросил меня зайти к нему.

Смущенно, но любезно улыбаясь, он приветствовал меня шутивым тоном: «Hein? Fâché?»^[235] Я тоже не мог сдержать улыбки от этих непринужденных слов после грубой манеры моего увольнения и в приступе веселости заверил это большое дитя, что вовсе не был оскорблен. Он же, с оглядкой на Энвера, просто не мог действовать иначе, да и у меня не было никакого повода сожалеть о моем поступке. Наши пожелания здесь практически совпали, ведь я в любом случае попросил бы о своем увольнении с турецкой службы. С видимым облегчением Халил ответил в своей прежней сердечной манере: «Вы были совершенно правы! Я бы на Вашем месте сказал бы то же самое! Поверьте мне, что мне очень тяжело вот так с Вами расставаться, однако Нури заявил мне: „Или он, или я!“ Кстати, я связался по телеграфу с Энвером, Вас планируют назначить начальником штаба армии, которую сформируют на болгарской границе!» Но я отрицательно покачал головой и сказал: «У меня настойчивое желание вернуться в мою страну». Мы подали друг другу руки. Халил, который подарил мне на память о нашей совместной деятельности великолепный бухарский ковер, поехал провожать меня на вокзал. Офицеров из его штаба не было.

Двенадцать лет спустя я вновь увидел его в Константинополе. Он выглядел постаревшим и несколько опустившимся. На жизнь он зарабатывал торговлей лесом. Нури занимался производством детонаторов на фабрике на берегу Мраморного моря. Энвер был убит во время одной из авантур на большевистской территории^[236]. Сын Халил, родившийся в Мосуле маленький Чингис, ходил в школу. Мечта об империи, которую хотел завоевать для него отец, развеялась...

Во время нашего ожидания на вокзале в Тифлисе из купе, где я читал при свете свечи, весьма умелой рукой у меня выкрали обе висевшие у входа шинели. В Рионе толпа попыталась ночью ворваться в наш вагон. Когда же мы стали сопротивляться, какой-то русский

фанатик^[237] не глядя выстрелил в нас, и наш турецкий денщик с криком «Мама! Мама!» рухнул замертво.

В Поти мы два дня просидели на пляже, наблюдая, как скатывают свои шары священные скарабеи. Болгарский пароход с капитаном из остзейцев^[238] все время откладывал отплытие, ведь через Босфор в Черное море якобы прорвались английские подлодки^[239]. Наконец мы все же отправились мимо крутых скалистых отрогов Тавра^[240] в вечерних отсветах, где Гёте поэтическим взором видел Ифигению:

...Летя душой ко греческой земле^[241].

В Севастополе я, к моему удивлению, наткнулся на панораму Пигльхайна^[242]. Через гирло Сулины мы зашли в Дунай. Я как раз стоял на капитанском мостике – а сам капитан любезно предложил мне для размещения свою каюту – и смотрел на матроса у штурвала, подменявшего рулевого. Я не знаю, как это случилось, однако вдруг корабль сильно повело вбок, и с мощным рывком мы сели на мель. Несчастный матрос, чьи неумелые действия вызвали этот инцидент, был осыпан потоком ругани со стороны капитана и бросившегося к штурвалу рулевого, так что лишь после некоторых маневров нам удалось высвободить судно. В Браиле мы сошли. И там меня застала телеграмма генерала фон Секта, что во изменение прежнего указания необходимо немедленно возвращаться в Германию. Именно этому приказу я и мои офицеры обязаны тем, что под конец еще и в плен не угодили. В Браиле я впервые услышал о требованиях отречения Вильгельма II^[243]. Я был возмущен самой мыслью об этом и глубоко потрясен смутностью нашего положения, внезапно возникшего, к чему мы были совершенно не готовы.

В Бузэу я проездом навестил мой старый штаб 63-го генерального командования, откуда в 1917 г. я и выехал в Турцию. Командующий генерал Альберт фон Шох и начальник штаба полковник Шрауденбах вскоре после этого попали вместе со всем штабом в румынский плен^[244].

Прямое сообщение через Будапешт и Вену в Мюнхен было уже невозможно, ведь в обоих этих городах начались революционные беспорядки. Мы вынуждены были выбрать путь через Одерберг^[245]. У меня с собой в многочисленных ящиках была вся служебная документация штабов 6-й армии и группы армий «Кавказ» – насколько

она касалась германского персонала и весьма обширной германской переписки^[246]. В Бреслау^[247] из-за этого возник конфликт с младшими железнодорожными служащими, ведь они полагали, что это – личный багаж. Манера поведения этих людей была вызывающей и бесстыдной.

В начале ноября я прибыл в Берлин, чтобы сдать эти документы. В полдень 9-го числа я сидел в штатском за обеденным столом в «Хабсбургер Хоф» на Асканише-плац. За соседним столом я заметил генерала фон Литцманна^[248] в полной форме и с Pour le Merite на шее.

Вдруг ко мне подошла горничная, любезное дитя Кимгау^[249], она была очень взволнована и поспешно зашептала: «Кайзер отрекся. В Моабите стреляют друг в друга».

Я тут же встал и пошел к портье. Он молча протянул мне экстренный выпуск, где было обращение за подписью принца Макса Баденского. Я прочитал: «Кайзер и король принял решение покинуть трон».

С улицы донесся звук марширующих отрядов. Я вышел наружу. И тут по Кёниггрец-штрассе с юга в образцовом порядке, возглавляемые распорядителями в белых повязках, показались необозримые колонны ликующих рабочих.

Я пошел за ними. Встреченных солдат рабочие приглашали следовать за ними, но большинство со смущенной улыбкой отказывались. «Теперь Вам уже не придется стрелять по отцам и матерям!» – крикнул одной из групп наших «фельдграу»^[250] какой-то седобородый рабочий вожак. Они не забыли злобных бесчеловечных слов молодого тогда и опьяненного властью кайзера к рекрутам гвардии^[251].

На углу Вильгельм- и Ляйпцигер-штрассе какой-то старик, обнажив голову, провозгласил ура императору Вильгельму. Из проходящих мимо грянул радостный отклик. Часть этих людей неверно поняла старика и полагала, что он хочет восславить рабочее движение. За этим последовали взволнованные объяснения, иронические смешки и насупленное молчание.

А тут из конца колонны раздались крики, которые быстро распространялись к голове толпы. Грузовики с вооруженными солдатами, размахивавшими большими красными знаменами, прогрохотали вперед. С быстротой молнии пронизало меня

воспоминание о том декабрьском вечере в Мосуле, когда русский полковник Эрн^[252] описывал мне начало революции в Москве. Автомобили с вооруженными солдатами и красными знаменами и там были первым сигналом к восстанию. И вот теперь я здесь переживаю – революцию – законнорожденную дочь проигранной войны!

Я сопровождал шествие рабочих через ту же липовую аллею, на которой четыремя годами ранее слушал посреди ликования известие о начале войны^[253]. А вот теперь под вой толпы отмечали окончание бойни.

Перед рейхстагом уже стояли длинными рядами, все в ожидании смотрели на здание. На земном шаре, где вокруг памятника Бисмарку был обернут атлас, сидел солдат с большой красной тряпкой на стволе винтовки.

По лесенке на трибуну влез какой-то унтер-офицер и начал речь: «Товарищи! Партия большинства творит какое-то дерьмо...» Дальше ему сказать не дали. К нему подскочили какие-то двое и что-то яростно стали говорить. Только однажды удалось разобрать его громкое и недовольное возражение: «Да что там! Да это мне совершенно все равно!»

Посреди этой стычки между независимыми и членами партии большинства^[254] толпа пришла в движение и стала напирать на окно слева от портика, ведь громкие крики «Шейдеман! Шейдеман!» из тысяч грудей приветствовали появившегося в образе народного трибуна.

С патетическими жестами и высоким голосом Филипп Шейдеман^[255] провозгласил в беззвучной тишине: «Германский народ одержал победу по всему фронту! Милитаризм свергнут! Династия Гогенцоллернов смещена! Эберт избран рейхсканцлером! Да здравствует Германская республика!»^[256]

Утром я купил себе билет на вечернее представление в театре Райнхардта. Так как у меня были сомнения, что при таких чрезвычайных обстоятельствах происходящего в стране переворота мероприятие состоится, я сделал соответствующий запрос. Весьма удивленным тоном мне ответили, что, разумеется, актеры выйдут на сцену.

Давали «Фауста». Когда же во время сцены со студентами в погребу Ауэрбаха последовали слова:

«Конечно, уж судьба ко мне благоволит,
Что быть мне канцлером иль князем не велит...»^[257],
весь этот буржуазный сброд в театре разразился радостным
ржанием.

Приложение I

История семьи Параквин (Фрагмент)

«История семьи Параквин»^[258]. Написана Эрнстом Параквином (1876–1957). Том второй, 1877–1940. Выдержка из машинописной копии, с. 560–579, о событиях 1917–1918 гг. Печатается с любезного разрешения Буркхарда Параквина, Виндорф-ан-дер-Донау

6 июля 1917 г. стало для меня навсегда незабываемым днем.

В 4:12 утра я выехал из Меца в Бад-Кройцнах. Прибыл туда в 9:15. Меня уже ожидала машина, а один офицер довез до моей квартиры в гостинице «Ойропеишер Хоф». В этом милом курорте на водах царил мирный покой. И только множество солдат на улице напоминало о военном значении этого пункта.

В полном спокойствии я позавтракал, получив замечательную холодную нарезку – невиданный вот уже несколько лет деликатес. Затем я отправился побриться неподалеку от находившегося под строгой охраной санатория. А построенное Габриэлем Зайдлем^[259] здание было резиденцией кайзера, который в тот день был в Вене.

Около половины одиннадцатого я пошел к адъютанту баварского военного уполномоченного майору барону фон Паппусу^[260]. Все военные уполномоченные – баварский, саксонский, вюртембергский, в дружеском союзе с болгарским и турецкий, весь этот «Хагенбек»^[261], как их окрестил кайзер Вильгельм II, – жили в «Ойропеишер Хоф». Весьма показательно для нашей обстановки в Германии, что особый военный уполномоченный был не только у Турции, но и у Баварии. И это – в Германской империи!

Паппус спросил у адъютанта Людендорфа обер-лейтенанта Клингеманна, когда мне следует явиться. Людендорф приказал мне передать, что я могу прибыть к часу дня к фельдмаршалу^[262], а в 4:30 должен быть у него на докладе.

Затем я доложил баварскому военному уполномоченному генерал-лейтенанту фон Харцу^[263], который полагал, что о моей

миссии следует известить баварского военного министра. От отсутствия какого-либо иного занятия!

Незадолго до часа дня я отправился на виллу Имхофф через мост Наэ, где жил Гинденбург. Гости за трапезой также были полковник Мюллер, уполномоченный генерал-квартирмейстера Западного фронта, и три имперских комиссара по углю. Затем тут были еще 23–24 постоянных участника обедов, ближний Генеральный штаб. Ежедневно быть за столом с фельдмаршалом помимо Людендорфа, 1-го офицера Генштаба майора Ветцеля^[264], полковника фон Мерца^[265], бывшего некогда моим преподавателем в Военной академии, имел честь еще целый ряд молодых капитанов и ротмистров, а также пара обер-лейтенантов.

Незадолго до часа дня прибыл фельдмаршал. Это была столь знакомая мне по плакатам фигура, большая голова, исполненные верности глаза. Именно на них я обратил внимание сразу и потом. Остальные были куда более заурядной внешности.

Сначала ему представили комиссаров по углю в черных мундирах. Он спросил их, могут ли они выполнять свою работу – обеспечение империи углем. Они поведали о трудностях с этим. Гинденбург же ответил в своей спокойной, негромкой и суховатой манере: «Да-да! Это все-таки надо сделать!» Затем ему представили меня. Он сначала подумал, что я приехал из Мюнхена. Людендорф доложил ему о нашем деле. Я сказал ему, что прибыл из Норруа-ле-Сек, куда незадолго до этого перебрался наш штаб корпуса, чтобы принять под контроль участок Во под Верденом. Это его заинтересовало, ведь он и сам побывал там всего месяц назад. К сожалению, перспективы были не слишком хороши.

Затем мы отправились к столу. Я сидел между Гинденбургом и полковником фон Мерцем. Подавали простое рагу, масло и сыр, а также очень хорошее белое вино, далее чашку кофе и – мама дорогая^[266], чуть не упал со стула! – стакан кордиала^[267] или коньяка, по выбору. И Гинденбург, и Людендорф взяли себе по стакану шнапса. За столом Гинденбург коротко высказался о моем докладе, но без каких-либо оценок. Затем он еще задал мне ряд вопросов о нашем теперешнем положении. Один из комиссаров по углю весьма увлекся маслом. «Ну что ж! – заметил фельдмаршал, – у нас есть и еще!» Около 2 часов он поднялся из-за стола, и все тоже отправились

отдыхать. Полковник фон Мерц сказал мне, что вечером я должен опять прибыть к столу.

После короткой паузы я пошел немного прогуляться над городом, а около 4 часов опять зашел в Ораниенхоф^[268], здание Генерального штаба. Вскоре после 4 часов в свой кабинет зашел Гинденбург.

Около половины пятого Людендорф вызвал меня к себе. Капитан фон Харбу^[269] пришел с ним. Я доложил ему о проекте дипломированного инженера Федера насчет персональной военной компенсации солдатам-фронтовикам^[270]. Людендорф был блестящ – краток, конкретен, но дружелюбен. В нем чувствовалась сила воли. У фельдмаршала все это смягчалось спокойствием возраста и добродушными верными глазами. Они были прекрасной парой и отлично дополняли друг друга.

Людендорф выслушал мой доклад спокойно, скрестив руки на груди, он обратил на меня внимательный взгляд ясных твердых глаз. Главные упреки, которые он справедливо высказал в своих интересных и увлекательных идеях, были сопряжены с трудностями практической – даже определения понятия «солдат-фронтовик» – и финансовой реализации. Он оценивал расходы в 40 миллиардов и считал, что наши противники никогда не будут в состоянии заплатить такие суммы. Он попросил меня сообщить Федеру о его решении. Когда же Харбу удалился, Людендорф задал мне ряд вопросов о нашем положении и настроениях на фронте. Я описал их как не слишком ободряющие и указал на неясность наших военных целей. И тогда Людендорф сказал в своей спокойной и уверенной манере: «Наши военные цели потому кажутся неясными, что их не заявил достаточно четко рейхсканцлер^[271]. Нам нужна Курляндия и Бельгия». Возможно, он прочитал в моих глазах некоторое удивление, ведь после небольшой паузы продолжил: «Я полагаю, что даже самому отчаянно красному рабочему можно все же объяснить, если спросить его, желает ли он, чтобы следующая война началась под Аахеном, а русские еще раз опустошили Восточную Пруссию?^[272] Должен же он в конце концов понять!»

Затем я посетил капитана фон Бонина^[273], который был нашим 2-м офицером Генштаба в корпусе Маршалла и теперь работал у начальника полевых железных дорог, прогулявшись вдоль милого

розового садика у коричневой реки Наэ до градирни, а затем коротко сообщил военному уполномоченному о моем докладе.

Вечером я был уже единственным гостем и сидел между Гинденбургом и Людендорфом. Фельдмаршал с улыбкой посмотрел на меня и сказал: «То есть Вы уже свои баварские петлицы вовсе не носите!» Я ответил отрицательно. Полковник фон Мерц заметил: «Ну, тогда у него есть товарищ, ведь я их тоже не ношу». Затем мы поговорили об австрийцах, в том числе из 19-й пехотной территориальной дивизии^[274], которая теперь в Галиции опять полностью разбита. Я рассказывал, что это как раз та чешская дивизия, которая в 1914 г. так провалилась во время боев за Тарнополем. Потом я вспомнил о Кламе-Мартинице^[275], премьер-министре молодого императора Карла, и отметил, что вовсе не считаю его другом Германии. «Да столь же мало им является и Чернин!» – бросил майор Ветцель. Из того, сколь серьезные трудности доставляет позиция Дунайской монархии, тайны не делали. Да и амнистию, данную императором Карлом^[276], тоже обсудили. Людендорф заметил, что это распоряжение открывает возможность благоприятных расчетов на будущее всем тем перебежчикам и австрийским подданным, которые сражаются против своего Отечества. Ведь при заключении мира и они смогут рассчитывать на помилование^[277].

Говорили за столом и о поездке в Берлин, куда Гинденбург и Людендорф должны были выехать еще ночью. Ведь уже пополудни пришла почти невероятная новость, что бюджетная комиссия рейхстага^[278] отклонила утверждение очередных военных кредитов, чтобы оказать давление на правительство ради скорейшего заключения мира и немедленного проведения «демократических» реформ. Да, незрел еще немецкий народ. И это показывает один только этот постыдный пример. Но о нем не должно стать известно, ведь иначе он укрепит за рубежом уверенность в победе до небес. Я чувствовал доверие к Гинденбургу и Людендорфу, ощущал, что они смогут отворотить худшее, даже если рейхсканцлер лишится поста^[279]. На тот момент наша внутривластная обстановка и вообще настроения были весьма дурны, а пресса, как правило, только ухудшала их. Совсем уж печально обстояло дело в Австрии. Я полагаю, что судьба ее решена.

После трапезы Гинденбург, Людендорф, Мерц, Ветцель и я прошли в соседнюю комнату за кружкой пива. Другие же вернулись к работе. И вот теперь последовала самая конфиденциальная часть дня.

За жидким пивом Гинденбург заметил, что я должен быть начеку, ведь оно может легко ударить в голову. Затем мы поговорили о баварском пиве, потом опять об Австрии. Гинденбург рассказал о кампании 1866 г., когда он, будучи гвардейским лейтенантом, участвовал в преследовании под Зоором и вынужден был хоронить австрийского фельдъегеря Михальски. Этот Михальски будто бы лежит на одном из пригорков, в своего рода озерце. Позднее Гинденбург в ходе своих штудий выяснил, что там же во время 2-й Силезской войны в ходе сражения под Соором^[280] как раз стояло правое крыло армии Фридриха Великого. Мерц заговорил о схожей с нашей обстановке во время Семилетней войны и полагал, что еще придется написать как об истории войн Фридриха Великого: «Все выглядело так, будто Пруссии придется погибнуть, однако Провидению было угодно иначе». Я же вспомнил о вышедшем уже после начала войны произведении Томаса Манна «Фридрих и Великая коалиция»^[281], однако никто с ним знаком не был.

Господа еще рассказали кое-что об одном пивном вечере в Вене, где Чернин с большим апломбом назвал депутата от немецких радикалов «тевтоном». Гинденбург заметил: «Ну что ж, он и действительно выглядел, как „отец гимнастики“». Но ведь был и еще один, венгр с длинной бородой». – «А, это был Баттьяни», – подсказал Ветцель^[282].

Вечер закончился слишком уж быстро. Офицеры отправились по рабочим делам. Гинденбург и Людендорф пожали мне руки, твердо посмотрели мне в глаза и сказали: «До свидания!» Однако это осталось лишь пожеланием.

Остаток вечера я провел на концерте в «Келленхоф» с Паппусом, турком Зеки-пашой^[283] и адъютантами саксонского и вюртембергского военных уполномоченных. Напротив сидел болгарский полковник Ганчев^[284], словно петух в цветнике с пятью дамами. Ведь Кройцнах в основном женский курорт. Зеки-паша же – веселый до зубоскальства и типичный восточный человек.

Утром 7 июля я уехал из Кройцнаха. Вечером я уже опять был в Норрау-ле-Сек.

2 августа 1917 г. телеграмма благоволившего ко мне моего бывшего начальника полковника Доммеса вновь вырвала меня из бездействия на спокойном участке фронта. Доммес отправился начальником штаба генерала Фалькенгайна в Турцию. И теперь он мне сообщал: «Вы затребованы к нам в штаб для особых поручений». 18 августа я сел в Берлине на восточный экспресс, который доставил меня через Вену – Белград – Софию в Константинополь. Там 20-го я расположился в отеле «Пера Палас».

Мое нахождение на турецкой службе как начальника штаба 6-й османской армии в Месопотамии, а затем османской группы армий «Восток» на Кавказе дало мне возможность непосредственного контакта с генералами фон Фалькенгайном и фон Сектом, Энвером-пашой, его дядей Халилом-пашой, победителем при Кут-эль-Амара, и другими военными и дипломатическими деятелями, например с послом графом Бернсторфом и будущим рейхсканцлером фон Папеном, который был тогда офицером Генштаба и сотрудником Фалькенгайна. Свои воспоминания я подробно и с разных точек зрения изложил в двенадцати статьях «Зарисовки с Востока» в сборнике мюнхенско-аугсбургской «Абендцайтунг», в статьях в «Натур унд Кунст», «Берлинер Тагеблатт», мюнхенских «Нойестен Нахрихтен», рукописи «На обреченном посту» и напечатанной книге «Из пестрой книги моей жизни»^[285]. Здесь я свел их воедино в общем обзоре тех лет.

21 августа 1917 г. Фалькенгайн принял меня в Константинополе (в Пера). Он вспомнил о нашей встрече в Пекине в штабе Вальдерзее^[286], а затем о том, как мы были на дивизионных учениях в Ютербоге. С подкупающей любезностью он изложил мне общую картину обстановки на Ближнем Востоке и обрисовал поле моей деятельности как начальника штаба 6-й армии Халила-паши в Мосуле с учетом планируемого наступления на Багдад. Самое сложное заключалось в положении с довольствием армии и невозможности должным образом его поддерживать с учетом совершенно недостаточных тыловых коммуникаций и в целом тяжелой обстановки с этим в Турции.

27 августа я переправился в Хайдар-паша, азиатский вокзал Константинополя, сев на экспресс в Алеппо. Через Конью, где я осмотрел древний город сельджуков, через только что достроенный Аманский туннель, по узкоколейке через все еще строящийся туннель

через Тавр 2 сентября я прибыл в Алеппо. 5-го я продолжил путь до конечной тогда станции железной дороги Тель-Хелиф под Нисибинном, откуда на машине поехал по пустыне в Мосул, куда прибыл 8-го. Уже 11-го я выехал с моим предшественником^[287] назад в Алеппо, чтобы еще раз переговорить с Фалькенгайном, который тем временем прибыл туда. На обратном пути я осмотрел руины позднеримского города Дара под Нисибинном, которые еще Мольтке упоминал. Почти у самого Мосула мой автомобиль съехал в глубокую канаву, так как шофер при палящем зное и в клубах пыли потерял контроль над машиной. И просто чудом мы не перевернулись, а натурально приклеились к одному из склонов. С ужасом мы выбрались оттуда, однако дальнейший путь в Мосул пришлось пройти пешком. Когда на следующее утро наши солдаты прибыли вытаскивать автомобиль, бедуины уже полностью разорили и оборвали весь салон.

24–30 сентября я съездил в зону ответственности нашего 13-го корпуса, который занимал гористый район к северу от Тигра и до Ревандуза на персидской границе. Через Гювер на Забе, где после битвы при Кунаксе взбунтовавшиеся греки перебили своих полководцев, а командование принял Ксенофонт, и Эрбиль, древнюю Арбелу, где разгромил персов Александр Македонский^[288], я добрался до впечатляющего «Золотого моста» – Алтын-Кёprü^[289]. Он напоминает похожий на верблюжью спину мост в парке Летнего дворца Ваньшоушань в Китае, а также похож на знаменитый турецкий мост через Неретву в Мостаре. Богатый нефтью Киркук, обсаженный пальмами Кифри, где была штаб-квартира корпуса, Кара-тепе и Кызыл-Рабат – таковы были следующие мои остановки на пути в Джебель-Хамрин – «красные горы», где с оружейных позиций я осмотрел плодородные земли под Багдадом и расположение англичан. Через Ханекин я поехал в Каср-э-Ширин в Персии, чтобы навестить господина фон Друффеля^[290], который там вместе с парой афганцев поддерживал связь с приграничными персидскими племенами.

У Фалькенгайна немедленно возник тяжелый конфликт с Али-Ихсаном-пашой, говорившим по-немецки командующим 13-го корпуса, ведь первый не желал соглашаться на переход персидской жандармерии (офицеров-шведов и их подчиненных персов) под германское командование и не предпринимал никаких шагов, чтобы добиться возмездия за убийство немца Шульца одним из протурецких

курдских шейхов^[291]. Когда я вернулся в Мосул, то узнал, что англичане при поддержке самолетов и броневиков атаковали стоявшую на Евфрате отдельно правофланговую дивизию и добились крупного тактического успеха. Она относилась к нашему 18-му корпусу, основные силы которого стояли под Тикритом. Так что их разделяла пустыня. Остатки дивизии заняли позиции под Аной.

5 октября Фалькенгайн вызвал Халила-пашу и меня на последнее совещание в пустыне под Тель-Увенат к западу от Мосула. В шатре английского генерала Таунсенда, который захватил Халил под Кут-эль-Амарой, мы обсудили новое положение, создавшееся из-за отказа от операции против Багдада. Предстоящее наступление генерала Алленби в Палестине заставило Фалькенгайна бросить туда все силы. 6-я армия теперь получила чисто оборонительную задачу: обороняться в Месопотамии против атак из Багдада.

28 октября Халил передал мне орден Железного Полумесяца^[292].

4–7 ноября Халил и я навестили 18-й корпус, командующим которым был Джафар Тайяр, очень несимпатичный албанец, он выехал к нам навстречу к Шуремии у перевала Эль-Фата, чтобы обсудить его отступление на сильную позицию на этом перевале.

8–20 ноября я лежал пластом в Мосуле, тяжело хвораю бактериальным и амёбным заражением кишечника. 19-го после месячной засухи начались первые зимние дожди.

27 ноября – 12 декабря Халил вместе со мной объезжал фронт армии. На большом келлеке (то есть плоту на надутых бараньих бурдюках), местном способе передвижения издревле, мы за 36 часов спустились по Тигру до перевала Эль-Фата, где река через узкий карьер выходит в открытую пустыню. В ходе конной прогулки на Джебель-Хамрин вдоль новых горных позиций 18-го корпуса мы смогли получить впечатление от великолепного дальнего обзора бесконечной пустыни, лежавшей далеко внизу у наших ног. Я использовал эту возможность для второго визита в Ашшур, на этот раз под компетентным руководством моего друга, за более чем четырнадцать лет сроднившегося с этой страной археолога доктора Юлиуса Йордана, который находился в моем распоряжении как переводчик с арабского. На машинах мы поехали назад через Мосул и сразу же дальше в Тус-Хурматли (Соленые финики), куда прибыли через Алтын-Кёprü – Киркук. В этом великолепном пальмовом

оазисе, где особенно хорошо растут финики из-за соленой воды, новый командующий 13-м корпусом симпатичный и утонченный Селахэддин-бей разместил свою штаб-квартиру с тех пор, как англичане вытеснили его со склонов Джебель-Хамрин в Кара-тепе. И только мы туда прибыли, как они попытались выбить и из Кара-тепе. Однако предложенная мною атака с двойным охватом заставила противника добровольно оставить Кара-тепе. В Тус-Хурматли мы получили радостное известие о предложении перемирия со стороны России^[293].

21 декабря 1917 г. я с моим обер-квартирмейстером Бассри-беем выехал в Эрбиль, чтобы там принять русскую делегацию для переговоров о перемирии и сопроводить ее в Мосул. Мы безрезультатно вели с ними беседы до 31 декабря. Они не желали дать гарантии, что не позволят англичанам занять оставленные ими позиции. А без таких заверений и для нас отвод турецких войск с курдско-персидской^[294] границы был невозможен. Так что 31 декабря 1917 г. они вернулись назад в Ревандуз. Между тем большевистская революция продолжалась.

Начался решающий 1918 год. 27 января мы торжественно, парадом и совместной трапезой, в которых приняли участие представители всех военных и штатских инстанций, отметили день рождения Вильгельма II. Никто из нас не подозревал, что это будет последнее официальное торжество по этому поводу^[295]. Годом позже кайзер беженцем уже сидел в Голландии.

17 февраля во время полевого богослужения в халдейской церкви^[296] я произнес проповедь по случаю заключения мира с Украиной и приостановки военных действий Великобританией^[297]. Через два дня я дал официальный ужин в честь Халила-паши в моем милом доме, расположенном совсем рядом с Тигром.

2 марта в мой 42-й день рождения я получил из Назарета от полковника Доммеса телеграмму: «Прощальный привет от верного друга. Подробности письмом». Оборона Палестины рухнула. Фалькенгайн, как разбитый полководец, уезжал обратно в Европу^[298]. Мы же оставались на своем обреченном посту в пустыне.

13–16 марта между мной и отправленным недавно в Константинополь на пост начальника штаба при Энвере генералом фон Сектом^[299] состоялся обмен телеграммами, где я энергично

возражал против упреков в том, что недавний разгром отдельно стоявшей на Евфрате дивизии при соотношении сил двух сторон попросту непостижим. Я усомнился, читались ли вообще в Ставке все мои прежние донесения, в которых постоянно указывалось, что истинные размеры турецких дивизий в связи с убылью из-за голода и дезертирства далеко не достигают положенного состава. Запросил и моей отставки. Сект в ответ заверил меня, что он при отправке телеграммы не знал действительной обстановки, а также выразил мне безусловное доверие. Сколь чудовищным был голод у нас, видно хотя бы из того факта, что с сентября 1917 г. до марта 1918 г. из нашей армии умерло от недоедания 14 тысяч турецких солдат.

Между тем ревность со стороны турок привела к тому, что наша служебная переписка с арабскими бедуинскими племенами, прежде всего с Шаммаршейхом Хумеди^[300], была запрещена Энвером-пашой. До сих пор мы самостоятельно поддерживали связь с этими племенами и, выплачивая ежемесячно тысячу марок в золотой монете, препятствовали тому, чтобы они вредили нашим очень уязвимым тыловым коммуникациям. А то, как это возможно, показало нам в том числе нападение курдов 15 мая на отряд фон Друффеля, в ходе которого было убито шесть человек, в том числе три немца.

29 апреля англичане вновь атаковали 13-й корпус под Тус-Хурматли и окончательно овладели высотами под Кара-тепе, которые мы смогли отбить у них в ноябре. 1 мая наступившая сильная летняя жара временно положила конец всем операциям.

7–9 июня 1918 г. я осуществил давно уже планируемое мною посещение на просторах пустыни вполне дружелюбно меня принявшего Шаммаршейха Хумеди. Он ежегодно разбивал свои шатры в это время у великолепных и грандиозных руин Хатры^[301], которые я как раз тогда и осмотрел. В качестве подарка от гостя я привез Хумеди наш последний взнос – мешочек с пятьюдесятью германскими монетами по двадцать марок, которые в Константинополе были перечеканены в турецкие фунты, а также золотой портсигар с гравировкой фамилии Фалькенгайна. Он же подарил мне свою любимую арабскую кобылу, которую я, конечно, взять с собой не мог.

Из-за начавшейся жары я попросил отпуск и поехал с Иорданом в Телль-Хелиф. Через Алеппо – Енидже – Гелебек – Хаджи-Кири добрались до Тавра, где я на этот раз проехал по-прежнему не

окоченный туннель через Тавр в Карапунар уже верхом. Станциями на пути в Константинополь, куда мы прибыли 24 июня во время постного месяца рамадан, стали Позанты – Мандассон (где комендант станции, армянин, на два часа забрал у нас локомотив) – Конья – Афьон-Карахиссар (то есть черный замок опиума) – Эскишехир (то есть старый город) – Измит (древняя императорская резиденция Никомедия) – Хайдар-паша (но вокзал там выгорел)^[302]. Уже с азиатского берега мы увидели очертания празднично подсвеченных мечетей Стамбула.

26 июня я доложил генералу фон Секту, который днем позже отправился со мной на совещание с Энвером-пашой. Возникли новые проблемы, поставившие мой отпуск под сомнение. 29 июня Сект за завтраком, куда я был приглашен им и его женой, сообщил мне, что я назначен начальником штаба османской группы армий «Восток» на Кавказе. Командовать ей будет Халил.

До прибытия Халила и нашего отъезда в Батум должны были пройти недели, так что я попросил разрешения все же съездить всего на пару дней в Мюнхен, чтобы навестить мою мать и бабушку. После аудиенции в Мюнхене у военного министра фон Хеллинграта^[303] я с яростным кашлем и температурой в 40 градусов слег. Меня одолел тяжелый грипп. С 38 градусами, в лихорадке на неделю позже я выехал назад в спальном вагоне и болтался в Константинополе полубольной-полувыздоровевший, пока не приехали Халил и его штаб. В это время я навестил посла графа Бернсторфа, чтобы получить от него указания насчет моей позиции в армянском вопросе, а также привлечь его к покровительству знакомого мне по Мосулу консула в Тебризе Вустрова, приказ о всемерной поддержке которого я получил телеграммой от генерала Людендорфа.

20 июля вместе с Халилом и генералом фон Сектом я был на ужине у Энвера-паши в его поместье Султан-Чифлик под Буюк-дере, куда была приглашена и часть турецкого правительства. 24 июля мы выехали на комфортабельном английском пароходе «Гюль Нихаль» по Черному морю мимо Зонгулдака (осмотр угольных копей) и Трапезунда (поднялись в замок) в Батум, где высадились 28 июля.

4 августа мы прибыли в Тифлис, где грузинское правительство устроило торжественную встречу, и разместились в отеле «Ной». Днем позже военный министр^[304] дал великолепный вечерний прием в садах

с танцами и пением. Во время трапезы от Нури-паши, младшего брата Энвера, основавшего татарскую республику Азербайджан^[305], пришло донесение о поражении его армии под Баку. Днем позже Халил и я с ближним штабом и представителем Германии в Тифлисе генералом бароном фон Крессом выехали в Гянджу (Елизаветполь), чтобы обсудить с Нури обстановку.

11 августа мы прибыли наконец в нашу штаб-квартиру в Александрополь (ныне Ленинакан)^[306]. Одноэтажный дом, в котором я поселился, после войны был уничтожен землетрясением. Уже 13 августа я вернулся один в Тифлис, так как моего личного присутствия там требовали переговоры с грузинским правительством – прежде всего с министром Рамишвили – относительно свободного пропуска турецких военных эшелонов к Тебризу и Баку.

Задачей группы армий была подготовка масштабно задуманной операции, чтобы через Персию, с севера можно было отбить Багдад. Занятый англичанами и русскими под командованием генерала Бичерахова, не признававшими Брестский мир, Баку представлял собой постоянную фланговую угрозу нашей основной артерии – железной дороге Батум – Тифлис – Александрополь – Тебриз. К тому же Баку был источником столь незаменимого для любого местного железнодорожного движения мазута. Относительно Баку, располагавшегося в зоне действия не подчинявшейся нам Исламской армии Нури, ни он, ни мы обязательных поручений от османской Ставки не получали^[307]. Полученные мною уже после взятия Баку различные послания противоречивого содержания показывают, как столкновение интересов долго колебало чаши весов и препятствовало ясному решению.

18 и 19 августа я выехал на короткое совещание с Халилом в Александрополь. Я вполне ясно осознавал, что необходимо решить Бакинский вопрос до того, как мы сможем обратить взгляды на Тебриз. С его одобрения 20-го я один выехал в штаб-квартиру Мюрселя-паши, дивизия которого стояла под Баку. После чудовищной песчаной бури, которую я когда-то пережил на Печилийской равнине в Китае, а теперь разгоревшейся и здесь, я провел рекогносцировку полосы наступления, чтобы потом поразмыслить над диспозицией для атаки. Одновременно я вместе с Мюрселем-пашой предпринял попытку добиться сдачи города без напрасного кровопролития путем

переговоров с военной диктатурой в Баку^[308]. Но британскому влиянию удалось сорвать эту попытку. Ответа не было, хотя – как я смог выяснить позднее – мое предложение было напечатано в прессе. Мое появление под Баку вырвало и ревнивого Нури из его бездеятельности в Гяндже. Теперь он явился лично и распорядился о захвате 22 августа одного из господствующих над местностью пунктов – на грязевом вулкане. Мы наблюдали за этими боями, разыгравшимися на небольшом пространстве, причем с близкого расстояния, став свидетелями пленения англичан. В тот же день я доложил о моей разведке под Баку генералу фон Секту.

Вернувшись в Александрополь, мы должны были сначала нанести официальный визит армянскому правительству в Эривань и католикосу, предстоятелю армянской церкви, в Эчмиадзин. Нас сопровождали в этой поездке генерал фон Кресс и австрийский посольский советник барон фон Франкенштейн, который закончил свою карьеру 13 марта 1938 г. последним послом Австрии в Лондоне.

11 сентября Халил известил меня о решении взять Баку силами официально не подчиненной нам Исламской армии Нури-паши. Нури присоединился к нам по пути в Гянджу. Целый день мы спорили с Нури, прежде чем он решился принять мой план атаки без каких-либо изменений. «Параквин хочет тебе добра, Нури, ты можешь ему доверять», – сказал Халил своему племяннику. 14 сентября 1918 г. ранним утром началось наступление. Командование противника было еще более жалким, чем у турок со стороны Нури, который, будучи скульптором, никогда не руководил войсками. Мой план предусматривал отвлекающий маневр на северном фронте, в то время как основной удар внезапно наносился с запада. И действительно, удалось еще вечером подойти к господствовавшей над городом гряде высот, хотя турецкое командование целиком и полностью провалилось. Судьба Баку была решена. Я могу без колебаний констатировать, что без моих постоянных подсказок и энергичного подстегивания к активным действиям Баку не был бы взят никогда. Штаб Нури представлял собой лишь горстку честолюбивых авантюристов, которые ничего не понимали в военном деле.

16 сентября мы въехали в несчастный Баку, где полным ходом шли армянские погромы. Отвратительные ощущения, полученные мною при этом, постыдное турецкое бездушие и тайное одобрение

убийств и грабежей бедных армян привели к стычке с Нури-пашой, следствием которой стала моя отставка с поста 17 сентября. Мой отчет о событиях был направлен германскому рейхсканцлеру и опубликован Иоганном Лепсиусом в его сборнике документов «Германия и Армения»^[309].

10 октября – после замечательной поездки в Казбек, где довелось познакомиться с красотами Главного Кавказского хребта – по приказу генерала фон Секта вместе со всеми германскими офицерами я покинул Кавказ, чтобы отправиться с ними в Константинополь. С 17 сентября я находился в Тифлисе. И вот теперь в крайней спешке последовал наш отъезд. На вокзале Тифлиса, где нам пришлось часами дожидаться отъезда, у меня из купе украли обе шинели, пока я читал при свете свечи. По пути на одной из станций в нас стреляли из темноты, так что одному из наших турецких денщиков попали в плечо. В Потти мы целыми днями бродили по берегу, пока наконец болгарский пароход с капитаном из остзейских немцев^[310] не доставил нас через Севастополь через гирло Сулины на Дунае в Бралиу. Там я получил вторую телеграмму от генерала фон Секта, где он приказывал мне немедленно возвращаться в Германию вместе со всеми офицерами.

Судьба уже сказала свое слово. Мы проиграли войну. Возвращение напрямик в Мюнхен было уже невозможно, ведь революция в Австро-Венгрии сделала пути сообщения в этой стране не слишком безопасными. Так что вместе с Юлиусом Иорданом, который был членом моего штаба еще с Мосула, я выехал через Бузэу, где коротко навестил мой старый штаб 63-го генерального командования (генерала Шоха), который вскоре угодил в румынский плен, через Кронштадт^[311] в Бреслау. При перегрузке нашего весьма внушительного служебного багажа, где была вся германская документация и другие бумаги из штаба армии в Мосуле и штаба группы армий на Кавказе, дошло до бурных сцен с персоналом железной дороги, который вел себя нагло и вызывающе. В то время как все служебные грузы, касавшиеся германской военной миссии в Турции, отправились в Берлин, Иордан и я поехали в Мюнхен.

Лишь в приемной военного министра фон Хеллинграта мне впервые стала ясна вся серьезность происходящих в нашем положении перемен. Уже обиняками поговаривали о необходимости немедленного отречения кайзера. Будто только это и сможет нам обеспечить сносные

условия мира^[312]. Сам министр лишь сожалел о том, что в народе есть настроение и против короля Баварии^[313]. Он находил это просто непостижимым.

Через несколько дней я поехал в Берлин. Темные слухи о революции в Киле и Мюнхене добрались туда как раз через день после моего прибытия. 9 ноября 1918 г. я стал свидетелем провозглашения Германской республики Шейдеманом из окна здания рейхстага. В отеле меня разоружил матрос-еврей Зелиг. Однако трофеем этого иудея стал только маузер, который мне одолжил будущий генерал-полковник и командующий мюнхенским 7-м армейским корпусом, а тогда – капитан Шоберт из моего старого 1-го полка, так что мне потом пришлось за него уплатить^[314]. С помощью горничной и портье я смог уклониться от конфискации столь дорогого мне офицерского клинка. Вскоре после этого я поехал назад в Мюнхен. И если в Пруссии порядок в поезде поддерживали унтер-офицеры с красными повязками, то в Баварии сразу же пошла грубая распущенность. Там солдаты уже начали менять германские и баварские кокарды^[315] на красные.

В Мюнхене я записался на учебу в университет сразу же после того, как подал в отставку, которая была мне одобрена 5 января 1919 г. Военный министр Россхауптер^[316], бывший отделочник и депутат от социал-демократов, произвел на меня неплохое личное впечатление. Он был скромен, вежлив и готов понять сложное положение, в котором оказались офицеры. Я откровенно признался ему, что не понимаю, как он может вообще работать вместе с еврейским премьер-министром Эйснером, о котором я слышал исключительно дурное. Россхауптер любезно спросил, основана ли моя оценка на личном опыте. Несколько смутившись, я был вынужден ответить отрицательно. Тогда он устроил мне беседу с Эйснером, ведь меня, увлекавшегося историей, заинтересовала личность этого человека, который движением руки сверг 800-летнюю династию. У меня сложилось о нем впечатление как о глубоком идеалисте и нацеленном на максимум деятеле, лишенном всяких реалистических опор. К тому же меня неприятно задело, что при всех его достойных человеческих качествах я наблюдаю, как в Германии ведущую роль играет еврей. Ведь было вполне достаточно немцев, готовых стать лидерами. Эйснер играл ради возможности отправить меня своим посланником в Вену. Я немедленно отказался и

заявил, что для этого не подхожу. И все же мое представление об Эйснере теперь стало совершенно иным, нежели те обрывки исполненных ненавистью и ложью отзывов, что дали о нем буржуазные газеты. Все более я проникался убеждением, что свержение монархии бесповоротно, и ныне единственной возможной формой правления может быть только республика. В этом смысле я и высказывался в опубликованной в «Мюнхенер Пост» статье «Поворот к народному государству и к республике»^[317], а также при посредничестве Россхауптера согласился на распространение в прибывающих эшелонах составленной мною листовки «Офицер-фронтовик товарищам на фронте и на Родине».

Будучи исполнен единственного стремления – не допустить гражданской войны, я сразу же включился в борьбу против левых радикалов, против коммунизма или большевизма, высказавшись на собрании в «Байришер Хоф» против Левина^[318], который там из себя корчил апостола Ленина. Мне случайно удалось обнаружить в Государственной библиотеке новейшую работу Ленина «Ближайшие задачи Советской власти»^[319]. Левин был с ней не знаком и был сильно задет теми многочисленными аргументами, которые я смог привести в ответ на его рассуждения. На этом собрании он потерпел очевидное поражение. Подавляющее большинство с бурными овациями явно встало на мою сторону.

Однако обстановка продолжала накаляться. В Берлине дошло до ожесточенных боев. Я признаю, что узнал о смерти Либкнехта со вздохом облегчения^[320]. Мне казалось, что с его гибелью устранена страшная опасность большевизма в Германии. Уже одно это могло оправдать то, что пожертвовали его жизнью.

Зато, напротив, меня возмутило легкомысленное убийство Эйснера одним из перевозбужденных и жалких приверженцев Ancien Régime, графом Арко^[321]. В одной из откровенных статей в «Мюнхенер Нойестен Нахрихтен» я попытался спасти добрую славу Эйснера хотя бы для потомков. Он не получил одобрения ни от реакционно настроенных кругов, ни от радикальных левых, ведь и те и другие полагали его своим врагом. Еврей и коммунист Толлер^[322] яростно обрушился на меня на собрании советов.

Я же между тем вступил в академический клуб социалистов университета Мюнхена. В ходе тщательно подготовленного собрания в

Большом зале мне предстояло говорить о целях реорганизации высших школ. К несчастью, непосредственно накануне 6 апреля 1919 г. последовало свержение правительства Хофманна^[323], пришедшего к власти после убийства Эйснера, и провозглашение советской республики небольшой шайкой. Несмотря на эти политические события, собрание все же состоялось, причем я, согласно программе, прочитал там вступительную речь. И в те эмоциональные дни с огромной яростью сталкивались различные мировоззрения.

Мюнхен вскоре был блокирован войсками бежавшего в Бамберг правительства Хофманна. 1 мая 1919 г. они с боями вступили в город. Через несколько дней ко мне явилось пятеро тяжело вооруженных людей под командованием лейтенанта резерва Бройтигама^[324], которые хотели меня арестовать, ведь я якобы в ходе речи в университете агитировал против правительства Хофманна. Разумеется, эти обвинения были беспочвенными. Какого-либо письменного приказа эти авантюристы предъявить не смогли. Я отказался с ними идти и дал им письмо для командующего освободивших Мюнхен войск генерала Мёля, бывшего некогда моим преподавателем в Военной академии^[325]. В нем я настойчиво протестовал из-за нарушения моих прав как гражданина. Генерал Мель днем позже вызвал меня к себе и объявил весь инцидент следствием выходок эмоциональных молодых людей. Мою просьбу о наказании провинившихся он отклонил.

Офицерский союз предложил провести относительно меня расследование, чтобы проверить все ходившие на мой счет безумные слухи. В том числе говорили, будто я был командиром или советником в армии красных, служил матросу Эгльхоферу^[326] как начальник штаба, принимал парад красной армии на Людвиг-штрассе. С необычной тщательностью проведенное следствие выявило, разумеется, полную беспочвенность всей этой неумной болтовни. О негативном его результате было сообщено в прессу, которая всего несколькими неделями ранее упражнялась в самых диких фантазиях насчет меня и некоторых других безвинных офицеров, однако теперь здравое опровержение напечатали лишь некоторые газеты. Как и мой дед, я оказался вовлечен в политические интриги только потому, что позволил себе воззрения, которые не разделяло большинство моих прежних коллег, допускавших лишь восстановление монархии и

вообще былых времен. Ход событий в последующие двадцать лет подтвердил мою правоту так же, как и некогда – моего деда.

Однако от политики я полностью излечился. Я ощутил глубокое отвращение к любого рода занятиям ею. Интриги, ложь, честолюбивые мотивы, стремление к brutальной власти играли в ней определяющую роль. Политика портит характер, ведь она не желает признавать никаких нравственных законов, а решающее значение придается только успеху.

Приложение II

Эрнст Параквин. Политика на Ближнем Востоке

Политика на Ближнем Востоке^[327]

Эрнст Параквин, бывший подполковник османской службы и начальник штаба Халила-паши

I

Когда в Мосуле над пустыней горело вечернее солнце, а мучительный дневной зной начинал уступать место первым дуновениям прохлады, я отправился на доклад к Халилу-паше, командующему бывшей армией фон дер Гольца и молодому дяде и доверенному лицу Энвера-паши. После того как были улажены служебные дела, а недавний германо-турецкий инцидент не вынудил к лишним эмоциям, Халил-паша смог перевести разговор на тему, которая была ему куда ближе, чем любые ухищрения стратегии и военного искусства в политике на Ближнем Востоке.

Как правило, перед ним лежал английский атлас мира, который он, победитель при Кут-эль-Амаре, захватил в багаже генерала Таунсенда. На безупречном французском и с известным *esprit*^[328], которого не постыдился бы и уроженец Новой Галлии, он разворачивал передо мной свои планы пантюркистской империи. Голубым карандашом он обводил границы Турана^[329], страны, которая жила лишь в произведениях младотурецких поэтов, однако должна была стать реальностью, в крови и плоти, под целенаправленным руководством тех людей, что некогда объединились под лозунгом «Единение и прогресс»^[330] и в чьих руках теперь находилась истинная власть в Турции.

Для начала следовало объединить все народы тюркского происхождения. На первом плане стоял именно национальный элемент. Поэтому первым требованием было завоевание Туркестана,

то есть колыбели Тюркского каганата. Оттуда следовало установить связи с сибирскими якутами, которых Халил-паша из-за их близости по языку полагал крайним форпостом тюрков на востоке. Близкие по племени татары на Кавказе с самого начала включались в этот же союз. Национальные меньшинства Кавказа, в том числе важнейшие из них – армяне и грузины, должны были покориться добровольно или быть к тому принуждены. Армянский вопрос уже в ходе войны будто бы приблизился к своему «решению», ведь уничтожение армянского народа неустанно подстегивалось всеми задействованными турецкими инстанциями с крайней решимостью. Прискорбно было, что грузины из страха перед такой же участью бросились в объятия немцев и Германская империя официально приняла над ними покровительство^[331]. Да и вообще грядущую роль Германии на Кавказе Халил-паша оценивал не особенно высоко. Турецкая политика уж несомненно найдет пути, чтобы интригами с Англией или Россией оттеснить нас с того места, где нам столь же нечего искать, как и туркам – в Курляндии. Ведь настанет время, когда окруженные турками и татарами и ослабленные своим религиозным разделением на мусульман и христиан грузины безоговорочно предадутся турецкому владычеству. Во исполнение этой задачи решающую роль играет обретение важнейшего из грузинских портов Батума, которое с непостижимой легкостью и близорукостью было дозволено туркам Германией по Брест-Литовскому миру^[332].

Эта огромная и однородная в национальном отношении тюркская держава должна будет – как первая из мусульманских стран – обладать огромной притягательной силой для Афганистана и Персии. В Афганистане, стране, связанной общей суннитской верой, рассчитывали на сильные симпатии к туркам. Престолонаследник будто бы воспитан полностью в турецком духе^[333]. Присоединение населенной татарами богатейшей провинции Персии Азербайджана к Турции суть требование, реализации которого ожидали уже в ближайшие дни. Остальную Персию Халил-паша справедливо вовсе ни во что не ставил. И хотя он знал о ненависти шиитов к суннитам^[334], однако полагал Персию не способной организовать целенаправленное сопротивление. Кроме того, панисламское движение постарается по возможности вовсе устранить противоречия между враждующими собратьями по вере.

Интересно было отношение к Аравии, где четко проявлялись разногласия между различными членами младотурецкой клики. В то время как Халил-паша отстаивал пантюркистскую позицию, Энвер-паша мастерски освоился с ролью панисламиста. Халил не скрывал своего презрения к «арабским свиньям». Он считал Аравию подходящим для торга объектом в переговорах с Англией. При этом был уверен, что Англия совершенно ничего не будет иметь против укрепления Турции в Туркестане, если ей при этом позволить образовать громадный сухопутный путь через арабские земли между Египтом и Индией. Если мы добиваемся решительной победы в войне против Англии, то и отделение арабских провинций уже не будет необходимо, так что пространства Турции как великой державы будут и еще больше. Энвер-паша, который со времен обороны Триполи был героем ислама, рассматривал политику в отношении арабов в первую очередь с точки зрения Турции как ведущей мусульманской державы. Весьма умело он использовал арабов для протурецкой пропаганды на Кавказе, ведь там у простодушных горских народов они почитались чуть ли не народом пророков, вызывая восхищение и почет. Восстановление древнего Арабского халифата с турецким халифом во главе наряду с территориальными приращениями из земель тюркско-татарских народов должно было обеспечить Турции безусловное лидерство в Азии, влияние которой с помощью ислама затем следует распространить и на Африку.

Все эти мечты о грядущем величии, которые вечерами с блистающим взором разворачивал иногда передо мной Халил-паша, не остались лишь порождениями живой ближневосточной фантазии. Целенаправленно стремились к их воплощению.

В Мосул приезжали и отправлялись гонцы с Кавказа, из Персии, Туркестана. Во всех этих странах существовали протурецкие центры, призывавшие Турцию к активному вмешательству. Там знай себе катился турецкий золотой фунт, для чеканки которого Германия предоставляла свое скопленное на Родине такими огромными жертвами золото. Именно оно сыграло немаловажную роль в подстегивании националистических тюркских страстей. Энвер-паша отправил своего 27-летнего брата Нури^[335] в звании генерал-лейтенанта через Алеппо – Мосул – Тебриз на Кавказ, чтобы он там действовал ради дела ислама и тем самым во благо Турции. Когда

Кавказ распался на четыре республики^[336], в новой татарской республике на восточных берегах Куры закрепились прочно, дав ей название Азербайджан. «C'est un nom bien choisi, hein?»^[337] – ухмыляясь, спрашивал Халил-паша, имея в виду персидский Азербайджан, на присоединение которого к новой республике не просто надеялись, а употребляли к тому все средства. Нури-паша был бесспорным владыкой во вновь основанном татарском государстве, которое произвело на меня при моем туда визите летом и осенью 1918 г. впечатление очередной турецкой провинции. Все важнейшие пункты в ней были заняты турецкими войсками – Исламской армией, как она многозначительно называлась, военный министр – татарский адвокат^[338] – был одет в мундир турецкого генерала, турецкие офицеры и священники всюду проповедовали покорность халифу в Стамбуле, а на всех зданиях развевался флаг с турецким полумесяцем... Столь же целенаправленно обрабатывали и мусульманские племена Северного Кавказа. И уже отчетливо ощущалось кольцо вокруг занятой германскими войсками Грузии, которые с винтовкой наготове должны были встать на растянутых позициях против своих турецких союзников^[339].

В рамках этой решительно националистической политики шла и кампания по уничтожению армян. Проживавшие в турецких вилайетах армяне были «переселены» в арабские вилайеты. В действительности же они в ходе переходов по полупустыням гибли тысячами от голода или болезней. Свен Хедин дал весьма примечательные указания на это в своей выдержанной в столь осторожных тонах книге на основе пережитого в Месопотамии^[340]. В турецких и арабских гаремах в Мосуле было полным-полно армянских женщин и девушек. Немногочисленные мужчины, сумевшие спасти хотя бы свою жизнь, а затем прозябавшие в Мосуле, весной 1918 г. во время сильнейшего голода были направлены вали в отряды строительных рабочих, куда-то в степи. Это был один из тех бесчеловечных актов уничтожения ненавидимого народа, который вызывал тем большее возмущение, что внешне они казались совершенно безобидными. Против такого рода расправ над армянами оставались совершенно безуспешными любые официальные германские протесты, ведь турецкое правительство с хорошо наигранным возмущением отрицало любые варварские действия в адрес армян. Очищение Анатолии русскими теперь уже

дало желанную возможность разобраться и с русскими армянами, которые проживали между Османской империей и турецким вновь образованным Азербайджаном. Турецкие дивизии, которых так не хватало в Палестине, прорвались через установленную Брест-Литовским миром границу, изгоняя армян из их домов и усадеб и с грабежами и убийствами вытесняя в бесплодную гористую местность вокруг озера Севан. И уже пал Александрополь, уже турецкие колонны стояли непосредственно под Эриванью – как случилось неслыханное. Неожиданно на пути победоносного шествия на грузинский Тифлис встали германские войска, готовые оказать вооруженное сопротивление^[341]. Дошло до перестрелок, были раненые и убитые. Но перед решительностью германских действий турецкая мания экспансии, скрежеща зубами, вынуждена была отступить. И все же главная цель была достигнута: плодородная, возделанная армянами долина Аракса была в руках у турок, а русские армяне, как и их турецкие братья, оказались брошены на произвол нужды и бед в горной местности. И вновь сделали еще один важный шаг к цели – искоренению армян и созданию сплошной и населенной только мусульманами, турками и татарами, полосы земли от Черного до Каспийского моря. И когда 16 сентября 1918 г. во взятом Баку зазвучали кавказские песни, то мой турецкий заместитель по штабу заверил меня: «Мы вернем себе старые владения».

С той же неумолимой беспощадностью действовали против местных армян и в персидском Азербайджане, и против вообще всех тех, кто не поддерживал безоговорочно турецкие планы. Для подавления английского влияния и подготовки запланированного на 1919 год гигантского по замыслу удара для отвоевания Багдада по пути через Персию в Тебриз вступили войска Кязыма-паши^[342]. Там, в столице персидской, то есть нейтральной провинции Азербайджан в качестве представителя германского консула находился драгоман Вустров. Я был знаком с ним по Мосулу, ценил в нем одного из самых умелых, искренних и деятельных чиновников и знал, что он сделает все в духе полученных указаний, чтобы сохранить дружественные отношения с турками. Однако Кязым-паша в оскорбительной форме отказался ответить этому человеку на его официальный визит, да более того – с маловразумительными обвинениями в якобы антиисламском поведении он дошел даже до угроз, что применит оружие. На это

неслыханное оскорбление – в обращении с представителем союзной Германской империи – я обратил внимание Халила-паши, который тогда – как главнокомандующий турецкими войсками – находился вместе со мной в Александрополе. Халил дал Кязыму указание воздержаться от любых шагов против Вустрова. Однако этот инцидент недвусмысленно продемонстрировал, сколь мало значения придают турецкие политики и власть имущие германскому достоинству или германским интересам, если только это мешает активному преследованию собственных национальных целей.

II

Когда в декабре 1917 г. фронт в Месопотамии вновь был накануне крушения, Халил-паша полусердито-полушутя сказал мне: «Да оставим англичанам эту проклятую пустыню. Отправимся в Туркестан, я хочу там основать новую империю для моего маленького Чингиса». Ведь он назвал своего младшего сына в честь великого завоевателя и сокрушителя царств. И когда осенью 1918 г. в Елизаветполе он произносил речь перед татарскими собратьями на Кавказе, из его уст раз за разом звучало слово «Туркестан», что вызывало у слушателей восторженные овации.

Антанта бросила в Константинополе в темницу Халила-пашу, полагая его одним из самых толковых и совестливых членов младотурецкой верхушки^[343]. А затем мы узнали, что он бежал и, предположительно, отправился куда-то на восток из Турции. Этот по-человечески симпатичный, несмотря на некоторые недостатки, авантюрист, который превратился из офицера жандармерии и одного из комитаджей^[344] в Македонии, минуя стадию предводителя бедуинов в Триполи, в победоносного полководца в Ираке и влиятельного политика, с непоколебимой настойчивостью шел к своему плану по образованию пантюркистской державы, тем более что панисламское движение не встретило особенного отклика ни в Аравии, ни в Персии. Реализация этих планов зависела от того, смогут ли Россия или Англия приобрести на Кавказе и в Туркестане решающее влияние или нет^[345].

Турецкая политика на Востоке была совершенно не пропорциональна силам этой страны. И только союз с могущественной Германией, которая намеревалась разгромить Россию и Англию, мог воплотить великодержавные турецкие амбиции. Было бы совершенно неверно полагать, что Турция проводила дружественную Германии политику. Она лишь надеялась получить от нас поддержку своих планов и никогда и не думала об ответных услугах или благодарности. Русский полковник Эрн спросил Халила-пашу во время торжественного приема в Мосуле по случаю заключения перемирия^[346], не боится ли Турция своего могущественного союзника. Халил ответил с улыбкой: «К чему? Богатая Германия одолжила нам много золота, чтобы мы отвлекали русских и англичан в Азии. Она знает, что никогда не получит эти деньги обратно. Однако если Германия потребует их силой, то, – и тут на меня сверкнули молнии из его глаз, – она станет нашим врагом!»

Даже переговоры, которые могли принести нам экономические выгоды, и те продвигались чрезвычайно сложно. Для исследования нефтяных источников в Месопотамии была сформирована специальная германская топливная команда «Аравия». Турки всеми средствами пытались узнать, каковы же результаты исследования природных богатств этой страны. Было ясно, что они намерены нас использовать, ведь безусловно нуждаются в этом из-за недостатка у них технических средств, а потому хотят извлечь выгоду из наших открытий. Экономическая же эксплуатация богатств, насколько это вообще возможно, должна была остаться в турецких руках. Поток денег, которые миллиардами текли из Германии в страну и оседали в карманах влиятельных политиков, должен был послужить финансированию этого предприятия. Германское посольство в Константинополе знало, с какими трудностями приходится бороться, чтобы добиться хотя бы малейшего содействия в экономических вопросах.

Однако официальная Турция не стеснялась даже вполне открытого и вызывающего пренебрежения германскими интересами. В ходе известного конфликта между турками и арабами германский союзник первых попытался вмешаться ради посредничества. Так как, помимо этого, поддержка турецких операций бедуинами была лишь вопросом платежей в твердой валюте, а желанными им деньгами

располагала только Германия, было ясно, что германские командиры намерены сохранить за собой известный контроль над распределением этих денег. Так как Германия шла на любые жертвы, следовало бы ожидать, что тем самым станет вполне возможным завязать отношения с арабами, которые надеялись затем использовать и в мирное время. Но тут весной 1918 г. вдруг пришел краткий и лишенный всяких экивоков приказ турецкого правительства, требовавший немедленно остановить любые германо-арабские контакты. Такова была ревность к германскому союзнику. Впечатление, произведенное на арабов подобным оскорбительным для Германии указанием, означало дальнейший подрыв нашей репутации на Ближнем Востоке, которая и так была невысока из-за потери Багдада и неудачных военных операций в Персии, где были задействованы и германские дипломаты, то есть тайный советник Надольны и герцог Адольф Фридрих Мекленбургский^[347].

В Персии вторжению русских воспротивилась жандармерия, сформированная, согласно международному соглашению, под командованием шведских, настроенных в основном прогермански офицеров, так что потом она присоединилась к германо-турецким силам, которые пошли через Керманшах в наступление на Хамадан. При отступлении немцев и турок персидская жандармерия следовала за ними до района Сулеймание на персидско-турецкой границе. Она подчинилась германскому командованию, принявшему на себя ее содержание. Немедленно турецкое правительство выдвинуло требование, чтобы жандармы подчинялись исключительно ему. Персы отказались. Дошло до длившихся месяцами и крайне неприятных дискуссий, в которые ради германских интересов безуспешно вмешивался и генерал фон Фалькенгайн. Под конец уж не осталось ничего, кроме как отдать распоряжение об отправке персидской жандармерии назад, на ее родину. При переходе границы ее с издевательской усмешкой встретил английский консул из Керманшаха^[348], присоединив ее к новой жандармерии, формируемой теперь в Персии Британской империей. Слепая ревность и зависть самих турок лишили их ценной военной поддержки при охране границы, только усилив войска противника, лишь бы не допустить в Персии впечатления, что Германия играет в союзе сколько-нибудь ведущую роль.

В середине июля 1918 г. я перед моей отправкой на Кавказ попрощался с германским посланником в Константинополе графом Бернсторфом. Я просил его поддержать драгомана Вустрова, который тогда должен был выехать в качестве временного консула в Тебриз, а содействие ему в борьбе с английским влиянием особо поставил мне в качестве задачи генерал Людендорф. Посол был явно неприятно удивлен и ответил мне так: «Германский консул в Тебризе? Это приведет лишь к новым осложнениям с турками!» Когда же я позволил себе указать, что в нейтральной Персии для нас важны в первую очередь германские интересы, посол, отчаянно пожав плечами, возразил: «Да что же Вы хотите! При нашей политике не остается ничего, кроме как одним прекрасным днем позволить нашим дорогим союзникам еще и забрать персидский Азербайджан, который они рассматривают как сферу лишь своих интересов». К сожалению, посол был прав. Каждый немец, кто дал бы себе труд трезво оценить обстановку на Ближнем Востоке, сразу же увидел бы принципиальную ошибку в нашей политике. Бессилен тот, кто остался один. В войну же нам отомстила наша неверная политика в мирное время.

Чему же мог послужить наш союз с Турцией? Потрясенно мы наблюдали те же явления, что в нашем альянсе с Австро-Венгрией. Более слабый, но при этом амбициозный партнер за наш счет проводил великодержавную политику. Руководству германской политики на Ближнем Востоке и до войны совершенно не хватало дальновидности, решительности, какой-либо целеустремленности.

Там, на Востоке, я как-то спросил приданного мне в подчинение сотрудника внешнеполитического ведомства, какую цель преследует германское правительство своей политикой в Персии. И так как я получил крайне размытый ответ, в котором известную роль играл тот самый – и менявшийся год от года – status quo, то я попытался более резко поставить вопрос и указал на самые разнообразные возможности действий в персидской проблеме. В обмен на компенсации в других регионах Персию можно было предоставить английскому или (!) русскому влиянию либо же искусственно сохранять спорную зону между двумя этими странами, чтобы пользоваться выгодами от напряжения между ними^[349]. Следовало бы задуматься и о том, чтобы создать большой переднеазиатский блок из Турции, Персии и Афганистана, в котором мы могли бы взять на себя экономическое и

политическое руководство. В конце концов мы могли бы защитить политическую целостность Персии и рассматривать ее лишь как объект приложения экономических усилий для всех держав^[350]. Однако надо было все же иметь некий конкретный и долгосрочный план. Когда я проводил при этом военные параллели, что при стратегических действиях всегда ставят вполне определенную цель, в то время как средства к ее достижению могут, разумеется, меняться в зависимости от обстановки, мне следовал с пренебрежительной миной веский ответ: дипломатия не может ставить себе столь далеких целей. Политика ведется исходя из текущей обстановки.

Вот таким духом был пронизан наш АА, представитель которого выражался подобным образом. И это отсутствие действительно широких и ясных целей, каковые столетиями – пусть и самыми разными средствами, однако с нестигаемым упорством – преследовала английская политика, позволило нам во время спешного вступления в эту войну втянуть себя в самые фантастические и сиюминутные предприятия, от которых мы ожидали получить самые неожиданные эффекты. Я укажу здесь лишь на две таких попытки, демонстрирующих всю размытость нашей политики на Ближнем Востоке: экспедицию в Афганистан и объявление «священной войны»^[351].

Капитан Нидермайер, военный руководитель экспедиции, а также сопровождавшие его дипломаты провели ее с удивительной энергичностью. Однако им, как я слышал лично от капитана Нидермайера, с самого начала пришлось сознавать, что возлагаемые на них на Родине надежды не могут воплотиться. Да и как же должна была действовать горстка немецких мужчин, за которой не стояло никакой военной силы, да еще и с Россией, вставшей между ними и их родной страной? Побудить умного эмира Афганистана к войне против Англии и революционизированию Индии?^[352] И если обычно были убеждены, что единственно действенным и прямо всемогущим средством является бронированный кулак, то тут вдруг чудо должны были совершить слова и послания!^[353]

Когда осенью 1914 г. впервые была объявлена священная война, мне довелось переговорить с пленным французским дипломатом Пьером Герле^[354], бывшим атташе в Вене и членом кабинета Делькассе. Он иронически спросил меня: «Ну, Вы много от этого

ждете?» Я ответил отрицательно, однако тогда еще выразил надежду, что по крайней мере окажутся скованными колониальными войсками Антанты. Однако и этого не произошло. Священная война стала полнейшим фиаско, ведь она, собственно, и не была именно священной войной! В тот момент, когда на стороне мусульман воевали и христиане, такая война лишалась своей мистической опоры, своего характерного смысла. Как христианин мог быть смертельным врагом правоверного, если другой христианин при этом ему друг и союзник? Умные бедуины быстро поняли, что это – совершенно обычная война за интересы, так что с присущей им ловкостью в зарабатывании денег стали предлагать свои услуги тем из христиан, кто казался им более состоятельным. И хотя мы, если мне дали верные сведения, потратили на симпатии Ближнего Востока по меньшей мере 100 миллионов в золотой монете^[355], однако в затяжном противостоянии сказалось, что у англичан были большие запасы твердой валюты.

Партии правой ориентации, по утверждениям которых только у них и можно обнаружить истинную любовь к Отечеству, теперь уж знают только одну политику с момента революции. Ведь именно она якобы и стоила Германии поражения. При этом в этих кругах весьма мудро уже не рассуждают о политической предыстории войны. Ведь тогда пришлось бы признать, что никогда великий народ не имел столь же беспомощного дипломатического руководства, нежели мы накануне войны. Пришлось бы прийти к выводу и о том, что вся ответственность за такую совершенно недостаточную политическую обороноспособность в предотвращении войны падает как раз на те круги, которые ныне стали ведущими слоями в Немецкой национальной и Немецкой народной партиях^[356]. Ведь в те десятилетия, когда медленно надвигалась на Германию ее нынешняя участь, ни социалисты, ни демократы, ни евреи существенным влиянием на правительство или на дипломатию не обладали.

Политика на Ближнем Востоке, которая лишь часть общего нашего политического курса, демонстрирует нам фундаментальные ошибки, из-за чего потерпело неудачу в войне наше руководство: отсутствие ясных и масштабных целей, на достижение которых мог бы осознанно и с полной самоотдачей работать любой способный на это представитель нашего народа. Да и выбор тех, кто может стать лидером, не должен ограничиваться лишь узким кругом, с течением

времени истощающимся. Всякому дельному и способному человеку должна быть открыта дорога к руководящим постам, без каких-либо нудных партийных склок и соображений.

Приложение III

Эрнст Параквин. Доклад генералу Г. фон Секту

Доклад Параквина Секту^[357]

Тифлис, 26 сентября 1918 г.

События в Баку после взятия города, 16 и 17 сентября 1918 г.

Утром 16 сентября Халил и Нури-паша с их сопровождающими выехали из Путы по железной дороге в Баку.

Под Баладжарами на железнодорожной насыпи лежало десять-двенадцать убитых белых, англичан. Станция после взятия ее турками была сожжена. Железнодорожное полотно на всем протяжении не повреждено.

Над черным городом повисли мощные облака дыма. Турецкая артиллерия утром 15 сентября подожгла цистерну с мазутом. Утверждение Нури, что он сам видел, как небольшое русское военное судно обстреливало черный город, неверно. Я говорил в Баку с немецкими и русскими очевидцами, прежде всего с представителем русского флота^[358]. Так как дул юго-западный ветер, пожар, казалось, будет представлять большую опасность для фабричного района. Однако после полудня ветер поменялся. Так что огнем были охвачены только три-четыре цистерны, содержимое которых не выгорело до конца даже вечером 17 сентября.

Еще утром 17-го в черный город до сих пор не вступал ни один турецкий солдат! В этот день из черного города стали поступать с разных сторон призывы о помощи. Туда ворвались и стали грабить татары. Опасность, что за счет стрельбы или иных инцидентов может начаться пожар с роковыми последствиями, была весьма велика. Несмотря на это, понадобилось несколько энергичных обращений майора Майра^[359] к назначенному комендантом города начальнику штаба Нури Насим-бею, чтобы добиться, наконец, ввода в полдень 17-го полка пехоты для защиты важнейших объектов, уничтожение которых лишило бы Баку всякого хозяйственного значения.

Поездка по окраинам города по полю боя открыла редкостное зрелище. Улицы были почти совершенно пусты. Все без исключения лавки и дома оказались разграблены. В ряде мест высились груды снесенного туда добра, явно взятого татарскими грабителями и кое-где еще и охраняемого турками-часовыми. Эта сама по себе целесообразная мера не дала, однако, предполагаемого эффекта, ведь солдаты и татары беспрепятственно рылись в этих грудях и уносили все, что им понравится. Уже в ходе этой поездки стали очевидны следы несомненных тяжелых правонарушений. На дороге лежало двое убитых детей, рядом с нами в проулке прогремел выстрел, из окна с крайним отчаянием звали на помощь женщины. Наши автомобили остановились, мы поспешили в дом, однако злодеи уже бежали через черный ход. Несмотря на то что уже тогда общим стало убеждение, что в городе теперь нет никакого порядка и дисциплины, а христианское население грабят, насилуют и убивают, поездка по полю боя продолжилась, а затем там же состоялся часовой парад 6-го пехотного полка и частей других родов войск.

Нури-паша, который был командующим всеми войсками в Баку, не соизволил своевременно принять должные меры по защите оказавшегося в опасности христианского европейского населения, его жизни и имущества. Я прошу позволения привести в доказательство моих слов следующие пункты:

1. 23 августа Мюрсель-паша сказал мне в Гюздеке, что татары открыто говорят, что устроят армянам резню, как только турки возьмут Баку. Я сообщил об этом высказывании Нури-паше и своевременно и неоднократно просил его принять меры для предотвращения этого.

2. На плане города Баку я изложил и Мюрселю, и Нури-паше, какие следовало бы принять меры для контроля над крупным городом, во-первых – для нашей безопасности, во-вторых – для защиты жизни и имущества других людей. Я предложил копировать и размножить схемы города и точно указать полкам на их задачи. Ничего из этого сделано не было.

3. Большая часть татар проживала в Баку в одном из районов города, окруженном длинной и высокой стеной. Ничего не было проще, чем поставить часовых у проходов внутрь. Тем самым большая часть убийц и уголовного сброда была бы лишена возможности

устраивать безобразия. Но до последнего эта мера также не была реализована.

4. Заблаговременно следовало в Гяндже или Тифлисе заготовить плакаты, разъяснявшие охрану порядка в городе и угрожавшие смертной казнью за любые грабежи. Когда же бойня продолжилась, не ослабевая, уже третий день, на такую меру все же решились.

5. После бегства противника 15 сентября в город с населением в четверть миллиона человек был направлен один полк пехоты из примерно тысячи человек, 56-й пехотный. Не требует дополнительных пояснений, что такой гарнизон в городе был совершенно не достаточен.

6. Основные силы не были использованы даже для тактического прикрытия города. Войска просто расположились лагерем на высотах, словно в мирное время, слыша, как внизу в городе беспрерывно идет в домах стрельба, а утром 16 сентября еще и был проведен в честь великого мусульманского праздника Курбан-байрама парад, который принял Нури-паша. На мои настойчивые обращения к Халилу-паше, как моему другу и человечности ради, Нури отдал приказ, что теперь в город должен вступить и еще один, второй полк. Я же посчитал себя обязанным немедленно обратить внимание на то, что такая мера также достаточной не будет. Нури ответил, что считает, что этого вполне довольно.

7. Когда мы собрались в зале отеля «Метрополь», со всех сторон нас стали одолевать телефонными и личными просьбами о помощи. Прибыли и консулы нейтральных государств, во главе с датским^[360], горько жалуясь на бездействие турок, ведь только благодаря этому продолжается резня и грабежи.

Естественно, все немцы и находящиеся под германским покровительством обратились ко мне, однако и консулы, и другие делегаты просили меня, как немца, о посредничестве и поддержке. Я довел все это до сведения Нури-паши. Прежде всего я пытался – в отсутствие официального германского представителя – защитить жизни и имущество немцев. Я просил немедленно выставить часовых у входа в немецкие дома.

8. Вместо того чтобы всеми средствами стремиться к установлению порядка в городе, паши, комендант города, все офицеры штаба продолжали расхаживать по залам отеля. А если к Нури или

коменданту города поступали жалобы или просьбы, то они относились к ним с такой внутренней безучастностью, что сразу же становилось понятно, что никаких серьезных намерений и воли к их решению не имеется. Последовало и большое празднество, на котором присутствовали все генералы, штабные офицеры и комендант города. Заиграли кавказские песни. С нескрываемым ликованием мне переводили на немецкий их содержание: что турки ныне вернули себе свои старые владения, Кавказ, он теперь будет опять принадлежать им. Во время и после трапезы в городе продолжались убийства и грабежи. Турки же не позволили как-то помешать своему бездействию.

Я не могу оставить без упоминания не раз открыто выражаемое мнение, что турецкое командование намеренно предоставило татарам возможность отомстить армянам.

Между пятью и шестью часами вечера в зале отеля «Метрополь», где без смущения продолжали ликовать, появился в сильном возбуждении датский консул и сообщил, что вновь стали грабить немецкие дома и угрожать их жителям оружием. Я подошел к Нури-паше и сказал ему громко и отчетливо примерно следующее: «Ваше Превосходительство, я прошу Вас принять, наконец, действенные меры к защите немцев. Иначе я вынужден буду доложить в германское посольство в Константинополе, сколь мало Вы оберегали жизни немцев и их имущество». Нури в некотором смущении ответил, что он же все сделал для этого. Я возразил, что это не так. Ведь принимался парад, пока вокруг шли убийства и грабежи. И до сих пор еще пять полков стоят в бездействии в городе, да и комендант города все еще здесь в зале и тоже не занят. Никто из командиров и офицеров штаба пока не покидал отеля, чтобы лично вмешаться в события. Я же настоятельно и повторно прошу его обеспечить теперь, наконец, безопасность немцев. Я лично отправлюсь сейчас же с тремя германскими офицерами в город, чтобы по возможности помочь немцам самому. После этих слов я развернулся и покинул зал.

Разумеется, все эта перепалка не могла укрыться от присутствовавших в зале. Я говорил, резко подчеркивая слова, но не позволил себе ни одного слова или жеста, которые могли бы стать оскорбительными. Последствия моего поступка были мне хорошо известны. Я был твердо убежден, что в создавшемся положении и после всего предшествовавшего обязан действовать именно так, чтобы

у представителей немцев и подданных нейтральных государств не сложилось ощущения, что я в недостаточной степени озабочен защитой жизни и имущества немцев. Вежливые просьбы к цели не привели.

В любом случае с точки зрения дела мой демарш принес плоды. Комендант города был немедленно снят со своего поста. На его место был назначен Насим-бей, который оборудовал свое рабочее место в другом отеле. Офицеры были отправлены на автомобиле в город, туда же двинулись и другие части. В этих мерах можно было усмотреть благие намерения наверстать упущенное ранее.

Я выставил турецких часовых у домов некоторых немцев и по просьбе одной немецкой семьи выехал с майором Майром к одному молодому армянину-правоведу, которому татары угрожали смертью. У дома я тоже выставил часового, а владельца его взял с собой в отель. Наступила ночь. Когда мы ехали обратно, со всех сторон грохотали выстрелы. Обстрел становился все оживленнее. Походило на то, что в городе разворачивается ожесточенная схватка. Нури-паша заметил, что это торжественный салют в честь Курбан-байрама. В любом случае эта стрельба стала весьма ценным прикрытием для продолжающейся бойни.

На следующее утро, 17 сентября, грабежи спокойно продолжались. Но теперь перед нашим отелем один из грабителей был повешен. Турки рассказывали нам, что теперь вздернут и других, чтобы устроить бандитов. Когда я вечером 17 сентября выезжал из Баку, недалеко от станции шла оживленная стрельба. То есть порядок в городе пока восстановлен не был.

Как правило, все инциденты происходили внутри домов. Поэтому на улицах оказалось сравнительно мало трупов. Их относили на задворки, поэтому нередко обнаруживали лишь по запаху. Раз я видел сразу семь трупов, в основном обнаженных, вповалку, с кровоподтеками, которые явно были вызваны ударами прикладов, а также с ранами от штыков. Из подвалов била в нос трупная вонь. Я должен особо отметить, что у меня было слишком мало времени, чтобы обследовать следы бойни, ведь меня со всех сторон осаждали просьбами о помощи. Однако даже в ходе своих недолгих прогулок я наткнулся на очевидные доказательства резни. Улицы от подвалов до чердаков были разграблены повсеместно. Когда вечером 17-го из

экспедиции в город вернулся один турецкий майор, он сам вдруг признался мне: «Вы были правы. С городом поступили ужасно. Этого нельзя отрицать». Один немец при свидетелях рассказал мне, что он будто бы зашел с адъютантом Нури-паши в дом, где было убито тринадцать грузин без различия пола и возраста. Когда он указал, что это – грузины, то есть лица, находящиеся под германским покровительством, он получил ответ: «Да их попросту приняли за армян».

Датский консул попытался расследовать обстоятельства расстрела двух немцев. В их доме держали оборону солдаты-армяне, которые при подходе турок бежали. И хотя оба были без оружия и заявили, что они – немцы, без дальнейшего разбирательства их поставили к стенке и расстреляли.

Из целого ряда трагических событий и шокирующих впечатлений я хотел бы особо выделить один эпизод. Одна немецкая дама с тремя дочерьми рассказала мне, что ее зять-армянин был убит, а ее дочь, немка, была куда-то угнана с двумя детьми. Так как я надеялся, что они могут находиться в одном из тех лагерей, куда с утра 17 сентября ударами прикладов и бичей сгоняли армян, обращаясь с ними словно со стадом скота, я сразу же поехал с ней по этим лагерям. Но пропавших нигде обнаружить не удалось. Все надеялись на помощь Германии. Турки в полной мере показали себя.

Я считаю настоятельно необходимым отправить в Баку германских военных и специалистов хотя бы для защиты громадных экономических интересов.

В ответ на попытки турок выставить тяжелые упущения и отвратительные происшествия в Баку как безвредные или находящиеся в прямой связи со штурмом города я хотел бы еще раз подчеркнуть, что о грядущей резне заявлялось за несколько недель до этого, а проводилась она безотносительно текущей тактической обстановки. Да и то возражение, что войска не вводились в город, ведь в их надежности были не вполне уверены, также не выдерживает критики. Разумеется, едва ли можно было отправлять по городу небольшие солдатские патрули, хотя так бывало не раз. Ведь в таких случаях турецкая солдатня принимала живое участие в грабежах и бесчинствах. Однако если бы они были побатальонно выстроены на площадях и оттуда разводились взводами и под командованием

офицеров, то вполне можно было бы обеспечить порядок и сохранить контроль над войсками.

Из массы свидетелей, которые могли бы куда лучше меня поведать о тяжелых преступлениях, я хотел бы упомянуть датского, шведского и персидского консулов, господина Дасселя и еще многих немцев, имена которых я не знаю, затем майора Хартманна, майора Майра, старшего штабного врача Брокельманна, лейтенанта Уттермарка из 15-го баварского егерского полка. Русский генерал Али Паша^[361] рассказал мне, что даже на квартире у обеих его сестер вымогали 600 рублей, ведь их сочли христианками, хотя они продемонстрировали Коран. Я полагаю, что было бы правильно образовать в Баку германскую комиссию, которая бы принимала заявления о всех выпадах против немцев и находящихся под покровительством Германии.

Когда вечером 17 сентября я прощался с Нури-пашой, он подал мне руку. Хотя было известно, что под Баладжарами столкнулись два поезда и железная дорога блокирована, мы все же выехали. Возможно, проехать все же удалось бы. Однако вскоре мы застряли под Баладжарами почти на 24 часа. Станция Кишли была также разграблена. В районе на северо-востоке Баку показались какие-то отряды всадников, слышны были многочисленные выстрелы, поднялись клубы пыли. Было невозможно понять, что же действительно происходит.

Утром 18-го явился адъютант Халила-паши и передал мне – хотя до этого между мной и Халилом не было сказано ни слова, но не имелось и никаких трений – следующее письмо об отставке, датированное 17 сентября:

Votre tenue et vos paroles d'hier contre S. E. Noury Pascha, le commandant en Chef de l'armée d'Islam, devant une foule amie et étrangère et par conséquence la plainte officielle de S. E. à moi m'obligent définitivement de mettre un terme à votre Mission de Chef de l'État-Major chez moi.

Je vous ai mis à la disposition du grand quartier Général auquel je l'ai télégraphié.

Halil

en Chef de groupe d'armées d'Est.

Lieutenant-Général et commandant^[362].

Грубое содержание этого послания сделало для меня невозможным продолжать исполнять обязанности вплоть до ответа из Ставки. Их принял на себя мой заместитель, подполковник Бассри-бей.

Подполковник Параквин

Приложение IV

Два неопубликованных отчета о событиях в Баку в сентябре 1918 г

1. ТЕЛЕГРАММА МАЙОРА МАЙРА КРЕССУ ФОН КРЕССЕНШТЕЙНУ^[363]

В Баку с 18 сентября^[364] вследствие начатого наконец 16 сентября очень энергичного турецкого вмешательства восстановлен порядок^[365]. Из-за ненадежности турецкие войска, которые после боев пришлось вновь контролировать, по признанию самого Нури-паши привлекать к полицейским обязанностям было невозможно. Очень многие армяне, в том числе женщины и дети, но в основном пленные, способные носить оружие, перебиты. Сосчитать, сколько именно тысяч, пока невозможно. Достойные доверия местные источники утверждают, что количество жертв куда выше, чем тех, кого убили армяне в марте^[366]. Многие немцы, также вполне надежные в своих показаниях, независимо друг от друга называют цифру в 10 тысяч. По уверениям турок сброд грабителей состоит не только из татар, но и из персов. После боев 14–15 сентября зверские жестокости учинила и турецкая солдатня. При этом было убито и двое немцев-колонистов (без германского подданства), жены нескольких колонистов (не подданные Германии) были изнасилованы. То же количество актов насилия и в отношении австрийцев (подданных Монархии), чуть большее – в отношении русских. Об убийстве немцев-колонистов датским консулом^[367] составлен протокол. После 15 сентября в мародерстве приняло участие еще большее количество солдат. Материальный ущерб, не считая многочисленных случаев грабежа, невелик. 100 тысяч пудов мазута сгорело. По надежным и профессиональным оценкам уже сейчас можно иметь в виду доступ к 28–32 миллионам пудов сырой нефти, 40 миллионам пудов мазута, 11 миллионам пудов керосина, 9 миллионам пудов смазочных масел,

полуфабрикатов – 1 миллион, бензина – 800 тысяч пудов. По трубопроводу в Батум можно ежедневно отправлять 80 тысяч пудов, ведь имеются лишь две насосные станции. Необходимо произвести предварительную оценку трубопровода, ведь в последнее время вместо керосина прокачивали нефть. Нефтяные поля и мазутные склады в общем и целом не пострадали и по моему настоянию с 18 сентября до некоторой степени охраняются войсками. Сомнения вызывают оставшиеся вовсе без рабочих и инженерного надзора армянские скважины. Там в последнее время обнаружено расхищение приводных ремней, медных и латунных деталей. В ближней перспективе будут готовы к работе следующие крупные предприятия: товарищество Нобеля, товарищество Ротшильда (много евреев), Бакинское товарищество (в основном русские), Зубалова (грузины и поляки), Бенкендорфа (русские и немцы), «Русская нефть» (русские и армяне), Асадуллаева (татары), Мусы Нагиева (татары).

Специальный доклад последует позже^[368]. Для возобновления работы предприятий необходима энергичная инициатива, причем дело не только в профессиональной помощи. На мой взгляд, от турок и азербайджанцев ожидать ее не приходится. Вспомогательные и компетентные кадры могут быть в достаточном количестве найдены и здесь, на месте. Генеральный директор Лесснер^[369] из фирмы Нобеля обращает внимание на нацеленного на бакинские нефтяные предприятия и действующего по собственному усмотрению германского атташе по коммерческим вопросам. Каспийская транспортная флотилия, не имеющая сколько-нибудь крупных и пригодных судов, отплыла 15 сентября с полутора миллионами пудов мазута по направлению к Решту. На борту было очень много армян, в том числе много коммерсантов и представителей технической интеллигенции. Запасы мазута в Красноводске оцениваются в полтора миллиона пудов. Тамошняя нефть не годится как топливо для машин. Таким образом, Каспийская транспортная флотилия обеспечена на шесть месяцев.

Русский военный флот (с самым крупным калибром в виде армейских 10-сантиметровых орудий) все еще стоит у Наргина^[370]. Переговоры с ним начались 19 сентября. Экипажи кораблей четкой политической ориентации не имеют, их настраивают англичане против большевистского правительства в Москве и против Брестского

договора, они, видимо, поддерживают связь с Бичераховым (в Дербенте)^[371]. Предлагаю направить офицера флота для проверки, может ли нынешняя верфь быть приспособлена для подводных лодок^[372]. На станциях большое количество локомотивов, товарных вагонов и цистерн. Точное количество будет сообщено позже.

Телефонная линия Елизаветполь – Баку функционирует. Утром пыталась выйти на связь местная радиостанция.

Курьер с телеграммой Его Величества для Нури^[373], о котором сообщили по телефону из Елизаветполя днем 18 сентября, в полдень 20-го еще не прибыл. Вывести основную массу турецких войск, отвлекая их от местных полицейских функций, все еще невозможно. Нури пока что обустроил в Баку военную администрацию по образцу Бухареста^[374], со всеми особыми мерами, применяемыми к враждебному местному населению, которые были чрезвычайно неприятны местным крупным колониям иностранцев, заинтересованным в немедленном возобновлении экономической активности. Местные датский, шведский, голландский и персидский консулы и нефтепромышленники весьма остро восприняли то обстоятельство, что турецким войскам позволили взять Баку, что они считают политической загадкой^[375]. Коллективная нота консулов нейтральных держав с протестом против жестокостей была подана Нури-паше. На переговорах с не согласной на отделение Баку от России военной флотилией турецкий представитель заявил, что турки атаковали Баку лишь потому, что там были англичане и заняли город, ведь после их ухода город остался без власти. По утверждению Тевфик-бея, население в Елизаветполе и его округе предпочитает турецкое господство азербайджанскому правительству, а хранящие нейтралитет нефтепромышленники рассказывают о схожих настроениях в татарских деревнях на Апшеронском полуострове. 16 сентября сюда прибыл весь кабинет министров Азербайджана, но пока не ясно, вернется ли он обратно в Елизаветполь. Нури остается в Баку. Ожидают визита Энвера-паши.

Настоятельно необходимо срочно направить сюда профессионального германского консула. Баку, пусть и с течением времени, должен стать базой для германских войск. И чем быстрее, тем лучше. Экономически заинтересованные лица очень томятся по германскому порядку при том условии, что он не будет действовать

рука об руку с большевиками^[376]. Выехавший 10 сентября из Петербурга через Москву, Саратов, Астрахань и прибывший 20 сентября^[377] генеральный директор концерна Нобелей Лесснер рассказал мне, что русская буржуазия и интеллигенция повсюду безмерно ожесточены сохранением большевистского режима, в чем якобы повинны именно немцы. В Астрахани – большевистский террор, от Красноводска до Ашхабада – поддерживаемые англичанами меньшевики, восточнее – большевики при поддержке 2 тысяч венгров^[378]. Опасается продовольственного кризиса в Баку. Позже последуют дальнейшие отчеты и сводки известий о Закаспии. Прошу соизволить подтвердить получение и передать дальше Его Превосходительству фон Секту телеграммой Нури-паше: «Содержание для майора Майра^[379] доставлено в делегацию^[380] и может быть получено там. Прошу подробно осведомить Майра».

Подпись: Майр, майор османской службы в штабе Исламской армии.

**2. ПОДПОЛКОВНИК Ф. ФОН ДЕР ГОЛЬЦ^[381] ГЕНЕРАЛУ
КРЕССУ ФОН КРЕССЕНШТЕЙНУ^[382]**

Доклад № 13

Баку, 19 октября 1918 г.

По мнению очевидцев, оценкам которых можно доверять, после событий, разыгравшихся при взятии Баку турками и азербайджанцами, по меньшей мере не подлежит сомнению, что турецкие командующие предоставили татарам три дня полной свободы в истреблении армян и разграблении захваченного города. И сколь бы ни было это для нас непостижимо, столь же неверно было бы расценивать этот факт исключительно по европейским меркам.

В марте 1918 г. за счет возвращавшихся с фронта солдат русской армии армянской национальности, – которым татары мешали добраться до их расположенных в горах деревень, так что они застряли в городе, – верх одержали армяне^[383]. Этим они воспользовались для многочисленных расправ с татарским населением Баку и окрестных деревень. И если сравнить опустошения, устроенные тогда, с теми, что

последовали в сентябре, возникает ощущение, что армяне тогда действовали намного более жестоко, чем татары в прошлом месяце. И это следует учесть, чтобы дать верную оценку сентябрьским жестокостям. Здесь имел место в первую очередь акт возмездия. И если бы турки отказали своим единоверцам в удовлетворении их вполне обоснованного по восточным понятиям чувства мести, они немедленно лишились бы всех симпатий и поддержки. Таким образом, для терпимого отношения турок есть некоторые смягчающие обстоятельства, которые необходимо иметь в виду; ведь взаимная и основанная на понятиях о кровной мести резня различных национальностей на Кавказе и поныне суть «страны сией такой обычай».

Следует также подчеркнуть, что турецкая солдатня участвовала в резне лишь в исключительных случаях и что с тех пор, как командующие принялись решительно наводить порядок, было быстро восстановлено спокойствие, которое и сохранилось по сей день.

С другой стороны, однако, выяснилось, что средневековые нормы, позволяющие устраивать разграбление города по законам войны, господствуют в турецкой армии и сегодня. При взятии города каждый турецкий офицер и солдат считал себя вправе брать все то, что ему приглянулось. У жителей, вне зависимости от национальности, забирали наличные деньги, часы, кольца, ценные вещи и продукты. Многие лица при этом лишились всего своего имущества. Особенно пострадали армяне. Они не просто оказались вне закона, но и все их личное имущество оказалось без всяких оговорок в распоряжении турок.

Эти грабежи систематически продолжаются и сегодня. Офицеры и некоторые солдаты идут от дома к дому и без всякого бумагомарания просто грузят на взятые с собой грузовики все, что им понравится. Владельцы не получают взамен ни денег, ни благодарности. И турок охватила настоящая мебельная лихорадка! Они уже вытащили из домов множества зажиточных людей в Баку огромное количество предметов обстановки, но продолжают приглядываться, что бы унести еще. Трофейное добро в plombированных вагонах отправляют в Елизаветполь и там продают по высоким ценам, так что оно отправляется дальше на запад. Поначалу турки очистили Батум, Карс и Ардаган, а затем отправили добытое в Анатолию. Затем, по мере

дальнейшего продвижения на восток, жители этих ограбленных округов смогли пополнить запасы из Елизаветполя и по вполне доступным ценам заново мебелировались. А теперь Елизаветполь оснащен бакинскими трофеями, а Баку остается только надеяться на то, что определенная компенсация последует с Северного Кавказа. И все это вполне официально делает военная администрация. Известный немецко-турецкий разговорник теперь можно смело дополнить еще одним словом: «Бимбаши^[384] – торговец мебелью».

Помимо такой чисто деструктивной деятельности, турки, не считая установления чисто внешнего порядка, до сих пор ничего для развития в Баку не предприняли. И хотя под их давлением цены на продовольствие за последние недели существенно снизились, однако недостает действительно серьезной организации, которая бы обеспечила Баку за счет различных и богатых округов. Все знатоки местной обстановки поэтому того мнения, что вскоре вернуться прежние явно спекулятивные цены. И все же для Баку нет более важной проблемы, чем сделать дешевле жизнь самых бедных слоев населения. До тех пор пока 100 граммов хлеба стоят рубль и более, народ голодает, а разграбленные промышленные предприятия не в состоянии платить жалованье, с которого могли бы прожить рабочие. Если бы они и сделали это, то продукты так вздорожали бы, что не нашли бы покупателей. Осложняет ситуацию и то, что не только турки, как оккупационные власти, хотели бы быстро и много заработать на этих предприятиях, но и пока что лишенное любых средств азербайджанское правительство.

Поэтому оно планирует так поднять пошлины на вывоз и акцизы, что любая торговля будет задушена в зародыше. И так пуд нефти, который до войны стоил 35 копеек, теперь дошел до 10–12 рублей! Тем самым нефтяная индустрия, этот золотой телец Баку, оказалась подорвана. Из этого и возникла опасность, что прямо на нефтепромыслах вспыхнут беспорядки, а промышленные объекты будут разгромлены рабочими.

Я полагаю, что ни турки, ни азербайджанцы не способны вновь запустить в работу нефтепромыслы Баку.

Подпись: барон фон дер Гольц.

Приложение V

Из воспоминаний генерала Оскара Грессманна 1916–1918 гг

Оскар Грессманн
Воспоминания^[385]

Из воспоминаний Его Превосходительства Оскара Грессманна, генерала и паши

17 июня (1916) я был вызван в Ставку, где в бюро военного кабинета мне сообщили о получении мною поста германского уполномоченного в Месопотамии. И что же мне предстояло? Навести порядок в отношениях между немцами и их союзниками. Как там дела? Да этого и сами не знали. Спросили, намерен ли я принять этот пост, однако я оставил за собой решение до результатов разговора с Фалькенгайном^[386]. Но и он на все мои вопросы мог ответить только: «У меня нет достаточно ясного представления о ситуации, знаю только, что очень многое не ладится. Вам еще придется узнать, что именно делать на Вашем посту». После некоторой паузы вместо моего ответа он продолжил: «Мне нужен на этой должности знакомый с турецкими обстоятельствами штаб-офицер, который бы знал, как добиться своего от союзников. Вас назвали мне в качестве единственной подходящей кандидатуры. Но решение о том, принимать ли назначение, я оставляю за Вами. То, что Вы отправляетесь туда без особой охоты, я вижу. Так что переспите с этим вопросом ночь и наутро сообщите мне о своем решении».

После того как лейб-медик кайзера^[387] установил, что хотя с учетом моего возраста (55 лет) я уже не могу считаться вполне пригодным для службы в тропических широтах, однако в остальном совершенно здоров и бодр, я вернулся на свою квартиру, уже наполовину решившись откусить от этого кислого яблока.

На следующий день в Ставке я согласился принять этот пост при условии, что смогу поехать в Багдад в чине генерала. Это желание было вызвано знакомством с особенностями ближневосточной души.

Германский генерал, который по рангу соответствовал бы командующему турецкой армией, смог бы и в отношениях с ним и вообще куда легче и лучше добиваться своего, нежели полковник. Так как выдача патента на очередное звание в обход очереди на высших ступенях служебной иерархии была исключена, кайзер назначил меня генерал-майором временно, без патента и на должности уполномоченного германской группы в Ираке.

Для англичан при вступлении Турции в войну на стороне Центральных держав остро необходимым стало защитить Персидский залив как базу для флота против покушений на него со стороны противника. Этим занимались в основном силами индийских войск под командованием Таунсенда. Одиночные удары слабых турецких отрядов провалились, а британцы медленно двинулись вверх по течению рек. Летом 1915 г. командующим усиленной двумя армейскими корпусами и дополненной небольшими специальными германскими подразделениями 6-й турецкой армии был назначен фон дер Гольц-паша.

Такое поручение прославленному генералу командования на этом отдаленном фронте имело свою предысторию. По-видимому, Энвер еще в 1914 г. исходил из стремления расширить театр военных действий за счет мятежа в Персии и создания угрозы Индии. Призывами к борьбе за свободу надеялись разбудить фанатизм персов, да и вообще исламского мира вплоть до Индии^[388].

Германское Верховное Главнокомандование ожидало от этого облегчения обстановки на других фронтах, а Турция – достижения политической цели в виде первостепенного положения на всем Ближнем Востоке. Поэтому стремлением последней было возглавить восстание в Персии – с германским участием в виде нескольких и самым активным образом посвященных в тамошнюю проблему офицеров. Главными среди них были баварский капитан Нидермайер и консул Вассмусс^[389]. Нидермайер несколькими годами ранее объездил северную Персию в исследовательских целях, а Вассмусс был исполняющим обязанности консула в Бушире на берегу Персидского залива. Серьезные разногласия между турецким руководством и Нидермайером почти сразу привели к разрыву^[390]. И пока небольшие османские силы безуспешно и ошибочно с политической точки зрения действовали в северо-западной Персии, вся по-настоящему

пропагандистская работа оказалась в руках немногочисленных немцев. Нидермайеру удалось тайком, авантюрным путем, преодолевая всевозможные трудности, добраться через высокие горы и бесплодные просторы соляных пустынь до Афганистана, в то время как Вассмусс превратился в «грозу англичан» на юге.

Свершения этих людей стали славной страницей в истории германского мужества, силы воли и упорства. Кроме того, обоим была свойственна не самая частая у немцев черта характера: тонкое политическое чутье и умение понять душу восточных народов.

Без заблаговременной подготовки, с весьма слабым оснащением и сравнительно небольшими денежными средствами горстка немцев – с помощью организованных из небольших отрядов завербованных представителей различных и едва ли лояльных племен, при бесконечно длинных коммуникациях, а затем и вовсе без них, предоставленная сама себе – смогла добиться свершений, с которыми и близко не сравнятся приключения куда более известного английского полковника Лоуренса среди арабов^[391], однако первым не было суждено такого успеха. Но виной тому не немцы, а обстоятельства. Они же сделали все, что в человеческих силах.

Лозунг «священной войны» у бесчисленных разнообразных расово и религиозно племен не возымел эффекта, в том числе потому, что христиане не были подходящими для этого пропагандистами. Да и восстание персов, сколь бы радостно его ни приветствовали поначалу, также рассеялось на серию отдельных бунтов из-за отсутствия организованной государственности, крепкой центральной власти и незаменимой для борьбы за свободу национальной идеи и чувства общности. Разобщенность, ревность и зависть постоянно живших склоками племенных лидеров препятствовали этому. Некоторые были продажны.

Персидское правительство в Тегеране, во главе с едва вышедшим из подросткового возраста шахом^[392], было слабо и не могло решиться на героический поступок в связи с близкой русской угрозой.

И все же были достигнуты успехи, которые не следует недооценивать, ведь большая часть единственных регулярных войск, возглавляемая шведскими офицерами жандармерии, поддержала освободительную борьбу, так что противник, особенно британцы, опасавшиеся угрозы ядру их империи, то есть Индии, вынужден был

направить на защиту своей сферы интересов непропорционально крупные силы^[393].

Действительно ясно эффект от деятельности экспедиции стало возможно оценить лишь после войны^[394]. События, ведущие к независимости и преобразованиям в государственном устройстве, стали логическим следствием начатой тогда работы. Весьма увлекательно это было показано в похвалах Нидермайера в собственный адрес (в его книге «Перед воротами Индии»)^[395].

Сам он после месяцев тщетных усилий вынужден был покинуть Афганистан, не добившись желаемого политического успеха, с огромным трудом пробившись назад через северную Персию до Хамадана, где встретился с турецкими войсками и смог приветствовать германских коллег.

Вассмусс за счет чрезвычайных дипломатических способностей смог и в одиночку подбить на бунт весь юг страны и, несмотря на все препоны, вплоть до окончания войны чинил мировому владычеству британцев огромные трудности.

И вот теперь то, что не удалось сделать нескольким мужественным людям, надеялись достичь с помощью вооруженной германской стороной, лучше оснащенной и снабженной значительными денежными средствами миссии под командованием полковника Боппа^[396]. До этого попытались передать немного вооружения персам.

Миссия предприняла целый ряд экспедиций. Однако и здесь не суждено было добиться значительного успеха. Германская сторона по-прежнему витала в иллюзиях.

Когда же при обострении политической обстановки шах отказался от замысла восстания, игра уже была проиграна, еще до того как за нее всерьез взялись.

Персидский народ также еще совершенно не созрел для освободительной войны. Вовлечь его в нее могло бы только развертывание действительно крупных сил.

Но для этого не было никакой возможности. Оставалось лишь распространять в стране слухи – уж не знаю, занимались ли этим еще при жизни фон дер Гольца, о том, что только насилие со стороны русского и английского послов помешало шаху лично возглавить дело освобождения народа, поэтому надо образовать временное

правительство во главе с Низам-н-Салтане^[397], которое и выражает истинную волю повелителя.

Общее руководство германской миссией и представительство германских интересов осуществлял генерал фон дер Гольц. И эта сама по себе непростая задача была тем тяжелее, что он одновременно был командующим турецкой армией. Турки, однако, с большим недовольством наблюдали за усилением германского влияния на Ближнем Востоке, ведь после их славной былой истории рассматривали как повелителей этого региона именно себя. И только фон дер Гольц благодаря его огромному авторитету со времен возглавляемой им военной миссии^[398] смог справиться с такой двойственностью в положении на его посту.

Надежды, возлагаемые на него лично и на прибывшие вместе с ним подкрепления, неожиданно быстро оправдались. Под Ктесифоном^[399] произошло столкновение 6-й османской армии с наступавшими на Багдад войсками англо-индийской армии генерала Таунсенда. Обе стороны полагали, что уступают в силах, и прервали бой. Однако турки первыми заметили, что противник отступает, а потому развернулись и начали преследование. Фон дер Гольц сам в битве принять участие не мог. Так что старший их корпусных командиров, Халил-паша, приписал «победу» себе. Последовал, однако, крупный успех, увенчавшийся капитуляцией окруженного в Кут-эль-Амаре Таунсенда (16 апреля 1916 г.)^[400].

Фон дер Гольц не дожид до триумфа своей операции. За несколько дней до сдачи противника он умер от сыпного тифа, который подхватил на госпитальном судне.

Это была во всех отношениях невосполнимая утрата, главным образом для немцев, которые теперь навсегда лишились своего главного защитника.

А в Персии неудачи преследовали германские «экспедиции» одна за другой, русские же, нарушив нейтралитет страны, ввели войска, чтобы отправиться на помощь осажденному Таунсенду.

Граф Каниц^[401] погиб, покончил с собой или был убит. Это может быть доказательством, что именно он был духовным вдохновителем фантастических планов.

Тесня германские экспедиции, русские подошли к турецкой границе. Слишком поздно, чтобы изменить судьбу Таунсенда.

Навстречу им двинулся один из корпусов 6-й армии. Однако они не стали дожидаться начавшегося турецкого наступления и отошли. Но вместо того чтобы теперь вернуть командующего корпусом Али Ризу^[402] назад в Кут, его оставили вести преследование глубоко внутрь страны, до Хамадана, где противники затем месяцами стояли друг против друга в бездействии.

Разрыв 6-й армии на две примерно равные по силе и отделенные друг от друга многими дневными переходами группировки с точки зрения стратегии был столь чудовищен, что при этом должны были решающее воздействие оказать лишь политические причины. Ведь буквально все зависело от того, чтобы собрать воедино все силы на Тигре, чтобы иметь возможность справиться с англичанами, а они-то, безусловно, попытаются вырвать у турок окончательную победу. Недооценка противника, да еще такого упорного, как Англия, стала тяжелой ошибкой.

Я не смогу ответить на вопрос, воображал ли себе уже тогда Энвер план общего наступления от Персии до Черного моря, о котором позднее отправил мне донесение. Но явно уже сформировался замысел после «провала» немцев полагать Персию своим доменом, преследуя там чисто турецкие интересы.

Немцев упрекали в том, что они не вступали в бои с русскими за каждую пядь земли в приграничных с Персией гористых районах. Я сомневаюсь, что это вообще было бы возможно против русских с персами, которых едва ли можно рассматривать в качестве полноценных солдат. Как и следовало ожидать, репутации немцев был нанесен серьезный урон, в то время как самоуверенность турок после первых успехов превратилась в невыносимый шовинизм. Еще более подпитывался он германскими офицерами в штабе Халила, нового командующего армией, которые выступили против своих же земляков. Следствием этого стали совершенно нетерпимые отношения между немцами, в рядах которых царил роковая разобщенность^[403].

Однако мы все же не собирались отказываться от планов в Персии. По договоренностям с турками и Низамом германской задачей впредь должно было стать дальнейшее формирование на основе жандармерии персидских войск, которые, вплоть до возможности тактического их задействования, находились бы только под германским командованием. Эту тяжелую организационную миссию

приняли на себя в Керманшахе и Сулеймании два офицера Генштаба фон Лёбен и Лёшебранд-Хорн.

Их, а позднее и моя позиция была усилена тем, что мы не только финансировали формирование войск, но и брали на себя основную часть расходов и на турецкий корпус. Причем все покрывалось золотой монетой! Бумажные деньги здесь не принимали вообще.

И вот задачей моей, как наследника генерала фон дер Гольца, отныне было как-то разобраться в этом лабиринте на пользу германским интересам.

Моя должность планировалась как чисто военно-политическая и, насколько это касалось попечения о немцах, была сравнима с постом обер-квартирмейстера. Военные операции меня не касались. Сколь неохотно смотрели наши союзники на прибытие германского генерала для таких целей, видно из того факта, что мне пришлось три недели дожидаться в Константинополе, пока они не дадут согласия на мой дальнейший путь. Энвер хотя и принял меня относительно светски и даже любезно – что, кстати, в общении с истинно восточным человеком вовсе ничего не значит, – и даже поверил мне некоторые из своих далеко идущих планов, мне оставалось только про себя покачать головой. Командующий армией Халил, однако, как мог, сопротивлялся согласию на мою миссию: разозлившись до крайности, он и его турецкие подчиненные предполагали, что в лице германского генерала, к которому им еще и придется относиться с уважением из-за его ранга паши, они получили надзирателя и наставника в военных вопросах. К тому же само присутствие высокопоставленного германского офицера в Ираке означало новое усиление германского влияния в Персии.

Полагаю, что последнее соображение и сказалось на действиях влиятельных инстанций в Константинополе. Их раздражение явно лишь усилилось от того, что одновременно должен отправиться в качестве поверенного в делах к временному персидскому правительству в Керманшахе легационный советник Надольны^[404]. Это вызывало подозрения. А повод к тому дал я: совершенно не имея опыта в дипломатических вопросах – ведь тогда я скорее догадывался, что может за всем этим таиться, – и справедливо полагая, что при огромном расстоянии между Багдадом и Керманшахом^[405] и крайне слабой связи между ними очень сложно будет иметь представителя в одном лице в обоих пунктах, я запросил в Берлине во

внешнеполитическом ведомстве командирования ко мне еще одного дипломата. В итоге мое требование удовлетворили даже с избытком: было принято решение отправить специального дипломатического представителя в ранге поверенного в делах. Само по себе это не годилось. Ведь кто в конце концов будет нести ответственность за то, что там происходит в его ведении? Дипломат или солдат?^[406] Так как шла война, а в этом отдаленном уголке Земли при запутанных обстоятельствах непременно должна была преобладать военная политика, я запросил решающее слово при весьма вероятных серьезных разногласиях. Однако до конфликта не дошло. В принципе я был рад, зная, что в Керманшахе есть профессиональный дипломат, который сможет совладать с персами и турками.

Надолны считался человеком форматным^[407]. Ныне он посол в Москве, после того как много лет провел на аналогичном посту в Анкаре^[408]. Я познакомился с ним в Ставке, где он излагал Фалькенгайну позицию внешнеполитического ведомства по персидскому вопросу. С самого начала он был сторонником активного его решения и тогда еще как «знаток страны» – ведь он уже один раз ездил в Персию – был полон оптимизма. Будучи очень рад встретить в моем лице «дурачка», который туда поедет, он вовсе и не мечтал, что придется ему самому, прямо на месте лично опекать свое любимое детище, которое, имея родовые травмы, так никогда и не обрело жизнеспособности. И после всего того, что я выслушал от возвращавшихся на родину офицеров, причем в один голос, мне это было вполне понятно и в Константинополе.

Все вести из Ирака звучали неутешительно, весьма болезненным было сообщение о смерти от сердечного приступа графа Виламовица, моего соседа по имению еще перлебергской поры^[409]. Человек приятный в общении и умный, он зачастую мог встать над ситуацией и воздействовать успокаивающе, пользуясь доверием всех сторон, в том числе турок. Именно на его советы я так рассчитывал, особенно нуждаясь в такой опоре поначалу. Это была тяжелая потеря для меня лично и для всего дела. Все это, да еще бесконечное ожидание на этот раз отравило мне всю радость от Константинополя, и я был рад, когда 27 августа 1916 г. смог, наконец, выехать дальше, хотя отправлялся в совершенно неизвестное мне будущее. Тогда, в связи с сильным истощением большинства возвращавшихся домой после неудачных

«экспедиций» и множества жертв, особенно в недавнее время, я писал в дневнике: «На меня нашло своего рода гладиаторское настроение: morituri te salutant...^[410] Если бы только цель оправдывала такие жертвы. Однако теперь уже нет смысла раздумывать об этом. Жребий для нас брошен. Посмотрим, что удастся сделать».

Моим попутчиком были Надольны, который вынужден был оставить в Константинополе его помощника фон Блюхера^[411], а также майор Кречмар, саксонский офицер Генштаба, он должен был возглавить штаб 6-й армии вместо тяжелобольного дизентерией полковника фон Гляйха^[412].

Мы ехали в салон-вагоне, предоставленном в наше распоряжение «Дойче-банком».

Целью нашей была Аравия, куда мы устремились без лишних остановок. У подножия Тавра железнодорожная поездка завершилась. Туннель через горы стал доступен для проезда только в годы войны. Тогда же все снабжение для трех армий – на Синайском фронте, 6-й в Месопотамии и Персии и правого крыла войск, действовавших в Армении и Курдистане против русских, – осуществлялось в гористой местности с помощью германских автоколонн. Что это означало в условиях современной войны, очевидно без лишних слов, если представить, что почти все военные материалы прибывали из Германии, но уже в Константинополе их приходилось перегружать для переправы через Босфор. Но мало того, между Тавром и хребтом Аманос (Нур) вела до северной окраины последнего лишь узкоколейка, а в Мармуре опять приходилось переходить на полноценную магистраль и ехать через уже построенный туннель дальше к Алеппо. Оттуда же ветка железной дороги вела через Сирию и Палестину на Синайский фронт. Несравненно менее благоприятно обстояло дело со снабжением на других фронтах, поэтому на фронте против русских опять-таки приходилось задействовать германские автоколонны: от конечного пункта Багдадской магистрали – где-то посередине между Алеппо и Мосулом, а материалы, предназначенные для 6-й армии, спускались в ходе затяжных рейсов по Евфрату на примитивных плотах – словно во времена Ноя^[413], чтобы потом еще раз, уже по суше доставляться к конечной цели, Багдаду на Тигре.

В ходе богатой на впечатления поездки мы пересекли оба горных хребта на автомобилях и 2 августа прибыли поездом в Алеппо.

Дальнейший путь пришлось в последний момент отложить, ведь «возникли новые осложнения». Еще одно доказательство того, что именно думали в турецких верхах о прибытии германского генерала. Милая перспектива. Весьма приятна была предупредительность заведующего тылом офицера – ротмистра фон Абеля^[414], которого я позднее взял в Багдад, да и сегодня еще числю среди тех моих друзей, кто помоложе.

13 августа я смог отправиться в путь. До Расулени, конечно тогда пункта на Багдадской дороге, мы доехали поездом, а оттуда до Мосула на автомобиле. Весьма показательно для настроений местного населения, что под защитой германского вымпела мы проехали без приключений, в то время как по турецким автомобилям курды постоянно открывали огонь. Вечером 16-го мы уже увидели в долине Тигра древний Мосул, единственную крепость из давно прошедших времен, уцелевшую до наших дней. Городская стена и развалины былой столицы Ассирийской империи Ниневии убеждали в ушедшем могуществе и великолепии былой метрополии. Здесь по мосту через р. Тигр проходила вплоть до недавнего времени единственная во всем регионе военная и торговая трасса между Ираном и северной Сирией. Столетиями забытая и приходящая в запустение, теперь она обрела новую жизнь, после того как ее с миром связала Багдадская дорога, а богатые нефтяные источники в окрестностях Мосула оказались на переднем плане в экономических и политических интересах. В 1916 г. германский консул Хольштайн^[415] все еще был единственным постоянно проживавшим в городе европейцем.

Краткое пребывание в Мосуле было отмечено случайной встречей с турецким командующим Халилом. Халил, весьма молодежавый и бодрый командующий армией 34 (!) лет, был весьма ловок в светской беседе, хорошего обхождения. Во всех его фразах и манерах читался девиз «Живи и дай жить другим».

Первая встреча оставила приятное впечатление. Полагаю, мы оба были ею довольны. Через несколько дней, которые были использованы для осмотра тыловых учреждений, мы продолжили путь, на этот раз уже по воде, вниз по Тигру. Можно было вообразить себя во времена Ксенофонта, когда мы вступали на наш келлек – дощатый помост, закрепленный на надутых бурдюках. В честь высоких гостей и для защиты от немилосердного солнца был воздвигнут примитивный

навес. Здесь-то мы – Надольны, Блюхер (тем временем нагнавший нас), я, повар-перс, который превосходно владел своим ремеслом, а также арабы-сплавщики – и устроились. За три с половиной дня великолепного путешествия – хотя при низком уровне воды в реке и не без некоторых хитростей – река донесла нас до Самарры, некогда столь гордой резиденции правителей^[416], а сегодня ставшей жалкой дырой. Сюда была доведена из Багдада на север железная дорога. В товарном вагоне для нас приготовили ночлег, что в тот момент было весьма практичным выходом, а потом я в волнении от предстоящего выехал к моему новому месту назначения.

Первый взгляд на город Багдад, раскинувшийся по обоим берегам Тигра, после весьма пренебрежительных отзывов тех, кто через Константинополь возвращался отсюда на Родину, приятно удивил. На восточном берегу город окаймляли широкие пальмовые и апельсиновые рощи. Однако при более пристальном рассмотрении случилось и разочарование: от сказочного великолепия времен Харун-ар-Рашида^[417] не осталось и следа. Улицы и базар были, как и везде, грязны и тесны, новые дома на Тигре весьма солидны, но населены в основном европейцами. И сколь бы привлекательными ни выглядели пальмовый парк и тянущиеся вдоль реки на многие километры сады, можно было лишь пожалеть, что они не более чем легкие завесы. Ведь там, где иссякало искусственное орошение, которое и вызывало обильное плодородие, сразу же начинались бесконечные степные просторы.

Багдад имел торговое значение как перевалочный пункт для северомесопотамских и персидских товаров на пути к Персидскому заливу, где их вывозили на английских и германских судах.

Моя квартира – весьма заметный дом успешного своевременно бежать крупного английского коммерсанта – была прямо у реки, немалая ширина которой оживляла общий вид города и в жаркие месяцы давала хотя бы немного прохлады.

Потянулись полные лишений монотонные месяцы, заполненные административными хлопотами, отчетами в Верховное Главнокомандование и улаживанием различных военно-политических проблем, зачастую весьма неприятного рода – с турками и персами.

Для увлеченного своей стезей военного это было крайне неприятным занятием, да еще на столь долгий срок. Облегчало мне его

лишь то, что мне предоставили полную самостоятельность в распоряжениях, не докучая указаниями. Фалькенгайн поставил мне задачу привести в порядок тамошние запущенные дела. И, забегаю вперед, полагаю, могу сказать, что мне это удалось.

Для начала следовало уладить различные семейные склоки, вызванные неудачной персидской авантюрой. Для этого я считал необходимым очистить свой штаб от тех его сотрудников, кто выказал слишком уж протурецкие настроения. Двум офицерам – причем это были весьма дельные господа – пришлось покинуть нас после указания, что с ними могут обойтись несправедливо по тому или иному поводу. Атмосфера несколько улучшилась, воцарилась сплоченность по всем направлениям, которая сохранилась и в самых тяжелых испытаниях. Немцы вновь обрели единство, их поколебленная репутация восстановилась. И чем тщательнее я за этим следил, тем корректнее надлежало быть в отношениях с турками, это мне было тем легче, что я еще на Галлиполи научился смотреть на турок через турецкую призму. Фалькенгайн был вполне прав, когда желал отправить на этот пост «знатока». И действительно, отношения наши с Халилом никогда не были всерьез омрачены, даже тогда, когда после прорыва фронта в марте 1917 г. в штабе армии стали проявляться сильные антинемецкие настроения. Я обязан особо поблагодарить и начальника штаба подполковника Кречмара за то, что он весьма умело выполнял посредническую миссию. С помощью него я постоянно был в курсе происходящего на фронте.

Как уже говорилось, армия стояла одним корпусом на Тигре под Кут-эль-Амара и глубоко в пределах Персии. Под Кутом палящий летний зной вынудил обе стороны к полному затишью. С той лишь разницей, что состоявшая в основном из индийских войск английская армия хорошо снабжалась от недалекого Персидского залива водными и рельсовыми путями, в то время как турки терпели всевозможную нужду из-за жалкого состояния тыловых коммуникаций. Время работало на противника, это было очевидно.

Насколько это сознавал Халил, я так никогда по-настоящему и не понял. В любом случае он излучал уверенность и при этом заходил так далеко, что приказал доставить в Багдад свою жену. Он упустил из виду систематическую подготовку англичан к наступлению в прохладный сезон. При значительном расстоянии от Багдада до Кута

штаб армии довольно редко изъявлял желание лично удостовериться в происходящем на фронте и постепенно терял прямое воздействие на войска.

Я был в Куте лишь однажды, последовав приглашению Халила.

В Багдаде континентальный климат: летом – без облачка на небе, чудовищная жара (до 45, а то и 50 градусов по Цельсию в тени), не ослабевающая толком даже ночью, а зимой – холода, тем более чувствительные, что без печей оставалось надеяться только на сжигание угля в жаровнях.

Такой климат без последствий могли вынести лишь немногие. Большинство же страдали от желудочно-кишечных заболеваний, причем зачастую в очень острой форме. И тем, что меня ни разу не свалила болезнь, я обязан не только удачной конституции моего тела, но и бережному отношению к здоровью и ежедневным поездкам на одном из двух моих арабских жеребцов, летом – сразу же после заката солнца.

Довольствие германских войск было вполне достаточным. Выйти за рамки вечной баранины нам помогало искусство нашего повара. Желанное разнообразие предоставляли куры и рыба. Гарнир состоял из риса, овощей и фруктов. Для утоления жажды всякий день пили чай и кислое буйволиное молоко, и только вечером, когда мы сидели на балконе над Тигром, я позволял себе стакан вина. Трапезничали вместе: капитан Меркель (адъютант), обер-лейтенант Йордан (ответственный по тылу), известный археолог; капитан жандармерии швед Сонессон, как знаток фарси; кандидат в офицеры доктор Риттер, полиглот, служивший у нас переводчиком^[418]; советник интендантства Айерманн^[419] и секретарь его Майер, штаб-врач Альбури. Для помощи в налаживании тыла я также вызвал из Константинополя обер-лейтенанта Мартиненгера. Подполковник Кречмар был нашим гостем почти каждый день. Поскольку я как эмиссар Германской империи исполнял еще и разнообразные представительские функции, то привлек в качестве «гофмаршала» ротмистра фон Абеля из Алеппо. С ним и Меркелем меня и сегодня (спустя двадцать лет) объединяют узы дружбы. Несмотря на вполне товарищеский круг, пребывание там стало бы для меня мукой, если бы не в высшей степени интересные и волнительные события.

Определенное удовлетворение приносило постоянно проявляемое арабами уважение к германским свершениям в Мировую войну^[420].

Очень интересной была встреча с главой самого влиятельного тогда племени в Центральной Азии, Шамар, Ибн Рашидом^[421], во время его восьмидневного визита в Багдад. Он весьма помпезно явился в сопровождении свиты из примерно ста наездников на верблюдах. Я подружился с этим влиятельным господином и его импозантными спутниками и полагал, что его...^[422]

...поездкой в Персию.

По совету Халила я отказался от моего первоначального намерения проделать этот путь верхом: «Представитель Германской империи с небольшой свитой всадников не произведет впечатления на персов, а его прибытие в седле только разочарует, ведь его явно ожидают на автомобиле».

Из осторожности на случай непредвиденных обстоятельств я взял с собой еще одну машину, грузовик, который должен был ехать на некоторой дистанции вслед за нами. Поездка проходила трагикомически. Уже на полпути к приграничным с Персией горам наш запасной автомобиль застрял, так что пришлось по телеграфу запрашивать его буксировку. Дальнейший путь через перевал Пайтак даже для легкового автомобиля был непрост, а проезд другой гряды высот стал для него роковым, так как мы съехали с дороги. И вот в половине дневного перехода от цели нашей поездки в Керманшахе теперь, после небольшой пешей прогулки до трассы, стоял представитель Его Величества германского императора – очень маленький, смиренно ожидая прибытия грузовика. Нужно было видеть изумленные лица выехавшей навстречу персидской кавалькады, когда в качестве второго пассажира автомобиля кроме германского генерала был обнаружен капитан жандармерии швед Сонессон!

И вот с таким сложным положением для нашего достоинства я принял доклад командира конного отряда и приглашение от имени Низама-н-Салтане на завтрак в специально разбитый для этого перед воротами города шатер.

После того как мы подкрепились, я, как и планировалось, поехал на устланном роскошной попоной жеребце в город, резиденцию «Временного правительства Персии». Это был театр, продолжившийся во время приема «Его Высочеством». Формирование параллельного

правительства было столь же авантюрным, как и вся персидская затея. Если бы найти хотя бы одного человека, исполненного высокого национального чувства, пользующегося всеобщим уважением, обладающего силой воли и готового поставить все на кон ради свободы своего Отечества! Но ничего из этого не было у Низам-н-Салтане. Он разбогател на весьма выгодном посту губернатора, точнее – сборщика податей в провинции, очевидно с самого начала сознавая всю слабость своего положения и рассматривая принятие на себя «правительственных функций» как инструмент для удовлетворения личных интересов. Выделенное с германской стороны весьма существенное пособие ему, видимо, казалось недостаточно большим. В любом случае он попытался воспользоваться возникшими противоречиями между немцами и турками^[423], пустившись в отчаянную игру ва-банк ради наживы.

Чем же были вызваны разногласия?

Во-первых, вследствие уже описанного выше разочарования турок из-за не удавшейся «германской миссии», но с недавнего времени еще и по политическим причинам: турки полагали занятую ими часть персидской территории желанным залогом на будущее. Персия должна была отойти в сферу интересов Турции. Присутствие влиятельных германских эмиссаров и их воздействие на ход событий были для них просто бельмом на глазу. Германские деньги, которыми оплачивались основные расходы по содержанию армейского корпуса, а также поставки военных материалов принимали охотно, но в остальном нас просто хотели послать к черту.

В лице своего военного атташе Ферши^[424] турки имели тертого и бесстыжего дипломата, интриги которого в итоге привели почтенного Низама на сторону немцев. Поначалу противоречия и истинные намерения Низама открыто не проявлялись. Договоренности, что удавалось заключить всем трем сторонам после некоторых трудностей, даже вполне нас устраивали и позволяли надеяться на вдумчивое взаимодействие: формирование персидских войск с помощью Низама, их содержание и обучение, что входило в обязанности двух офицеров Генштаба фон Лёбена и Лёшебранд-Хорна, тактическое их применение при необходимости – на усмотрение турецкого командования. Даже при этом распределении Ферши заходил слишком далеко, и порой

приходилось пригрозить ему лишением вспомогательных средств, чтобы несколько притушить его заносчивость. И это помогало.

Поддерживал ли Халил эти закулисные игры и в какой степени, я не знаю. Не думаю, что это было так. Против такой версии говорит то, что спустя два месяца он пригласил меня в совместную поездку в Персию, чтобы устранить разногласия. Халил был националистом, но не интриганом, а кроме того, в первую очередь солдатом, так что политические вопросы для него всегда были на втором плане^[425]. Попытка сглаживать любые осложнения стала для него фатальной.

Мой отчет в ОХЛ дал военному министерству повод к запросу в мой адрес о том, не стоит ли вообще ликвидировать все персидское наше предприятие как бесполезное. В полном согласии с Кречмаром и Надольны я высказался против этого: прекращение помощи с нашей стороны, по всей вероятности, побудило бы и турок полностью отказаться от их позиций в Персии. В союзной стране они не смогли бы проводить реквизиции; а для оплаты наличными закупок у них просто не было средств. Вынудить же их сдать все занятые территории было равносильно полному разрыву между Халилом и немцами в Ираке, а также между обеими Ставками. Ведь, как я слышал собственными ушами, и в фантазиях Энвера Персия играла крупную роль в будущем генеральном наступлении. Вычеркивание ее из этого плана было бы воспринято как нарушение союзных обязательств.

Именно такие соображения, а не стратегические заставили меня прийти к этому мнению, с которым согласились в ОХЛ. Стратегически подтягивание корпуса из Персии на фронт по Тигру было бы верным. Наседающим русским было бы легко дать отпор и небольшими силами в приграничных горах. Однако оказывать давление на наших союзников указанным выше способом было бы тяжелой ошибкой.

Во время первого моего пребывания в Персии я нанес визит и командующему корпусом Али Ризе в Хамадане. После весьма серьезной беседы из-за его действий в отношении одного из германских офицеров, которого он вопреки договоренностям намерен был привлечь к ответу из-за мнимой его трусости перед лицом врага, мы расстались добрыми друзьями. В принципе он явно ценил немцев, с которыми познакомился во время продолжительной командировки в артиллерийском полку в Касселе. В завершение он подготовил для меня уникальный знак внимания: парад турецкой дивизии с

германской артиллерией на персидской земле – перед германским генералом.

Поездка по красивому горному району, не считая затяжной и страшной песчаной бури, когда совершенно не было видимости, так что приходилось останавливаться, возымела бодрящее действие, и физически, и психологически, и я смог здесь ощутить себя словно после отпуска в Тироле.

Да и постоянные трения, в первую очередь с участием Надольны и Лёбена, тяжелый груз ответственности и всех забот – все это тоже в конце концов нес я, что вполне наглядно видно из следующего короткого рассказа.

В Багдаде люди непричастные почти не замечали войну. Общественная жизнь, на удивление, продолжалась, словно в мирное время: периодически – торжественные вечера, базар с последующим празднеством, германский прием у Халила, так что вопреки всем обыкновениям там показывались даже прекрасные дамы, были и скачки, а также парусная регата, затем торжественные приемы для всего света и лучших людей города по случаю дня рождения кайзера^[426] и другие мероприятия. Для эмиссара Германской империи представительство было одной из важнейших обязанностей, и я обязан был должным образом обустроить это, так как располагал достаточно солидным фондом на данные нужды. То, что германский генерал считался важной птицей и теперь германская репутация полностью восстановлена, и здесь некоторым националистам из окружения Халила тоже было крайне неприятно.

Все это приходилось рассматривать со всей серьезностью. Но прежде чем я перейду к этому, следует коротко упомянуть еще одно событие, которое произвело на меня глубокое впечатление: визит в Вавилон. Он имел тем большее значение, что по этим развалинам нас лично водил знаменитый археолог. Профессор Кольдевей, который девятнадцать лет провел, извлекая на свет Божий строения времен Навуходоносора. И кто желал составить себе представление о высокой культуре той эпохи, отправлялся в музей с вавилонской коллекцией в Берлине^[427]. Он поражал. Но все, чему там поражались, было еще накануне начала войны отправлено морским путем и спасено от англичан. Забегая вперед, должен отметить, что за сохранение этих научных достижений следовало поблагодарить меня. Когда турецкий

фронт под Кутом рухнул, безалаберный германский консул^[428] позабыл известить Кольдевея. В последний час я вспомнил о профессоре: отправленный в Вавилон автомобиль вечером накануне оставления Багдада повез его по окрестностям и отправил вместе с материалами в безопасное место.

Тем самым я оказался в последнем акте месопотамской драмы. С наступлением прохладного сезона деятельность английского командующего^[429] оживилась. Наконец, этот кунктатор все же окончил приготовления к крупному наступлению.

При посещении Кута мне сразу стала ясна вся серьезность положения. После возвращения в Багдад я застал ведущиеся в полной тишине приготовления к вывозу германского имущества. Я пока что воздержался от вывоза германской колонии, чтобы не вызывать беспокойства населения.

В конце февраля разразилась буря, которая окончилась «славным» отступлением корпуса и потерей Багдада (11 марта 1917 г.). Противник имел слишком большое численное и материальное превосходство. Теперь сказались и весьма растянутые позиции турецкой 6-й армии: Али Риза не смог своевременно подтянуть силы из Персии. И только из-за медлительности в преследовании Мода удалось избежать полного разгрома турок. По этой же причине смог воссоединиться со своей армией и Али Риза. Германскую колонию я приказал вывозить, когда падение Багдада уже казалось неизбежным, а сам остался там, пока не выехал штаб армии. В качестве новой квартиры был избран Мосул. Туда отправился и я.

На второй день отступления случился следующий примечательный эпизод, весьма показательный для репутации немцев среди арабов. Я выехал напрямик на автомобиле только с двумя офицерами моего штаба. Перед горной грядой турецкая колонна остановилась. Ее командир настоятельно не советовал ехать дальше, ведь со склона холма будто бы только что раздавалась винтовочная стрельба, а другого пути не было. Что же делать? Далеко окрест никакой возможности разместиться, так что надо было дожидаться, пока не освободят проход турецкие войска. Местные племена все еще считались очень ненадежными элементами. Будут ли они считать врагами и нас, немцев? Обычно это было арабам не свойственно. Рассчитывая на это, я приказал ехать дальше. Я приказал укрепить

германский флаг на видном месте. Подъехав на расстояние выстрела, мы увидели, как выпрыгивают эти ребята и с громкими криками наводят винтовки. Я поднялся в вагоне и с достоинством отдал честь. И нас беспрепятственно пропустили через единственный путь по теснине. Однако я был очень рад, когда опасный участок пути остался позади.

На другой день я получил возможность осмотреть развалины Ашшура, некогда столицы великой Ассирийской империи, под руководством бывшего руководителя экспедиции в этом историческом месте Йордана. Очень интересно!

Пребывание в Мосуле превратилось в период постоянной нервозности и служебных разногласий. Подробности содержатся в моих отчетах в Верховное Главнокомандование.

Разумеется, поражение очень сильно на нас давило. Было ли это началом конца?

И все же случилось иначе, совсем иначе.

Я не верил своим глазам, когда в ответ на мой запрос о роспуске Иракской группы и отправке меня на какой-нибудь другой пост я прочитал: нет, группа и Вы все еще нужны там. Планировали отвоевать Багдад. И для этого имели в виду прибытие германского командования и подкреплений.

И сколь бы понятным ни было желание Энвера взять обратно почтенную резиденцию халифов и тем самым восстановить подорванный турецкий престиж на Востоке, столь же непостижимым для меня и по сей день остается то, что германская сторона проигнорировала мои и Кречмара самые настойчивые предупреждения. Я ни минуты не верил в возможность реализации этого мероприятия: как же при самом жалком состоянии коммуникаций должно было функционировать снабжение целой армии в Мосуле, откуда же надо было брать самое необходимое довольствие, ведь вследствие страшной засухи весной грозил голод, как же смогут справиться с климатическими условиями германские войска? Не было ничего, что не испробовал бы я, чтобы разъяснить это Ставке, но тщетно: очевидно, что, удерживая при себе турок, шли за фантазиями Энвера, а потому назначили командующим Фалькенгайна и обещали отправки экспедиционного корпуса. Инспекционная поездка Фалькенгайна была лишь формальностью.

Мне он заявил, что я ему нужен теперь уже как инспектор всех – турецких и германских – частей тыла, который знаком с обстановкой и сможет ручаться за соблюдение в тылу армии германских интересов.

И во второй раз после тяжелой внутренней борьбы я заявил, что готов принять эту неблагодарную миссию. Если бы я не остался добровольно, меня бы командировали. Лучше уж первый вариант.

Что означало, вопреки убеждению и имеющемуся опыту подписаться под этой изначально мертворожденной затеей только из солдатского долга, сможет понять любой, кто знает, что я, будучи страстно увлечен военным делом, очень тосковал по любой строевой должности на любом административном посту.

В германской армии вообще не слишком ценили назначение в тыловую инспекцию, а при турецкой ситуации это была неприятная и трудная задача, насколько это вообще возможно. Связанное с этим повышение по службе едва ли могло стать компенсацией, хотя Фалькенгайн заметил: «Мы теперь оба здесь главные персоны».

Резиденцией высшей тыловой инспекции^[430] было избрано Алеппо.

Так что я вернулся в исходный пункт моего арабского турне (26 июля 1917 г.).

И тот аргумент, что я приводил в моих предупреждениях относительно авантюры в Месопотамии в качестве одной из стратегических вероятностей, и реализовался: положение на Синайском фронте обострилось настолько, что и там следовало иметь в виду крупное британское наступление в обозримом будущем. Если же англичане прорвутся вплоть до северной Сирии, зависящие от коммуникаций на мосульском направлении армии окажутся отрезанными. Поэтому сразу же возникла необходимость «пока что» отказаться от операции против Багдада и укрепить Синайский фронт.

Фалькенгайн получил общее руководство, а также германский Азиатский корпус – силой в смешанную пехотную бригаду^[431]. Подготовка потребовала несколько месяцев, ведь все приходилось доставлять из Германии.

Выглядит настоящей иронией, что операция официально была названа «Йилдырым», то есть молнией. Даже если это выдумка, то все же весьма удачно характеризует ситуацию следующий анекдот. Один

английский летчик сбросил над турецкими позициями листовку следующего содержания: «Громоотвод уже есть, где же молния?»

Служебные мои дела тянулись монотонно и безрадостно, к тому же хватало и трений – однако только с германскими инстанциями в штабе армии. А вот моего турецкого начальника штаба и турецкого инспектора тыла (начальник – майор Гюнтер) я могу лишь похвалить за тактичное взаимодействие.

Воздействие мое на турецкие тылы оставалось невелико, ведь большая часть тыловой зоны подчинялась не Фалькенгайну и генералу Джемалю. Последний – одна из примечательнейших личностей во всей турецкой армии – был уязвлен тем, что вынужден уступить пост главнокомандующего Фалькенгайну. И то, что после этого не было недостатка в регулярных осложнениях, вполне очевидно^[432].

Главным образом деятельность моя концентрировалась на транспортировке и снабжении постепенно прибывающих германских формирований. Обработкой германских запросов наилучшим образом занимались мой начальник штаба Лёшебранд-Хорн и интендант Геллини. Капитан Меркель и ротмистр фон Абель стали моими адъютантами. Гармония в штабе позволяла вынести утомительную монотонность повседневности.

Между тем ситуация на Синайском фронте стремилась к решительному исходу. Ход событий я – лично в боях не участвуя – описываю лишь настолько, насколько он прямо воздействовал на мою военную карьеру. В целом же необходимо отметить следующее.

Свершения турок, которым были приданы некоторые германские и австрийские формирования, от удара к Суэцкому каналу и до трагического финала стали славной страницей в истории войск, которыми в течение трех долгих лет, полных мучений, лишений и кровопролитных боев, руководил главным образом подполковник Кресс фон Крессенштейн, позднее командовавший группой в Касселе^[433].

Кресс, как и я, в связи с грозящей фронту на Синае опасностью и трудностями снабжения, настойчиво отговаривал от планируемой операции против Багдада и не оставил у Фалькенгайна никаких сомнений в том, сколь прискорбно будет тогда складываться ситуация в Палестине. Ведь там у англичан теперь получил командование испытанный на полях сражений во Франции генерал Алленби, да и в

ходе ведшейся годами систематической работы по выстраиванию тыловых коммуникаций была достроена железная дорога от Суэцкого канала к передовой. Количественное и материальное превосходство англичан постоянно росло, в то время как у турок и в лучшие времена не получилось обеспечить себя хотя бы самым необходимым. В результате всех представлений Кресса командованию Фалькенгайн смог «временно» отказаться от операции против Багдада, но не от своего поста командующего.

В августе он перенес свою штаб-квартиру в Алеппо. Там – в 600 км от фронта – он и оставался в неведении относительно намерения англичан атаковать вплоть до начала ноября^[434]. Следствием такого отдаления от зоны боев было то, что контакта между высшим руководством и войсками не было, а при неизвестности общей обстановки на фронте часто отдавались приказы, уместные на германском фронте, но не выполнимые в ближневосточных условиях. И когда на это следовали возражения, шла отповедь: так называемые «знатоки страны и людей» слишком уж отуречились. В штабе группы армий таких «знатоков», к сожалению, не было, не говоря уже о самих турках. Таким образом, с самого начала никакие доверительные отношения между союзниками оказались невозможны. Лишь когда началась буря, Фалькенгайн в конце ноября перебрался в Иерусалим, слишком поздно, чтобы справиться с обстановкой – если это вообще еще было возможно^[435]. Англичане, поддерживаемые арабскими племенами, которых на сторону Антанты привлек в обмен на обещание независимости гениальный полковник Лоуренс, прорвали фронт и угрожали Иерусалиму. Однако до немедленного использования британской победы не дошло. Турецкая штаб-квартира была вывезена в тыл. В ходе дальнейшего неблагоприятного хода боевых действий Фалькенгайн был снят с поста командующего^[436] и заменен Лиманом фон Сандерсом.

Так как новый начальник турецкого Генерального штаба генерал фон Сект имел в виду реорганизацию тылов, на необходимость которой я указал Секту во время его визита в Алеппо, наступил и для меня момент добиваться перевода на другую должность.

21 марта 1918 г. я, наконец, выехал домой.

Было бы неблагодарностью не признать, что я уезжал, приобретая немало ценного.

Прежде всего, существенно расширился мой кругозор. Я теперь смотрел на мир иными глазами, нежели прежде. Эта страна и местные жители дали мне очень много интересного и поучительного, обогатив мои познания и взгляды на жизнь и бытие. Любой, кто, как я, в течение двух лет напролет наблюдал, как живет эта далекая страна, с высокого поста, смог бы составить совершенно иное мнение о людях и явлениях, нежели простой путешественник, куда более взвешенное, благодаря тому что он смог глубже взглянуть на совершенно иначе устроенную душу многих народов Востока. И разве не успех, что мне представилась возможность выйти на новый уровень на совершенно самостоятельном и ответственном посту, послужив интересам германства? Разумеется, все это было сделано за счет лишь одной из сторон моей личности: строевого командира.

Многие проезжавшие офицеры были нашим гостями за трапезой. От них узнавали кое-что о Германии из того, что нельзя было доверить письмам: нужда крепла, а настроение падало.

Город Алеппо даже близко не был столь типично восточным, как Мосул. Будучи важным перевалочным пунктом между Сирией и Константинополем и находясь недалеко от моря, он даже внешне имел уже немало западных черт. В европейском квартале стояли современные основательные каменные здания, проложены широкие улицы. Но в глубине города все выглядит вполне по-восточному. Базар маленький и грязный, хотя на нем можно встретить некоторые ценные восточные товары. (Оба моих келима^[437] оттуда.) Прямо по сердцу режут картины ужасной нужды. Над городом восседает впечатляющая старая селевкидская крепость, ведь Алеппо был их столицей^[438]. Остатки построек и сегодня еще убеждают в великолепии былых времен. Округа же совершенно безотрадны, каменистая и холмистая равнина почти не освоена.

Во время инспекционных поездок вглубь страны я посетил немало интересных мест. Поездки происходили частью на автомобиле, частью по железной дороге. Здешняя обстановка была столь примитивна, что я – к примеру, во время поездки в Трансиорданию – вместе с моими сопровождающими часто довольствовался полевой

кроватью, а то и товарным вагоном с печкой, нежели грязными пассажирскими вагонами.

Особый интерес и удовольствие доставил двухдневный визит на руины Баальбека. В широкой безлесной долине между хребтами Ливана и Антиливана расположены импозантные остатки мощного святилища, воздвигнутого на месте старого храма Ваала в византийскую эпоху. Греческий стиль уже носит отпечаток вырождения...

В ходе длительного обратного пути я попытался сам с собой разобраться в том, подходил ли я вообще для такого поста и смог ли справиться с задачей.

Для ответа на вопрос о пригодности следует вспомнить, чего именно я потребовал, отправляясь в командировку в Ирак и позднее при получении должности высшего тылового инспектора.

В запутанной обстановке в Багдаде и Персии достаточно было одного выдающегося человека, чтобы восстановить пошатнувшееся доверие земляков и одновременно заставить становившихся в ходе персидской авантюры все более шовинистически настроенными турок безусловно уважать Германию и оказываемую ею помощь.

То, что первую из задач мне удалось решить, может показать мнение моего начальника штаба Лёшебранда во время «багдадского вечера» в Берлине, который заявил: «Вы были для нас не только справедливым начальником, но и – как старший товарищ – вместо отца». С подчиненными тех лет меня и сегодня связывают узы симпатии, а с Меркелем и прежде всего с Абелем – искренняя дружба.

Обязанности высшего тылового инспектора, благодаря налаженной работе моего штаба и вдумчивому содействию турецкого инспектора по тылу, я исполнял столь хорошо, насколько это вообще было возможно в тех крайне неблагоприятных обстоятельствах. И здесь я вполне могу себя похвалить.

Да и об укреплении германской репутации в тылу я тоже заботился, с одной стороны, щадя турецкое самолюбие, а с другой – поддерживая суровую дисциплину среди моих земляков.

Та манера, в которой все офицеры, немецкая колония и турки прощались со мной и воздавали должное, показала, что мое назначение оценили. Со стороны союзников это было выражено особо тем, что к моему отъезду не только явились главы военных и штатских

инстанций, но и была выставлена рота почетного караула. Этот знак уважения следует оценить тем выше, что он доказывал, что бесславная отставка Фалькенгайна^[439] не поколебала уважения к нам, немцам.

В Константинополе на этот раз я не задержался, ведь торопился домой. Во время прощального визита Энвер-паша передал мне орден Меджидие 1-го класса, который он специально для меня приказал изготовить как военную награду, с мечами...

Список литературы

Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.

Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М., 2012.

Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии. М., 2014.

Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / Пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

Лишин Н. Н. На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.

Ланник Л. В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.

Ланник Л. В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны: военно-политический очерк. М., 1966.

Миргородский А. В. Красный десант 1918 года. СПб., 2022.

Мирзеханов В. С., Ланник Л. В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.

Пахалюк К. А. Пространство плена Первой мировой: лагерь для турецких пленных на острове Нарген // Международная жизнь: Великая война. Начало. М., 2014.

Петросян Г. А. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012.

Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.

Политика Германии в Закавказье в 1918 году / Сб. документов. Сост. Г. В. Пипия. Тбилиси, 1971.

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.

Советская Россия в «Большой игре» 1919–1925 / Сб. док-тов. Сост. Ю. Н. Тихонов. М., 2019.

Улунян А. А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Шихлинский А. А. Мои воспоминания. М., 2015.

Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917 г.). М., 1957.

Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994.

Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.

Atabaki T. Iran and the First World War. L., 2006.

Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

Baumgart W. Die «geschäftliche Behandlung» des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918 // Historisches Jahrbuch. 1969. 89. S. 116–152.

Bernstorff J. H. Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien [u. a.], 1992.

Blücher W. v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach, 1949.

Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehrer? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.

Brodacki O. Hamburg und der Persische Golf. Ein Kapitel wilhelminisch-deutscher Wirtschaftsgeschichte // Zeitschrift des Vereins für Hamburgische Geschichte. 1991. 77. S. 37–76.

Der Prozeß Talaat Pascha. Stenographischer Bericht über die Verhandlungen gegen den des Mordes an Talaat Pascha angeklagten armenischen Studenten Salomon Teilirian / mit einem Vorwort von Armin T. Wegner. B., 1921.

Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / bearb. von Reicharchiv: 14 Bde. B., 1932. Bd. 8.

Deutschland und Armenien 1914–1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke / hrsg. u. eingel. v. J. Lepsius. Potsdam, 1919.

Erickson E. J. Ordered to die: a history of the Ottoman Army in the First World War. Westport; L., 2001.

Erickson E. J. Ottoman Army effectiveness in World War I: a comparative study. N. Y.; L., 2007.

Friedrich Freiherr von Krefß, Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / hrsg. von W. Baumgart unter Mitw. von G. Astamadze. Paderborn, 2020.

Gehrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges: 2 Bde. Stuttgart, 1960.

General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941 / bearb. von H. Teske. Bd. 1. Frankfurt/M., 1966.

Gietinger K. Der Konterrevolutionär. Waldemar Pabst. Eine deutsche Karriere. Hamburg, 2009.

Gleich G. v. Betrachtungen über die Kriegführung in Mesopotamien // Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. 1923. 3. S. 81–105.

Gleich G. v. Vom Balkan nach Bagdad. Militärisch-politische Erinnerungen an den Orient. B., 1921.

Goltz F. v. d. Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.

Göttrup H. Wilhelm Wassmuss: Der deutsche Lawrence. B., 2013.

Grobba F. Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatischer Tätigkeit im Orient. Göttingen u. a., 1967.

Guth E. Der Loyalitätskonflikt des deutschen Offizierkorps in der Revolution 1918–1920. Frankfurt/M., 1983.

Hedin S. Bagdad, Babylon, Ninive. Leipzig, 1918.

Hentig W. O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962.

Hovannisian R. The Republic of Armenia. Vol. 1–4. Berkeley, 1971–1996.

Huldén A. Finnlands deutsches Königsabenteuer. Reinbek, 1997.

Jaeckel de Aldana J. Feuerfunken im Orient 1914–1916: arabisch-osmanische Offiziere und haschimitische Aristokraten vor dem großen arabischen Aufstand. B., 2015.

Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkriege // Die Welt des Islams. 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54.

Jessen-Klingenberg M. Die Ausrufung der Republik durch Philipp Scheidemann am 9. November 1918 // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1968. 19. S. 649–656.

Jonas M., Zinke J. «Wir stehen mit der Zukunft im Bunde». Rudolf Nadolny, das Auswärtige Amt und die deutsche Persienpolitik im Ersten Weltkrieg // Erster Weltkrieg und Dschihad. S. 61–89.

Keller P. «Die Wehrmacht der Deutschen Republik ist die Reichswehr». Die deutsche Armee 1918–1921. Paderborn, 2014.

Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.

Kiesling H. v. Der deutsche Krieg in Persien / hrsg. von W. Keitz. B., 2021.

Krethlow C. A. Bagdad 1915/17. Weltkrieg in der Wüste. Paderborn, 2018.

Kreutzer M. S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012.

Kreutzer S. M. Wilhelm Waßmuß – Ein deutscher Lawrence // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 91–110.

Krug S. Die «Nachrichtenstelle für den Orient» im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921). Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.

Liman von Sanders O. Fünf Jahre Türkei. B., 1920.

Litzmann K. Lebenserinnerungen: 2 Bde. B., 1927–1928.

Löbel U. Neue Forschungsmöglichkeiten zur preussisch-deutschen Heeresgeschichte. Zur Rückgabe von Akten des Potsdamer Heeresarchivs durch die Sowjetunion // MGM. 1991. 51 (1). S. 141–149.

Mark R. A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u. a., 2013.

Menger M. Das Scheitern der Ambitionen des Herzogs Adolf Friedrich zu Mecklenburg auf den finnischen Königsthron im Jahre 1918 // Finnland

Studien. Bd. 3. Wiesbaden, 2013. S. 113–126.

Mühlmann C. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940; *Mühlmann C.* Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914/1918. B., 1942.

Nadolny R. Mein Beitrag. Köln, 1985 (Wiesbaden, 1955).

Niedermayer O. v. Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925.

Noack D. X. Die Ränkespiele der Großmächte im Raum Turkestan 1914–1919 // Erster Weltkrieg. Globaler Konflikt- lokale Folgen / hrsg. von S. Karner, P. Lesiak. Innsbruck; Wien; Bozen, 2014. S. 403–426.

Otto H. Der Bestand Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt des Heeres im Bundesarchiv, Militärisches Zwischenarchiv Potsdam // MGM. 1992. 51 (2). S. 429–441.

Playing Lawrence on the other side. Die Expedition Klein und das deutsch-osmanische Bündnis im Ersten Weltkrieg / hrsg. v. V. Veltzke. B., 2014.

Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik. Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956. Paderborn, 2002.

Rabenau F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben. (Bd. 2.) Leipzig, 1940.

Rogan E. The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920. L., 2015.

Schiffers R. Der Hauptausschuss des deutschen Reichstages 1915–1918. Formen und Bereiche der Kooperation zwischen Parlament und Regierung. Düsseldorf, 1979.

Schraudenbach L. Muharebe. Der erlebte Roman eines deutschen Führers im osmanischen Heere 1916/17. München, 1925.

Uyar M. The Ottoman Army and the First World War. Abingdon, 2021.

Volk H. Öl und Mohammed: «Der Offizier Hindenburgs» im Kaukasus. Breslau, 1938.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

Wallach J. L. Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Düsseldorf, 1976.

Wegner B. Deutsche Aktenbestände im Moskauer Zentralen Staatsarchiv. Ein Erfahrungsbericht // VfZ. 1992. 40. Hf. 2. S. 311–319.

Will A. Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.

Zürner W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.

Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt/M.; Las Vegas, 1978.

Zwehl H. v. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie: eine biographische Studie. B., 1926.

Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. 1921. 1 – 1929. 6. B., 1921–1929.

notes

Примечания

Издание данного сборника источников на немецком языке параллельно осуществляется в ФРГ под редакцией профессора В. Баумгарта издательством «Schöningh/Brill».

Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны: военно-политический очерк. М., 1966.

Mühlmann C. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940; *Mühlmann C.* Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914/1918. B., 1942.

Новейшая и первая масштабная биография великого визиря не на турецком языке показательна уже названием: *Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie.* Zürich, 2020.

См. подр.: *Pöhlmann M.* Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik. Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956. Paderborn, 2002.

См., напр.: *Löbel U.* Neue Forschungsmöglichkeiten zur preussisch-deutschen Heeresgeschichte. Zur Rückgabe von Akten des Potsdamer Heeresarchivs durch die Sowjetunion // *MGM.* 1991. 51 (1). S. 141–149; *Otto H.* Der Bestand Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt des Heeres im Bundesarchiv, Militärisches Zwischenarchiv Potsdam // *MGM.* 1992. 51 (2). S. 429–441; *Wegner B.* Deutsche Aktenbestände im Moskauer Zentralen Staatsarchiv. Ein Erfahrungsbericht // *VfZ.* 1992. 40. Hf. 2. S. 311–319.

Результаты масштабного проекта публикуются на сайте:
<http://tsamo.german-docs.ru/nodes/1-germanskie-dokumenty-pervoy-mirovoy-voyny-tsamo-fond-500-opis-12519>.

Вполне возможно, что, хотя к настоящему моменту семья Параквин пользуется именно таким – буквальным – вариантом произношения этой французского происхождения фамилии, ранее, в том числе даже в начале XX в., сохранялась все же традиционная транскрипция – Паракен, чему достаточно аналогий среди многочисленных потомков гугенотских фамилий, выселившихся главным образом в Пруссию. И Е. Ф. Лудшувейт, и рецензировавший рукопись Н. М. Машкин однозначно отдавали предпочтение варианту «Паракен».

См. приложение I, с. 162–169.

Они – по очевидным причинам – вызывали в Третьем рейхе пристальный интерес как раз в годы написания Параквином мемуаров, см.: *Jäschke G.* Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkriege // Die Welt des Islams. 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54.

Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.

См. подр.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v.* Aus seinem Leben (Bd. 2).
Leipzig, 1940. S. 11–113.

Литература по данной теме громадна, достаточно указать лишь: *Guth E.* Der Loyalitätskonflikt des deutschen Offizierkorps in der Revolution 1918–1920. Frankfurt/M., 1983; *Keller P.* «Die Wehrmacht der Deutschen Republik ist die Reichswehr». Die deutsche Armee 1918–1921. Paderborn, 2014. В российской историографии см., напр.: *Ланник Л. В.* Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.

См. подр.: *Erickson E. J.* Ordered to die: a history of the Ottoman Army in the First World War. Westport; L., 2001; *Erickson E. J.* Ottoman Army effectiveness in World War I: a comparative study. N. Y.; L., 2007.

Достаточно указать на членов экспедиции в Афганистан О. фон Нидермайера и В. фон Хентига. См. подр. о германских военно-агитационных усилиях: *Kreutzer M. S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918)*. Graz, 2012; *Krug S. Die «Nachrichtenstelle für den Orient» im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921). Strukturen – Akteure – Diskurse*. Bielefeld, 2020.

Мирзеханов В. С., Ланник Л. В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.

См. подр.: *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.

Friedrich Freiherr von Krefß, Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / hrsg. von W. Baumgart unter Mitw. von G. Astamadze. Paderborn, 2020.

Goltz F. v. d. Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.

Большинство из них до сих пор не введено в научный оборот: РА
АА. RZ 201/11056-11061.

В том числе опубликованных В. Баумгартом в: *Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs?* 2 Tle // *JfGO*. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

См. подр.: *Ватлин А. Ю., Ланник Л. В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

См. приложение I, с. 182–185.

Англо-индийские войска генерала Ф. С. Мода вошли в Багдад без боя 11 марта 1917 г. после яростных боев к югу от города, причем отступление османских войск к Мосулу превратилось в их тяжелое поражение, с потерей от 9 до 15 тысяч пленных, так что армии генерала Халила-паши потребовались срочные подкрепления.

Э. фон Фалькенгайн, лишившись в конце августа 1916 г. поста начальника Генерального штаба Действующей армии, то есть фактически главенства в германской Ставке, затем провел блестящую кампанию по отражению румынского наступления в Трансильвании, а также по разгрому армии Румынии, что привело к взятию Бухареста в начале декабря 1916 г. Однако из-за по-прежнему крайне неприязненных отношений с его преемником во главе германского Главнокомандования генералом Э. Людендорфом должных лавров ему получить не удалось, а с января 1917 г. активные боевые действия на этом театре военных действий прекратились. Поэтому он прекрасно осознавал крайне малые шансы на успех, однако не терял надежды отличиться вновь и вернуть себе расположение кайзера. О том, чтобы поручить миссию в Месопотамии именно Фалькенгайну, просила не турецкая сторона, эта идея была сформулирована в недрах германской Ставки. Автор, однако, по-видимому, заблуждается насчет сроков прибытия Фалькенгайна на турецкие театры военных действий. Назначение в «Йилдырым» он получил после запроса из военного кабинета кайзера, ведавшего всеми назначениями и чинопроизводством, в конце апреля 1917 г., а выехал в Месопотамию позже.

О действиях «Йилдырыма» и его британских контрагентов существует богатейшая мемуарная и военно-историческая литература, особенно на немецком и английском языках, а также ряд турецких работ, в том числе переведенных. В 1920-х гг. выходил ежегодник статей и воспоминаний германских ветеранов азиатских фронтов: *Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. 1921. 1 – 1929. 6. B., 1921–1929.* Из новейших работ следует отметить: *Uyar M. The Ottoman Army and the First World War. Abingdon, 2021,* а также переведенную на немецкий и русский языки: *Rogan E. The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East, 1914–1920. L., 2015.*

Вильгельм фон Доммес (1867–1959) считался одним из самых влиятельных генштабистов еще до начала Великой войны, имея крепкие связи в окружении кайзера. После мобилизации он некоторое время служил в политическом отделе Ставки, а затем сделал успешную штабную карьеру. После неудач Фалькенгайна во главе «Йилдырыма» он также лишился своего поста, затем успешно командуя бригадой и дивизией в ходе решающей кампании 1918 г. на Западном фронте. Вышел в отставку в 1919 г. в чине генерал-майора.

Вольф барон Маршалл фон Альтенготтерн (1855–1930), германский генерал от кавалерии, отличился в ряде кампаний на Восточном фронте, в 1916–1918 гг. командовал Гвардейским резервным корпусом.

Генерал Фредерик Стенли Мод (1864 – 18 ноября 1917) с конца 1916 г. командовал корпусом «Тигрис», состоявшим преимущественно из индийских дивизий. Он скончался в Багдаде от холеры в ноябре 1917 г.

Имеются в виду действия русских войск генерала Баратова, о роли которых в поражении османских войск под Багдадом весной 1917 г. автор совершенно напрасно умалчивает, что хорошо видно по воспоминаниям О. Грессманна (см. приложение V). К началу 1918 г. эта угроза была, однако, не актуальна.

На первый взгляд странно, что автор столь коротко упоминает об этом важнейшем эпизоде борьбы за симпатии населения Персии и Афганистана в годы Великой войны, да и лично об О. фон Нидермайере (1885–1948). По-видимому, Э. Параквин хорошо понимал, что и после Первой мировой войны карьера Нидермайера как военного востоковеда и разведчика далеко не окончилась, а потому намеренно избегал деталей, которые могли бы не понравиться цензорам из Рейхсархива.

Генерал от инфантерии Э. фон Фалькенгайн в османской армии имел звание мушира (маршала). На одном из этапов своей карьеры он провел ряд лет в Китае, в том числе участвуя (как и Параквин) в подавлении движения ихэтуаней в 1900 г., основную роль в котором сыграл объединенный контингент союзных держав во главе с германским генерал-фельдмаршалом А. фон Вальдерзее (1832–1904).

Халил-паша (позднее – Халил Кут) (1882–1957) был дядей Энвера-паши (его сверстника) с отцовской стороны. Кадровый офицер османской армии, участник младотурецкой революции 1908–1909 гг., итало-турецкой и Балканских войн. В 1914–1915 гг. воевал на Кавказском фронте, участвуя в карательных акциях против армянского населения, затем был отправлен в Месопотамию, где стал одним из основных участников кампании, приведшей к окружению и пленению под Эль-Кутом войск британского генерала Таунсенда, что принесло ему широкую славу и пост губернатора Багдада. В финале Великой войны попал в британский плен, однако смог бежать из Константинополя, оказавшись в Москве, где сыграл немалую роль в установлении советско-турецких контактов на грани военного союза. Жил в эмиграции в Берлине. Смог вернуться в Турцию лишь в 1923 г., в политической жизни в дальнейшем участия не принимал.

Энвер-паша (1881–1922), один из самых известных турецких военных деятелей XX в. Кадровый офицер, убежденный германофил, прошедший ряд лет военным атташе в Берлине. Участник младотурецкой революции, итало-турецкой, Балканских и Первой мировой войны. Военный министр Османской империи в 1914–1918 гг., один из организаторов вступления Турции в Великую войну и германо-турецкого военного альянса. Вплоть до конца октября 1918 г. занимал пост заместителя (фактического) Главнокомандующего османской армии. Бежал в Германию, осужден за военные преступления. В 1920 г. после неоднократных попыток нелегально прибыл в Советскую Россию, где активно сотрудничал с большевистским руководством. Направлен в Среднюю Азию, где в 1921 г. поднял мятеж против советской власти, пытаясь объединить вокруг себя разрозненные силы басмачей под панисламскими лозунгами. Убит в бою.

Эдмунд виконт Алленби (1861–1936), британский фельдмаршал. Участник англо-бурской войны, командовал рядом подразделений на Западном фронте, но не слишком удачно. В 1917 г. получил назначение в Египет, прославился осенним наступлением 1917 г., которое привело к взятию Иерусалима 9 декабря 1917 г. Смог развить успех лишь осенью 1918 г., добившись полного развала турецкого фронта и продолжив наступление до Алеппо. В дальнейшем возглавлял колониальную администрацию в Египте и Судане.

Ахмед Джемаль-паша (1872–1922), один из лидеров младотурок, член триумvirата, морской министр Османской империи. Кадровый офицер, участник Балканских войн. Имел славу сторонника Антанты (не вполне заслуженную, по мнению Кресса фон Крессенштейна: Krefz von Kressenstein, Lebenserinnerungen. S. 74–75), не раз вызывал подозрения германских союзников в нелояльности и тайных сепаратных переговорах. В 1914–1918 гг. руководил войсками Центральных держав на фронте в Палестине, успеха не имел, несмотря на жесткие репрессии против нелояльных османским властям арабских повстанцев. После поражения Турции бежал в Германию, был заочно приговорен к смертной казни. Позднее с помощью Советской России переехал в Афганистан, курировал советско-афгано-германское сотрудничество. Был убит в Тифлисе в 1922 г. членами «Дашнакцутюн». Автор мемуаров.

Верховным Главнокомандующим османской армии был лично султан Мехмед V Решад (1844–1918), ставший султаном после свержения Абдул-Хамида II в ходе младотурецкой революции, а после его смерти в июле 1918 г. его преемник Мехмед VI Вахидэддин (1861–1926), ставший последним султаном Османской империи в 1918–1922 гг.

См. форзац.

Германо-турецкие войска (действия которых координировал полковник Ф. Кресс фон Крессенштейн) в 1915–1916 гг. дважды предпринимали операции против Суэцкого канала, однако решительных успехов не добились, хотя вынудили Британскую империю выделить крупные силы для защиты Египта. См. подр.: Kress von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 74–91, 329–611. Определенные основания для оптимизма османской Ставке в 1917 г. внушала оборонительная победа войск Центральных держав в первом и втором сражениях за Газу в марте – апреле 1917 г., которая спровоцировала и формирование «Йилдырыма», и резкое наращивание военных усилий британцев в регионе, что возымело роковые последствия для османских войск в ходе осенней кампании того же года. Один из творцов успешной обороны турок в Палестине Кресс фон Крессенштейн прямо обвинял в последующих их неудачах Э. фон Фалькенгайна, а тот возлагал ответственность именно на этого баварского полковника. См. подр.: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 82–87.

Это было очевидно с учетом степени развития инфраструктуры в Передней Азии, делавшей переброски такого темпа невозможными.

Э. Людендорф (1865–1937) с 29 августа 1916 г. – после затяжного конфликта с Э. фон Фалькенгайном – занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера и фактически руководил германской Ставкой, находившейся в описываемый период в Кройцнахе (до начала марта 1918 г.).

Автор имеет в виду довоенный устойчивый курс, который в 1917 г. продолжали учитывать по привычке, хотя девальвация валют шла с различной скоростью, а золотое обеспечение их и до войны, и особенно во время оставляло желать много лучшего. Золотой стандарт Прекрасной эпохи ушел в историю во всех воюющих странах задолго до 1917 г.

Имеется в виду основатель одного из суфийских орденов Джалаладдин Руми (1207–1273), один из самых почитаемых богословов и поэтов исламского Средневековья.

Так в тексте, хотя до 1930-х гг. это название редко употреблялось даже в самой Турции, ведь город по-прежнему официально назывался Константинополем.

Поэтому его фамилия приводится автором в ее исходном написании: Brown.

Главой этой гамбургской фирмы, владевшей тогда несколькими торговыми факториями на Персидском заливе, был Роберт Вёнкхаус (1874–1953). См. подр.: *Brodacki O. Hamburg und der Persische Golf. Ein Kapitel wilhelminisch-deutscher Wirtschaftsgeschichte // Zeitschrift des Vereins für Hamburgische Geschichte. 1991. 77. S. 37–76.*

Имеются в виду события 605 г. до н. э. В Кархемише в 1911–1914 г. велись очень успешные раскопки под патронажем Британского музея, поэтому автор столь хорошо осведомлен о значимости этого города в древней истории.

Пауль Рорбах (1869–1956), один из самых авторитетных «специалистов по России» в Кайзеррейхе, теолог, публицист, путешественник, посещавший в том числе Персию и Месопотамию. Был известен своими русофобскими и украинофильскими взглядами, культуртрегерством и поддержкой формирования государств-лимитрофов в Восточной Европе. Пользовался авторитетом в военных и дипломатических кругах Кайзеррейха, Веймарской республики и Третьего рейха, часто привлекался для экспертизы по различным вопросам.

Имеется в виду Дура-Эвропос, крепость для отражения натиска Сасанидского Ирана между Нисибином и Мардином.

Автор имеет в виду главным образом подавленные в 1904–1907 гг. с крайней жестокостью восстания против германской колониальной администрации племен гереро и нама. Для целого ряда германских офицеров этот опыт стал важнейшей возможностью поучаствовать в настоящих боевых действиях, так что усвоенную крайнюю brutальность в действиях они затем перенесли на фронты Великой войны.

Баварский офицер Э. Параквин не упускает возможности поиронизировать над принятыми у австрийцев специфическими выражениями, где сохранилось немало галлицизмов, искорененных из обихода, особенно в военной среде, в годы правления Вильгельма II, а тем более с началом Великой войны.

Г. фон Мольтке – старший (1800–1891), германский генерал-фельдмаршал и основатель всемирной славы прусского Генерального штаба. Важнейшим этапом его карьеры, положившим начало германо-османскому сотрудничеству на протяжении почти столетия, стала командировка прусского офицера Мольтке в Османскую империю в 1835–1839 гг., где он пытался реорганизовать обучение войск и общее устройство армейских инстанций, добившись лишь относительных успехов. На основе его миссии и сложилась почти вековая история прусско-германской военной помощи Османской империи. См. подр.: *Wallach J. L. Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Düsseldorf, 1976.* Келлек – местная разновидность речного баркаса.

Кречмар Вильгельм Иоганн (1871–1940), подполковник, специалист по железнодорожному строительству, в 1916–1917 гг. был начальником штаба 6-й османской армии, дослужился до генерал-майора.

Мечеть Наби Юни с могилой пророка Ионы была взорвана в 2014 г. боевиками ИГИЛ.

При крайне осторожной позиции официальной Швеции германофильство части ее правящих кругов, двора и особенно офицерского корпуса было очевидно. Многие шведские офицеры отправились добровольцами сражаться в германские войска, а шведские офицеры, служившие в реформируемой с 1911 г. персидской жандармерии, с началом активных боевых действий на территории Персии весной 1915 г. в большинстве своем открыто встали на сторону Центральных держав, а частью перешли на германскую службу, продолжая участие в Великой войне вплоть до ее завершения поздней осенью 1918 г.

Имеются в виду серия с трудом подавленных восстаний зейдитов в Йемене в 1904–1911 гг., итало-турецкая война 1911–1912 гг., Балканские войны 1912–1913 гг.

Она продолжалась с конца февраля 1915 г. до 9 января 1916 г., окончившись очень трудной, но стратегически важнейшей победой Центральных держав, после которой зависимость Османской империи от военной помощи Германии стала абсолютной.

То есть на реках Большой и Малый Заб.

Отто Лиман фон Сандерс (1855–1929), генерал от кавалерии и османский маршал. Руководитель германской военной миссии в Турции в 1913–1918 гг. В годы Великой войны руководил обороной Дарданелл, в начале 1918 г. сменил Фалькенгайна на посту главы группы армий «Йилдырым» и Азиатского корпуса. После интернирования и возвращения в Германию вышел в отставку. Автор мемуаров. Отличался чрезвычайно тяжелым характером, серьезно осложнив взаимоотношения германских и османских генштабистов.

В единственной современной биографии Фалькенгайна указывается, что Э. фон Фалькенгайн прибыл 9 мая и встретился с Энвером, а 13–29 мая в сопровождении О. фон Лоссова посетил оба турецких фронта, в Месопотамии и Палестине. Затем он выехал обратно в Германию – добиваться наращивания военной помощи для решения поставленных тяжелейших задач. К сожалению, глава о более девяти месяцах пребывания Фалькенгайна в Османской империи в этой книге очень коротка – около двенадцати страниц, еще три страницы описывают его вклад в предотвращение карательных акций против евреев-сионистов в Палестине осенью 1917 г. См.: *Afflerbach H. Falkenhayn: politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994. S. 471–485.* Некоторые фрагменты дневника приводятся и в первой и единственной официальной биографии Фалькенгайна: *Zwehl H. v. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie: eine biographische Studie. B., 1926. S. 266–298.*

Тем не менее следует иметь в виду, что при всех ошибках и недооценке отдельных трудностей в действиях Фалькенгайна прослеживается немалая настойчивость и логика, что признавали и его оппоненты. Именно Фалькенгайн, пользуясь своими связями в Берлине, особенно в военном министерстве, добился резкого увеличения объемов германской военной помощи Османской империи на периферийных фронтах, он сумел существенно нарастить силы Палестинского фронта, добиться массового выделения технических и транспортных частей, особенно автоколонн, а также 100 миллионов марок золотом на расходы и т. д. См. подр.: *Wallach J. L. Anatomie einer Militärhilfe. S. 210 ff.* Главная же его ошибка была в том, что он слишком полагался на привычные ему прусские реалии в решении вопросов и напрасно считал, что в Турции может сколько-нибудь пригодиться его китайский, а также румынский – в кампании 1916–1917 гг. – опыт. См. подр.: *Afflerbach H. Falkenhayn. S. 473–475.*

Имеются в виду события во время первой кампании Наполеона Бонапарта в Италии, начавшейся весной 1796 г.

И это тем более примечательно, с учетом огромного интереса к Багдадской магистрали, сложных германо-британских и германо-российских компромиссов по разделу сфер влияния в Османской империи в 1911–1914 гг. и на фоне настоящего культа Г. фон Мольтке – старшего, некогда сделавшего себе имя в ходе командировки в османскую армию.

Османского.

Так называли Константинополь германские офицеры и чиновники, это сокращение превратилось в почти официальное.

Кольмар фон дер Гольц (1844–1916), маршал османской армии, генерал-полковник германской армии. Прославился своей многолетней миссией в Османской империи в 1883–1895 гг., приведшей к существенному повышению ее боеспособности. Пользовался огромным авторитетом среди турецких элит, в том числе у младотурок, поэтому в 1915 г. был вызван из отставки и возглавил войска на фронте в Месопотамии. Лишь немного не дожил (умер от тифа 19 апреля 1916 г.) до капитуляции окруженных им осенью 1915 г. войск генерала Таунсенда. Эта победа стала сильным ударом по престижу Великобритании в мусульманском мире. Основная слава досталась Халилу-паше, так что пошли слухи об отравлении им престарелого маршала.

Более масштабное ликование в Турции вызвало отражение стратегической операции Антанты в Дарданеллах к началу января 1916 г., однако там успех оттенялся огромными потерями османских войск, не уступавшими тем, что понесли силы десанта и флота Британской империи и Франции.

Она комплектовалась в основном подданными Швеции с 1909 г. С началом боевых действий на территории Персии многие шведы с оружием в руках стали воевать на стороне Центральных держав, вступив в конфликт с российскими воинскими контингентами.

Имеется в виду наступление османских войск и их союзников в июле – октябре 1916 г., в ходе которого русские части в Персии под командованием генерала Баратова оставили Кум, Хамадан и Керманшах. Однако уже в конце 1916 г. ряд позиций был возвращен, ведь Баратов подавил попытку прогерманского переворота в Тегеране и перешел в контрнаступление. К апрелю 1917 г. зона контроля российских и британских войск в Персии была полностью восстановлена. Германская миссия (во главе с Р. Надольны) вынуждена была покинуть Персию.

См. подр. приложение V.

Арабское название междуречья Тигра и Евфрата, представляющее собой невысокое плато.

Но у меня была комиссия, а у немцев – деньги! (фр.).

То есть в каждой из армий, входивших в «Йилдырым».

Топал Исмаил Хаккы-паша, генерал-интендант турецкой армии в 1914–1918 гг. Крайне высокую степень коррумпированности Хаккы-паши, но при этом полную его незаменимость во главе интендантского ведомства подтверждал и хорошо его знавший еще с 1914 г. Кресс фон Крессенштейн: Kress von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 75.

Бедный Халил (фр.).

Джордж Адам Бизли (1870–1961), британский подполковник, топограф, один из основателей топографической аэрофотосъемки. Результаты его разведок привели к обнаружению развалин Самарры и ряда древних ирригационных сооружений. 2 мая 1918 г. был сбит и взят в плен турками. Освободился только в ноябре 1918 г.

Германские наступления в кампании 1918 г. на Западном фронте начались операцией «Михаэль» 21 марта 1918 г., приведя к серии тактических, но не оперативных успехов. Германская Ставка пыталась добиться если не перевеса, то хотя бы паритета в силах с армиями Антанты, однако всякие надежды на это рухнули в связи с быстрым формированием и переброской в Европу миллионов американских солдат.

Вальтер Хольштайн (1881–?), вице-консул в Мосуле с 1911 по апрель 1918 г. Затем продолжил дипломатическую карьеру по защите германских интересов в различных городах Турции вплоть до 1943 г.

Ныне Диярбакыр, после трагических событий 1915 г. население города уменьшилось наполовину.

Автор не точен. Перемирие в Брест-Литовске действовало поначалу десять дней, с 7 по 17 декабря, однако заключено было 15 декабря 1917 г. Однако на Кавказском фронте было подписано отдельное, Эрзинджанское перемирие, 18 декабря, так что османских войск в Месопотамии касалось в лучшем случае последнее, но не Брест-Литовское перемирие.

Так же Али-Ихсан Сабис (1882–1957), бригадный генерал, кадровый военный. Участник Балканских и Первой мировой войн, а также греко-турецкой войны, с 1922 г. в отставке. Последний командующий 6-й армией (с 30 июня 1918 г.).

Автор опять имеет в виду Брест-Литовское, а не Эрзинджанское перемирие, что примечательно. Далее он имеет в виду перемирие именно с теми русскими войсками, что действовали в Персии, а они, по-видимому, не признавали Эрзинджанского перемирия, а уж тем более Брестского (от 15 декабря 1917 г.).

Автор не вполне точен. Русская армия к тому моменту уже десять месяцев как не была царской, да и разложение в частях, действовавших в Персии, проявлялось куда меньше, чем в других соединениях Кавказского фронта.

Чарльз Вер Феррер Таунсенд (1861–1924), генерал-майор, командующий 1-й и 6-й индийскими дивизиями в Месопотамии в 1915–1916 гг. До конца войны оставался в плену, сыграл роль в заключении Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. Автор мемуаров.

Уильям Маршалл (1865–1939), британский генерал-лейтенант. Сделал быструю карьеру в ходе Первой мировой войны, сначала на Западном, потом на Салоникском фронте, потом получил под командование 3-й индийский («Тигрис») корпус в Месопотамии, с которым принял участие во взятии Багдада. Смог довести вверенные ему силы до 500 тысяч человек, успешно наступая в Месопотамии и добившись крушения османского фронта осенью 1918 г. Автор мемуаров.

Следует уточнить, что в боях на Западном фронте привлекались и индийские войска.

Позднее этот полный приключений путь даже описывался в мемуарной публицистике. См., напр.: *Volk H. Öl und Mohammed: «Der Offizier Hindenburgs» im Kaukasus*. Breslau, 1938. S. 79–170.

Для предотвращения конфликтов субординации поступившим на османскую службу германским офицерам еще с XIX в. присваивалось более высокое (на 1 или 2 чина) звание, чем у них было на прусской (баварской и т. д.) службе.

Это означает запас примерно на 4–5 дней действительно интенсивных боев.

Автор подчеркивает это особо, ведь в германской армии до Первой мировой войны и долгое время во время нее были специальные пулеметные роты.

Латиница (в рамках крупных реформ, заменивших османский язык на турецкий) была введена лишь при Кемале Ататюрке в 1928–1929 гг.

Тылы едят армию (фр.).

Джафар Тайаар-бей, позднее – Эгильмез (1878–1958), командующий 18-м корпусом, полковник. Позднее активно поддерживал Мустафу Кемалю, дослужился до генерал-лейтенанта. Сделал политическую карьеру.

Людвиг Шрауденбах (1872–1958), офицер Генштаба, полковник. После отставки в 1920 г. занялся литературным творчеством, см.: *Schraudenbach L. Muharebe. Der erlebte Roman eines deutschen Führers im osmanischen Heere 1916/17. München, 1925.*

Имеется в виду достаточно большого размера «Битва Александра», изображающая битву при Иссе 333 г. до н. э., Альбрехта Альтдорфера (1480–1538), одно из ранних и ярких произведений искусства Северного Возрождения.

Саффед-бей (Мустафа Саффет) (1879–1934), кадровый офицер османской армии, майор (1916), полковник (1926). Летом – осенью 1918 г. командовал рядом соединений группы армий «Восток» под Ахалкалаками и Ардаганом, примкнул к Мустафе Кемалю, сделал успешную военную карьеру на восточной границе Турции.

Селахэддин-бей (Селяхатгин) (1882–1949), кадровый офицер османской армии, полковник (1915), в полковники был произведен, по-видимому, позднее.

В действительности имели в виду перемирие и с другими Центральными державами, а не только с Германией.

Возможно: Бассри-бей Мехмет (1873–1917), дослужился до командира полка, погиб в финале кампании 1917 г. на Кавказском фронте.

Мы согласны! О, Селахэддин-бей – весьма исполнительный подчиненный (фр.).

Надежных сведений о езидской религии до сих пор очень мало, в том числе из-за настойчивой дезинформации со стороны ее приверженцев. 7 бронзовых фигурок птиц символизируют у езидов 7 основных ангелов.

Имеется в виду Ливийская наступательная операция британских войск во главе с будущим фельдмаршалом А. Уэйвеллом (1883–1950) в декабре 1940 – феврале 1941 г., приведшая к тяжелому поражению итальянских войск в Северной Африке, смещению фронта на 500 км к западу и необходимости более активного вмешательства Германии в бои за этот регион, выразившегося в прибытии в Тунис в середине февраля 1941 г. Африканского корпуса во главе с генерал-лейтенантом Э. Роммелем. Данная ремарка позволяет точнее датировать написание текста Э. Параквином – весна 1941 г., ведь иначе он, несомненно, упомянул бы в этом контексте еще более крупные успехи германских войск в войне в пустыне, положившие начало славе роммелевской тактики.

Франц фон Папен (1879–1969), был военным атташе в США, откуда был выслан за подрывную деятельность. В 1917–1918 гг. был 1-м офицером Генштаба «Йилдырыма» в чине майора османской службы. В ходе политической карьеры, сделанной благодаря прочным связям в окружении П. фон Гинденбурга, стал в 1932 г. рейхсканцлером, в 1933–1934 гг. был вице-канцлером в правительстве А. Гитлера. После перехода к последнему поста рейхспрезидента фон Папен был направлен послом в Австрию, обеспечив ее аншлюс, а затем в Турцию, где добивался нового германо-турецкого союза, однако достиг лишь ограниченных успехов. Осужден Нюрнбергским трибуналом, однако уже в 1949 г. вышел на свободу. Автор мемуаров.

Генерал-майор (в османской армии генерал-лейтенант) и будущий создатель рейхсвера Г. фон Сект (1866–1936) прибыл на новую должность в Константинополь 17 декабря 1917 г. после почти полутора лет работы в высших австро-венгерских штабах. См.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben. S. 15–16.*

Следует отметить чрезвычайно точную оценку автором численности боевого состава пехоты в англо-индийских дивизиях, где также были определенные проблемы с сохранением полного боевого состава при неуклонном разбухании тылов.

При переводе титулований соответствующих чинов были избраны российские аналоги, действовавшие в армии до начала деятельности Временного правительства в марте 1917 г.

Следует отметить, что характер Г. фон Секта удостоивался неоднозначных оценок среди коллег и подчиненных, хотя его высочайшего профессионализма никто из них не оспаривал. Специфическая манера общения и крайняя сдержанность не раз приводили к явным антипатиям и даже возмущению «бездушностью» Г. фон Секта, однако есть ряд свидетельств его приближенных, свидетельствовавших об иных сторонах натуры будущего создателя рейхсвера. См. подр.: *Baumgart W.* Das «Kaspi-Unternehmen». Hf. 2. S. 268–269; *Rabenau F. v., Seeckt H. v.* Aus seinem Leben. S. 711 ff.; General Ernst Köstring. *Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941* / bearb. von H. Teske. Bd. 1. Frankfurt/M., 1966. S. 50–52; BA-MA. N 123/24.

Весьма интересное признание от германского офицера, ведь неудачи войск Центральных держав в ходе контрудара русских войск на Волыни, а затем в попытках начать наступление на р. Стрыпе, затянувшихся – без всякого успеха – до середины декабря 1915 г., в германской литературе принято возлагать исключительно на австро-венгерские войска. См., напр.: *Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / bearb. von Reicharchiv. B., 1932. Bd. 8. S. 585–590.*

Майор из 14-го саперного батальона германской армии.

То есть достаточно быстрое и сильное.

Правил в 1623–1640 гг., принял активные меры для закрепления за Османской империей Месопотамии, отвоеванной у Сефевидов.

Старый мост в Мостаре был построен османскими властями в 1566 г., был разрушен во время войны в Боснии в 1992–1995 гг., но ныне восстановлен.

Автор ошибается. Как уже указывалось выше, Г. фон Сект прибыл к новому месту службы в Константинополь еще в середине декабря 1917 г., действительно сменив там полковника (генерал-майора османской службы) Фридриха Бронзарта фон Шеллендорфа (1864–1950), прослужившего на этом посту еще с довоенных времен, с февраля 1914 г., а теперь надолго оставшегося без назначения (лишь позднее он отправился на Западный фронт). Предшественник Секта лишился своей должности, несмотря на дружбу с Э. Людендорфом и Энвером, после затяжной серии конфликтов с Лиманом фон Сандерсом, а также благодаря давлению ряда других лиц, в том числе Э. фон Фалькенгайна.

То есть одной из разновидностей конъюнктивита, в 1918 г. ее распространение совпало с первой пандемией гриппа.

Роберт Иоганн Кольдевей (1855–1925) был одним из основателей архитектурной археологии, почти двадцать лет раскапывал Вавилон (работы прервало вступление британских войск в Багдад), исследовал ряд других памятников, в основном в Передней Азии. Юлиус Йордан (1877–1945) участвовал в раскопках Ашшура и Урука, продолжив работу в Ираке и в межвоенный период.

Имеется в виду персонаж-ростовщик пьесы «Венецианский купец» У. Шекспира, подчеркнуто отрицательный своей алчностью и упорным стремлением взыскать долг.

Pour le Merite – «За заслуги», известная в массовой культуре как «Голубой Макс» – высшая военная награда в Пруссии, награждения ею продолжались до отречения кайзера 9 ноября 1918 г.

При всей сомнительности военных талантов Энвера-паши автор все же не вполне точен. 36-летний к моменту описываемых событий лидер младотурок все же был не только кадровым офицером, но и окончил Академию Генерального штаба, а затем два года пробыл военным атташе в Германии. Разумеется, это не могло сделать его подходящей кандидатурой для Верховного Главнокомандования, но и представлять его чуждым военных вопросов политиком чрезвычайно не верно.

Доротея фон Сект (1872–1948), обладавшая значительным влиянием на мужа.

Вехиб-паша (1877–1940), впоследствии Вехип Качи. Османский генерал, брат Эссада-паши. Участвовал в битве на Галлиполийском полуострове, затем командовал 2-й армией и 3-й армией на Кавказском фронте, но действовал неудачно. Руководил наступлением османских войск после распада русской армии весной 1918 г. Не поддержал кемалистское движение и потому в 1927 г. был лишен турецкого гражданства, служил военным советником в Эфиопии. В 1939 г. вернулся в Турцию.

Хайле Селассие (1892–1975) был регентом (1916–1930), а затем последним императором Эфиопии в 1930–1936 и 1941–1975 гг. Относительно Муссолини автор не точен, итальянскими войсками в этой войне командовали Бадольо и Грациани, причем прорывал оборонительные позиции Вехиба-паши именно последний из них.

См. новейшую версию: *Astamadze G.* Deutsch-georgische Zusammenarbeit. О деятельности германской военной миссии в Грузии: Kreß von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 613–722.

Это резко осуждалось советской историографией, см., напр.:
Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М.,
1978.

Здесь и далее относительно этого инцидента автор не точен. Полковник Ф. Кресс фон Крессенштейн (1870–1948) на момент описываемых событий (12–18 июня 1918 г.) еще только формировал свою миссию в Германии, прибыв в Тифлис только 24 июня 1918 г. Немногочисленным германским контингентом и батальоном, сформированным из местных немцев – добровольцев и военнопленных, руководил капитан Генштаба Й. фон Эган-Кригер, высадившийся в Поти 8 июня с первыми двумя батальонами, прибывшими из Севастополя, который потом и передал руководство Крессу. Бои между германскими и турецкими войсками действительно были, обе стороны несли потери убитыми, ранеными и пленными. На грани вооруженных стычек из-за столкновения грузинских и турецких интересов были германские и османские войска и во время высадок протурецких сил в Абхазии, которые последовали уже после прибытия Кресса в Тифлис.

Талаат-паша (1874–1921), лидер младотурецкой партии, один из самых талантливых ее политиков и дипломатов. Организатор резни армян, великий визирь в 1917–1918 гг. Бежал в Германию, был осужден как военный преступник. Убит 15 марта 1921 г. См. прим. 1 на с. 109. Лишь недавно появилась первая его крупная биография иностранного авторства, см.: *Kieser H.-L. Talât Pascha.*

Нури-паша Киллигиль (1889–1949) был сводным братом Энвера и получил генеральское звание, хотя не имел никакого военного образования и опыта вплоть до Первой мировой войны. После окончания его миссии по поддержке Азербайджана политическую и военную карьеру продолжить не смог, несмотря на неоднократные попытки.

Здесь и далее: согласно принятой до 1920-х гг. и в России, и за рубежом терминологии «кавказскими татарами» принято было называть азербайджанцев и ряд близких им тюркоязычных этносов.

Официально протекторат Османской империи над Азербайджанской демократической республикой никогда не провозглашался, однако суть подписанных двусторонних соглашений о военной помощи и других видах сотрудничества сводилась именно к этому, что далеко не всегда устраивало азербайджанскую сторону.

На момент написания мемуаров этот город назывался (с 1935 до 1991 г.)Кировабадом.

Бичерахов Лазарь Федорович (1882–1952), генерал-майор. В годы Великой войны служил в частях генерала Баратова в Персии, затем возглавил их переформирования для борьбы против большевиков при британской поддержке. В июле 1918 г. заключил соглашение с Бакинской коммуной для отражения наступления Исламской армии, содействовал установлению диктатуры Центрокаспия. Затем вел бои против турецких войск и их союзников в Дагестане. С 1919 г. в эмиграции. См. подр.: *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия.

Правильно Лайонеля Данстервиля (1865–1946), который командовал так называемыми «силами Данстера» в Энзели, из которых и был выделен десант в Баку. Подр. см.: *Денстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / Пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925. Автор крайне не точен в описании обстановки, что особенно характерно с учетом того, что к моменту написания мемуаров прошло более двадцати лет, так что было достаточно возможностей для выяснения деталей. Вплоть до последних дней июля властью в Баку была Бакинская коммуна, державшаяся на политическом альянсе местных большевиков во главе со С. Шаумяном и армянской партии «Дашнакцутюн». Им удалось добиться взаимопонимания и с силами полковника Л. Ф. Бичерахова, получавшего помощь от британских сил в северной Персии во главе с генералом Данстервилем, однако ненадолго. Под влиянием поражений на фронте в середине – конце июля 1918 г. коалиция развалилась. Из-за вопроса о приглашении британских войск в Баку произошел переход власти к диктатуре Центрокаспия, а 31 июля 1918 г. в Баку начали высаживаться небольшие британские контингенты. Большевистские лидеры оказались под арестом, а позднее были казнены в Закаспии по распоряжению местных ориентированных на Англию органов власти. См. подр.: *Zürner W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*. Düsseldorf, 1978; *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918)*. Wien [u. a.], 1992; *Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924*. СПб., 2019.

Мюрсель-паша (1881–1945), впоследствии Мюрсель Баю, командир 12-й пехотной дивизии. Офицер Генштаба, был на стажировке в Германии. В 1918 г. произведен в полковники. В 1919–1921 г. был в британском плену. Затем дослужился до генерал-лейтенанта, сделал успешную военную, а потом и политическую карьеру.

Название выбрано удачно, не так ли? (фр.).

Тебриз был занят османскими войсками 27 июня 1918 г. То есть автор не вполне точно передает последовательность предпринимаемых младотурками экспансионистских проектов, хотя верно указывает на их взаимосвязь, забывая лишь о туркестанских амбициях, заявленных Талаатом еще на переговорах с главой германской дипломатии П. фон Хинтце в сентябре 1918 г. и увенчавшихся активным участием в событиях в регионе Джемалея и Энвера-паши в 1920–1922 гг.

Сложно сказать, кого конкретно автор имеет в виду, хотя престолонаследники действительно часто занимали пост губернатора Тебриза. Правивший в Персии с 1909 г. (до переворота в 1925 г.) Султан Ахмад-шах (1898–1930) к тому моменту едва достиг 21 года, его старший сын Фаридун-мирза родился в 1922 г. Возможно, имеются в виду другие принцы династии Каджаров, в том числе не имевшие права на престол в связи с особенностями происхождения, однако они не имели статуса престолонаследника, хотя и поддерживали контакты с германо-османскими эмиссарами, имея в виду свержение явно проантантовского Султана Ахмад-шаха.

Автор употребляет тюркское название озера Севан. По условиям Батумского мирного договора территория Армении сократилась до примерно 9 тысяч кв. км, на которых скопились сотни тысяч беженцев. См. о территориальных вопросах: *Bihl W. Die Kaukasuspolitik der Mittelmächte. Teil II. S. 239–240.*

Карл Вустров (1878–1920) добрался до Тебриза из Мосула 28 августа 1918 г., см. подр.: *Blücher W. v. Zeitenwende in Iran*. S. 124–125. Несмотря на разрыв дипломатических отношений между Персией и Германией и провал попыток добиться их возобновления в 1918 г., он упорно оставался на своем посту и погиб в июне 1920 г. во время беспорядков в городе.

Имеется в виду написанный как своего рода «немецкий Декамерон» сборник рассказов Э. Т. А. Гофмана, вышедший в 1819–1821 гг. Позднее от этого же произведения позаимствовало название и знаменитое литературное объединение русских писателей «Серапионовы братья».

Иоганн Генрих граф фон Бернсторф (1862–1939), был послом в Вашингтоне (до разрыва дипломатических отношений в феврале 1917 г.), а затем в Константинополе в августе 1917-го – ноябре 1918 г., где сменил отправившегося на Вильгельмштрассе Р. фон Кюльмана. Обладавший огромным авторитетом в германских элитах граф не раз рассматривался как возможный глава кайзеровской дипломатии, однако так им и не стал. Он оказал определяющее влияние на развитие германо-турецких отношений, смягчив ряд конфликтов между союзниками в финальной стадии Великой войны. См. подр.: *Bernstorff J. H. Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.*

Имеется в виду внешнеполитическое ведомство Германской империи. Бисмарк не раз высказывался об этом в мемуарах, вспоминая свою бытность послом, а затем и рейхсканцлером.

См. подр.: *Hovannisian R.* The Republic of Armenia. Vol. 1–4. Berkeley, 1971–1996; *Петросян Г. А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012.

Хотя армянский вопрос, в том числе судьба Восточной Армении, в Брест-Литовске действительно затрагивался, однако автор в этой изящной фразе совершенно не точен. Брест-Литовский мир от 3 марта вовсе не имел в виду создания независимых закавказских государств или их федерации. Никак не менял он статуса отошедших затем к Армении территорий Эриванской губернии, ведь он предусматривал лишь плебисцит в трех бывших санджаках Османской империи – Карсе, Батуме и Ардагане, – который мог привести к их воссоединению с Турцией и установлению таким образом границ между Османской империей и Россией (частью которой в Бресте по-прежнему полагали Закавказье), существовавших до 1877 г. Закавказское правительство не признало Брест-Литовский мир, спровоцировав дальнейшее наступление османских войск, особенно после неудачи мирных переговоров в Трапезунде в марте – апреле 1918 г., а затем не сумело договориться в Батуме об ином мирном договоре с Турцией вплоть до распада федерации 26–28 мая 1918 г.

Узун Хасан (1425–1478), самый крупный представитель династии из туркоманской конфедерации Ак-Коюнлу в 1453–1478 гг., который смог ненадолго стать правителем огромной империи в Иране, Ираке, Азербайджане и части Анатолии и Закавказья. По легенде принимал участие в штурме Константинополя.

Согомон Тейлирян (1897–1960), потерял в ходе геноцида армян всю свою большую семью. 15 марта 1921 г. он застрелил Талаата-пашу на улице в районе Берлина Шарлоттенбург, но на последовавшем за этим процессе был оправдан. См.: Der Prozeß Talaat Pascha. Stenographischer Bericht über die Verhandlungen gegen den des Mordes an Talaat Pascha angeklagten armenischen Studenten Salomon Teilirian / mit einem Vorwort von Armin T. Wegner. В., 1921.

Франц Карл Эндрес (1878–1954), майор, обер-квартирмейстер 1-й османской армии в 1914–1915 гг., в 1916 г. уволен в запас. После войны занялся публицистикой и военной социологией.

Якуб-Шевки-паша (Субаши) (1876–1939), османский генерал, участник Балканской, Первой мировой и греко-турецкой войн, командующий корпусом, 2-й и затем 9-й армией в 1918–1919 гг.

Ныне г. Гюмри.

Это не вполне так. Условия Батумских мирных договоров от 4 июня 1918 г. имели в виду в том числе и пропуск османских войск и эшелонов через территории Грузии и Армении, однако реализация договоренностей подрывалась действиями обеих сторон, в первую очередь продолжающейся турецкой экспансией.

Британских войск до 31 июля 1918 г. в Баку не было вовсе, вплоть до середины августа их численность была крайне незначительна. Под «русскими войсками» Э. Параквин имеет в виду либо войска Бичерахова, либо части, лояльные большевиками из Бакинской коммуны.

То есть на мазуте.

Кязым Карабекир-паша (1882–1948), кадровый офицер османской армии, участник Балканской, Первой мировой и армяно-турецкой войн, генерал, в 1918 г. – командующий 1-м армейским корпусом. Поддержал движение Мустафы Кемалю, в 1919–1921 гг. его войска заняли Карс и Нахичевань, активно участвовал в боевых действиях против грузинских и армянских войск, весной 1921 г. временно занял Батум, однако вынужден был его оставить в результате Московского договора между кемалистами и РСФСР. В дальнейшем – спикер Великого национального собрания Турции, с 1924 г. в оппозиции к Кемалю Ататюрку. Был известен крайней степенью шовинизма, проявлявшейся в том числе в германофобии.

Автор допускает крайне приблизительные написания ряда иранских топонимов.

Отцом Энвера был Ахмед-бей (ок. 1860–1947), занимавшийся на государственной службе строительством дорог и мостов в Македонии и женившийся там на албанке Айше Диляре. Автор несколько преувеличивает разницу в возрасте между отцом Энвера и его дядей Халилом-пашой.

Халил-бей Ментеше (1874–1948), один из лидеров младотурок, министр иностранных дел Турции в 1915–1917 гг., министр юстиции в 1917–1918 гг. Принимал активное участие в политической жизни кемалистской Турции, основав одну из оппозиционных партий.

Эмине Наджийе Султан (1898–1957), племянница Мехмеда V, вышла замуж за Энвера в 1914 г.

То есть во время возвращения лейтенанта 1-го батальона морской пехоты Э. Параквина после кампании в Китае против восставших ихэтуаней («боксеров»).

157

(Перебить) как собак и свиней! (фр.).

А мне, бедному турку, оставалось только быть съеденным этими русскими дьяволами (фр.).

Ной Виссарионович Рамишвили (1881–1930), меньшевик и министр внутренних дел Закавказского правительства, стал первым премьер-министром Грузии 26 мая – 24 июня 1918 г., которого как раз в день прибытия в Тифлис Кресса фон Крессенштейна сменил на этом посту Н. Н. Жордания, сохранивший должность премьер-министра вплоть до советизации Грузии. Рамишвили стал министром внутренних дел и продолжал играть видную роль (порой занимая сразу несколько министерских постов) в еще более прогерманском, нежели прежний, составе кабинета Жордания вплоть до его отъезда в эмиграцию в середине марта 1918 г.

Турция претендовала на передачу всей полосы территории от Карса до Александрополя и далее до Елизаветполя, а также на ее расширение на север за счет Грузии и на юг за счет Армении. Три «брестских» санджака – Карс, Батум и Ардаган – в Османской империи полагали уже присоединенными, хотя оформление этого через сомнительный плебисцит и затем фирманом султана последовало только в августе 1918 г.

Автор сильно преувеличивает. Н. Рамишвили, конечно, бывал в Финляндии, однако ни о каких десяти годах и речи быть не может, зато он более полутора лет провел в Лейпциге, где слушал лекции в университете.

По действовавшей в Финляндии конституции она оставалась Великим княжеством, поэтому после победы в гражданской войне белых в начале мая 1918 г. страну возглавил в качестве регента П. Э. Свинхувуд. Летом 1918 г. был поставлен вопрос о выборе на финляндский трон одного из германских династов, в том числе рассматривался вариант с одним из младших сыновей кайзера. После консультаций при дворе Вильгельма II трон в конце августа был предложен Фридриху-Карлу Гессенскому, который 9 октября 1918 г. был избран большинством голосов в парламенте. Правление германского принца так и не началось из-за поражения Германии в Великой войне, в связи с отставкой Свинхувуда и отказом самого претендента от всех прав на престол в декабре 1918 г. См. подр.: *Huldén A. Finnlands deutsches Königsabenteuer. Reinbek, 1997.*

Имеется в виду в первую очередь известный своими прогерманскими симпатиями и связями в Берлине князь Г. В. Мачабели.

Убийцей Рамишвили был Пармен Чануквадзе, которого часто ошибочно называют агентом ГПУ, хотя он категорически отрицал это, а до этого не раз принимал участие в боях с советскими войсками, в том числе во время восстания 1924 г. в Грузии.

Георг Альберт барон фон унд цу Франкенштайн (1878–1953), австрийский дипломат, в 1918 г. в ранге посольского советника представлял Австро-Венгрию в Тифлисе, в 1920–1938 гг. – посол Австрии в Лондоне. После аншлюса Австрии отказался вернуться на родину и натурализовался в Великобритании.

См.: Krefß von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 144–145.

Отто Хартманн (1884–1952), майор Генштаба при штабе группы армий F в июне 1916 – ноябре 1917 г., затем в штабе 6-й армии в ноябре 1917 – июле 1918 г., в штабе группы армий «Восток» в июле – октябре 1918 г. В годы Второй мировой войны был генералом артиллерии.

И еще один скандал с нашей стороны. Вернувшийся Хартманн сообщил, что поезд господина генерала был остановлен на четыре часа, несмотря на отданные мною приказы. Я прошу Вас предпринять серьезное расследование этого дела, которое меня опозорило, и даю слово господину генералу, что тот офицер, который допустил подобную глупость, будет наказан (фр.).

Высота Большого Арарата – 5165 м, Монблана – 4810 м, Малого Арарата – 3896 м.

Армянское правительство прибыло в Эривань из Тифлиса только к июлю 1918 г., уже после заключения Батумского мирного договора с Османской империей.

Арам Арутюнович Манукян (1879–1919), деятель армянского сопротивления во время погромов в 1894–1896 гг.; полномочный представитель армянского Национального комитета, в июне 1918 – январе 1919 г. – министр внутренних дел Республики Армения, занимал ряд других постов.

Имеется в виду ряд контактов между партией «Дашнакцутюн» и младотурецким движением в 1907–1908 гг., выступавшими против установленного тогда в Османской империи деспотического режима «зулюм», свергнутого в ходе младотурецкой революции в 1908–1909 гг.

Геворг V Тхипсеци (1847–1930), католикос всех армян в 1912–1930 гг., обладал огромным авторитетом в том числе благодаря своему участию в организации обороны Эривани в конце мая 1918 г.

Юлий II, папа римский в 1503–1513 гг., один из покровителей Рафаэля, который написал его портрет в 1511 г. Следующая ниже сцена описана и Крессом фон Крессенштейном: Kreß von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 652–655.

То есть на земли бывшей Российской империи, оккупированные в апреле – июне 1918 г. турецкими войсками.

Святой Григорий Просветитель (ок. 252–326), первый католикос всех армян, которому в 301 г. удалось убедить креститься царя Армении Трдата III и сделать христианство государственной религией страны. По легенде место монастыря в Эчмиадзине ему указал явившийся Христос.

Месроп Тер-Мовсисян (1865–1939), выдающийся ученый, историк церкви, археолог и теолог, архиепископ. См. о нем: Kreis von Kressenstein. Lebenserinnerungen. S. 633–635.

В том числе потому, что Армения к тому моменту тщетно пыталась добиться протектората и ввода хотя бы символического контингента не только германских, но и австро-венгерских войск. Этот вариант рассматривался в Берлине и Вене вплоть до конца августа 1918 г., однако практических последствий не имел.

Имеются в виду события, связанные с мощной контратакой Антанты 18 июля под Виллер-Коттре, которая привела к временному прорыву германского фронта, а затем к прекращению наступления кайзеровских войск на Марне и установлению неустойчивого равновесия в силах, сменившегося 8 августа началом мощного контрнаступления антантовских войск. К моменту описываемых событий – около 25 августа (см. приложение I) – известия о постоянном отходе с боями германских войск достигли и Закавказья.

Александр Хатисян (Хатисов) (1874–1945), член партии «Дашнакцутюн», член Закавказского правительства, премьер-министр Армении в 1919–1920 гг. Занимал ряд иных министерских постов, в том числе в описываемый период был министром иностранных дел. Умер в эмиграции.

Имеется в виду Г. Т. Гиоргадзе (1879–1937), грузинский меньшевик, военный министр в первых кабинетах Грузинской республики, с конца мая 1918 г. по февраль 1919 г. После советизации Грузии остался в стране, впоследствии репрессирован и казнен.

Азербайджанская демократическая республика, появившаяся 26–28 мая 1918 г., привела в том числе к появлению современного политического понятия «Азербайджан», наряду с прежним историческим термином.

Имеются в виду события 4–5 августа 1918 г., когда попытка захватить Баку неожиданно окончилась поражением войск османов и Исламской армии, хотя положение Бакинского совета уже две недели считалось безнадежным, а начавшаяся 31 июля 1918 г. высадка британского контингента радикально соотношения сил изменить не могла, но привела к резкому обострению отношений между большевиками, дашнаками и рядом других политических сил.

Под «царскими» понимаются войска монархической ориентации, которой якобы придерживался Л. Ф. Бичерахов, бывший в действительности республиканцем. Характерно, что Брест-Литовский мир не признавали очень многие акторы событий в Закавказье, включая правительства всех трех закавказских республик. Примечательно, что совершенно не упоминаются при этом вооруженные отряды других политических сил, оборонявших Баку: в том числе большевистской ориентации, а также сторонники партии «Дашнакцутюн».

Чтобы не подорвать наше положение в глазах всего мира, если Вы на то согласны, возьмем все турецкие силы в Батуме, а также германских стрелков, находящихся там же, и вместе с генералом фон Крессом двинемся, чтобы предпринять серьезную атаку Баку, а после взятия Баку все вместе выедем в Александрополь! (фр.). Под «стрелками» Халил имел в виду германских егерей, ведь о точном составе, расположении и численности германских сил в Грузии он явно имел самое приблизительное представление. См. подр.: *Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen»*.

Параквин в данном случае по меньшей мере не точен, причем, по-видимому, достаточно искренне ошибаясь в ряде военно-политических нюансов тогдашней обстановки в Закавказье. Полковник Кресс фон Крессенштейн действительно подчинялся и ОХЛ, и дипломатическому ведомству, однако задействовать войска мог лишь по приказу из Ставки. В его распоряжении были достаточно крупные силы не в Батуме, а уже собственно в Грузии, причем они сосредотачивались именно для будущих действий и на бакинском направлении. Под нажимом германской стороны еще в июне грузинское правительство вынуждено было согласиться предоставить возможность транзита османских военных эшелонов по своей территории, о чем Параквин не мог не знать после переговоров в Тифлисе в начале июля. См. подр.: *Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen»*. Обзор германской политики в Закавказье в общем контексте политики на Востоке в 1918 г. см.: *Ланник Л. В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г.* СПб., 2020. С. 383–458.

Одна из крупнейших немецких колоний на Кавказе, просуществовавших до сталинских репрессий. Ее жители в 1918 г. не раз обращались к германскому командованию в связи с опасениями погромов со стороны всех воюющих партий.

Нури-паша Киллигиль родился в 1889 г., то есть был младше Халила-паши на семь лет, а самого Параквина на тринадцать.

Таким образом, Э. Параквин пытается убедить в том, что захват нефтепромыслов для германо-османских войск являлся далеко не первоочередной задачей, хотя подавляющее большинство иных источников и историография исходят именно из такой мотивации Центральных держав в битве за Баку в 1918 г.

Условия Брестского мира (ст. 5) предусматривали либо отвод русских судов в русские порты, либо их разоружение. Действия Каспийской флотилии, таким образом, никак не противоречили Брестскому миру, тем более что его не признавала Азербайджанская республика, а войска Османской империи, подписавшей этот договор, давно вышли за пределы указанных в нем границ. Большевики (как и Германия) не признавали условий Батумских договоров от 4 июня 1918 г., на основании которых и были введены на территорию Азербайджана (также не признаваемого ни Москвой, ни Берлином) османские войска.

Так в тексте, скорее всего – довольно неточное название китайского топонима.

Лейтенант Э. Параквин участвовал в составе германского контингента в подавлении восстания ихэтуаней в 1900 г., упоминая об этом и в контексте встреч с Фалькенгайном, еще одним участником тех событий в Китае.

См. еще одно описание взятия Баку от побывавшего в городе месяцем позже Ф. фон дер Гольца: *Goltz F. v. d. Meine Entsendung nach Baku.*

Имеется в виду сформированная после ожесточенных политических дебатов и ряда демонстраций силы сторонников британского вмешательства 31 июля – 4 августа диктатура Центрокаспия.

Предположительно, имеется в виду Г. Бёппле, член «Немецкого союза образования» в Баку; проживал в немецкой колонии Элизабетталь (ныне – Азурети в Грузии).

Официального дипломатического признания Армении со стороны Германии (и других Центральных держав) так и не последовало, ряд контактов с лидерами Армении и прибытие ее эмиссаров в Берлин были попыткой защититься от жесткого давления Османской империи, нередко не готовой ограничиваться даже катастрофическими для Армении условиями Батумских мирных договоров от 4 июня 1918 г.

Примечательно, что Параквин убежден, что в составе лидеров Бакинской коммуны и Центрокаспия азербайджанцев нет вообще, а главную роль играют исключительно армяне.

Автор очень не точно передает фамилии деятелей Бакинской коммуны и командиров различных лояльных ей войск, поэтому встает проблема реконструкции.

В Закавказье к началу 1918 г. было достаточно много (по меньшей мере десятки тысяч) военнопленных из Центральных держав, которые принимали участие в различных боевых действиях, в том числе в составе большевистских сил в качестве так называемых интернационалистов.

Герберт Фольк (1894–1944), германский офицер. В октябре 1915 г. попал в русский плен, в 1917 г. бежал из Сибири на Кавказ, где сумел устроиться офицером разведки при миссии Кресса в Тифлисе. Более известна поздняя редакция его вышедшей впервые в 1918 г. (и переиздававшейся затем много раз) книги об этих же событиях: *Volck H. Öl und Mohammed*.

201

Примерно в 20 км от центра Баку.

Согласно наиболее распространенной версии, Халил родился в конце 1882 г., то есть ему вскоре должно было исполниться 36 лет.

В мае – июне 1918 г. военным министром был Хосров-бей Султанов (1879–1947), но после этого пост некоторое время оставался вакантным, в том числе в связи с полной зависимостью от Нури-паши. Имеется в виду Фатали-хан Хойский (1875–1920), который был первым главой правительства Азербайджанской республики, а военным министром стал лишь ненадолго в ноябре – декабре 1918 г. Он был убит в Тифлисе летом 1920 г. армянскими боевиками в качестве мести за расправы в Баку в сентябре 1918 г. Причастность к этому большевиков по меньшей мере дискуссионна.

Имеется в виду Али-ага Исмаил-ага Шихлинский (1863–1943), генерал-лейтенант РИА, ветеран русско-японской и Первой мировой войн, выдающийся артиллерист. Был помощником военного министра Азербайджана, после советизации остался жить на родине, преподавал военное дело. К сожалению, в своих мемуарах он почти ничего не написал о своей деятельности в АДР, см.: *Шихлинский А. А. Мои воспоминания*. М., 2015.

То есть генерал Данстервиль, датским консулом в Баку в 1908–1920 гг. был Эрик Биринг (1876–1964).

Л. Ф. Бичерахов был на тот момент полковником, да и подчинялись ему не только великороссы, хотя эти части считались – по политической ориентации их – именно «русскими», то есть белогвардейскими. В этих боях его войска не участвовали, ведь он фактически отказался от обороны Баку и отступил в Дагестан, где продолжил сопротивление турецкой экспансии, а также войну с местными союзниками большевиков. См.: *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов.

См. выше. прим. 3 на с. 104.

Э. Параквин сильно занижает численность турецко-азербайджанских войск, которая в более нейтральных источниках оценивается в 15–17 тысяч бойцов, то есть оказывается примерно равна численности всех защитников Баку.

Имеется в виду османская Ставка во главе с Энвер-пашой при фактическом руководстве генерал-майора Г. фон Секта.

Ох уж эти арабские «девчонки»! (фр.).

Господин полковник, начинается контратака! (фр.).

Бог мой, да это просто мечтания! (фр.).

В оригинале цитируются первые строчки из произведения Генриха Гейне «Валтасар», пересказывающего сюжет из библейской книги пророка Даниила.

Мене, текел, упарсин. Библейская аллюзия, связанная с рассказом о пирах Валтасара.

В лучшем случае на два месяца, до прибытия в Баку 17 ноября британских войск. В действительности очищение Баку должно было стартовать еще по условиям Мудросского перемирия, а потому о турецком флаге на Каспийском море уместно говорить лишь на протяжении около полутора месяцев, если не считать ноябрьской экспансии в Дагестане.

Помимо указанных выше датского консула Биринга и шейх-уль-ислама: шведским консулом в Баку с 1910 г. был К. Мальм, персидским консулом с 1911 г. – Давид Хан Носрат-оль-Везаре.

Благодаря сознательному саботажу турецких инстанций германские донесения в Закавказье и обратно нередко шли с огромным запозданием, особенно по маршруту Баку – Тифлис – Батум – Константинополь – Берлин. Надежной радиосвязи не было, хотя ее пытались наладить за счет корабельных радиостанций на прибывающих в Поти лайнерах, перевозивших беженцев, военнопленных и германские войска в Грузию.

Вплоть до 15–18 сентября продолжалось наращивание германской группировки в Грузии с целью дальнейшего наступления на Баку. Целый ряд германских инстанций был уверен, что взять Баку удастся не ранее середины октября, сильно переоценивая мощь британского десанта в городе и не желая допустить установления турецкого контроля над нефтепромыслами из-за жесткой позиции Советской России, угрожавшей масштабными диверсиями в случае захвата Баку именно турецкими войсками. Взятие Баку 14–15 сентября стало для германских инстанций, в том числе для АА и ОХЛ, полной неожиданностью, а начало резкого кризиса на Палестинском, Месопотамском и Салоникском фронтах заставило отказаться от планов в Закавказье. Параквин пытается сделать вид, что его участие в захвате Баку было несчастным случаем, следствием намеренной дезинформации турок, что не вполне убедительно с учетом имевшихся у него до этого сведений о резко отрицательном отношении кайзеровских инстанций, включая Кресса, к возможному взятию Баку Исламской армией.

Кресс фон Крессенштейн еще не знал о секретных дополнительных протоколах к Добавочному договору, которые детализировали в том числе и статью, посвященную Баку. Немецкий текст протоколов опубликовал В. Баумгарт: *Baumgart W. Die «geschäftliche Behandlung» des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918 // Historisches Jahrbuch. 1969. 89. S. 116–152.* Полностью текст этих протоколов был опубликован на русском лишь недавно: *Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному договору.*

В данном случае – от германской Ставки, находившейся тогда в Спа.

Между как минимум четырьмя, не считая Азербайджана: Советской Россией, Германской, Османской и Британской империями.

В действительности очень резкой реакция на взятие Баку была и у многих германских инстанций. С разной степенью искренности и изумления от внезапности успеха Нури-паши и бегства британцев из города высказывались в дневниках и телеграммах Кресс фон Крессенштейн, А. Хопман, Г. фон Сект, Э. Людендорф, П. фон Хинтце. Советская Россия действительно подготовила и отправила 20 сентября советскому полпреду в Берлине А. А. Иоффе (османского представительства в Москве не было с середины августа) соответствующую ноту, однако это было скорее шантажом, нежели готовностью к настоящему разрыву. Последовали сложные германо-турецкие и еще более сложные турецко-советские консультации, окончившиеся 5–8 октября сложным компромиссом на значительно более выгодных для РСФСР, нежели прежде, условиях. Практических последствий он не имел ввиду крайне быстрого изменения стратегической обстановки в Великой войне, начиная с 20 сентября. Конфликт между Берлином, Константинополем и Москвой при резкой дестабилизации обстановки в Закавказье представляет особый интерес в контексте истории дипломатических отношений и возможных альтернатив развития ситуации.

Так в тексте. Имеются в виду собственно британцы, а не солдаты индийских частей.

Противоречивые версии относительно виновных в масштабных пожарах распространены в литературе до сих пор.

То есть в сторону Каспийского моря.

Летом – осенью 1918 г. Германия не раз пыталась обеспечить присутствие в Баку своего консула, однако до взятия города войсками Исламской армии это было невозможно. В итоге консулом в Баку был назначен 8 октября Ф. Гробба, однако к своим обязанностям он приступить фактически не успел. См.: *Grobba F. Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatischer Tätigkeit im Orient.* Göttingen u. a., 1967.

Возможно: Миралай Насим-бей (1887–1921), офицер Генерального штаба, дослужился до начальника штаба дивизии, погиб в ходе греко-турецкой войны.

Ахмед Тевфик-паша Окдай (1845–1936), был османским послом в Берлине в 1885–1895, 1897–1898 и 1908, а также в Лондоне в 1909 г. Политический оппонент младотурок, о чем автор, по-видимому, не подозревал. Тевфик-паша также был великим визирем в 1909 г., в ноябре 1918 – марте 1919 г. и в октябре 1920 – ноябре 1922 г. Именно он возглавлял османскую делегацию на Парижской мирной конференции, а также стал последним главой правительства в докемалистской Турции. Его сын Исмаил Хакки Тевфик Окдай (1881–1977), кадровый офицер Генштаба, который после Великой войны перешел на дипломатическую карьеру, представляя Турцию в целом ряде консульств, в том числе в Москве и Вене.

Не вполне понятно, имеется ли в виду граф Г. фон Гертлинг, который в последнюю неделю сентября лишился своего поста в ходе правительственного кризиса, или уже Макс Баденский, ведь донесения приходили в Берлин из Тифлиса с такой задержкой, что, вполне возможно, они попали уже к новому рейхсканцлеру, занявшему этот пост 2–3 октября 1918 г.

Иоганн Лепсиус (1858–1926) был протестантским теологом, специалистом по истории и культуре Ближнего Востока и особенно Армении. Он издал крупнейший сборник документов, подвергающийся критике за тенденциозность подборки. Приводимый ниже в приложении отчет Параквина на имя генерала Г. фон Секта тоже был там опубликован: *Deutschland und Armenien 1914–1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke / hrsg. u. eingel. v. J. Lepsius. Potsdam, 1919. S. 441–447.*

Автор несколько приукрашивает заслуги Хартманна: в конце августа 1939 г. он действительно стал командующим 30-м армейским корпусом, однако занимал спокойный участок фронта на нижнем Рейне, да и на позднем этапе кампании 1940 г. во Франции играл явно второстепенную роль. Уже весной 1941 г. тяжело заболевший Хартманн был на некоторое время переведен в резерв. В дальнейшем он занимал командные должности лишь в тылу.

Зигфрид Хай (1875–1963), майор Генштаба. Он был женат на русской, долго жил в Петербурге, стал переводчиком во время переговоров в Брест-Литовске, затем был отправлен в посольство Мирбаха. Затем – уполномоченный военного министерства по Кавказу в 1918 г., с 1919 г. на службе в дипломатическом ведомстве. Сопровождал К. Радека при его возвращении в РСФСР в начале 1920 г. после почти годичного пребывания под арестом в Германии. В 1920-х гг. вновь работал в германском посольстве в Москве.

233

Об этом было объявлено 25 сентября 1918 г.

Точнее, Г. фон Сект в связи с тяжелым кризисом Центральных держав и на основе недавних германо-советско-османских компромиссов отдал приказ о выводе всех турецких войск из Закавказья еще 6 октября, а также об отзыве всех германских офицеров из частей группы армий «Восток». Вывод начался уже 10 октября.

235

Ну? Недовольны? (фр.).

Автор, по-видимому, не знал деталей сотрудничества Энвера с советскими властями в 1920–1921 гг., организованного при значительном участии германской стороны и лично Г. фон Секта и его адъютанта, будущего военного атташе в Москве в 1935–1941 гг. (сменившего на этом посту упомянутого выше О. Хартманна) Э. Кёстринга. Попытавшийся объединить вокруг себя басмачей Энвер погиб 4 августа 1922 г. в бою с советской кавалерией, причем, возможно, был зарублен, а не взят в плен потому, что ему таким образом отомстил – как и всем остальным лидерам младотурок – армянин, служивший в коннице РККА.

Сомнительно, чтобы стрелявший был именно русским, хотя это могли быть пробольшевистские повстанцы, которых нередко называли именно так, ведь отождествление понятий «русский» и «большевик» становилось все более частым уже тогда.

Значительное количество сведений о перебросках германских войск в черноморской акватории в финале Великой войны содержится в дневнике А. Хопмана (см. ниже), а также в документах, почти не вводимых в научный оборот: ВА-МА. РМ 41/59 и др.

Хотя такие слухи действительно ходили с первых чисел октября, антантовские корабли появились в Черном море лишь к концу ноября. Проблема с отплытием была вызвана сложнейшими перебросками войск, которые пытались осуществить германские инстанции, срочно отправлявшие подкрепления в Болгарию и Румынию, а также занимаясь выводом кайзеровских войск из Грузии. См. подр. дневник вице-адмирала А. Хопмана, который координировал эти усилия из Севастополя: *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. S. 455 ff.*

240

Имеются в виду горы Крыма.

В 1779 г. И. В. Гёте написал пьесу «Ифигения в Тавриде» на основе «Ифигении» Еврипида. Здесь цитируется в переводе И. В. Востокова.

Автор совершенно напрасно полагал, что автором открытой в 1905 г. к 50-летнему юбилею панорамы «Оборона Севастополя» был мюнхенский художник Б. Пигльхайн (1848–1894), с панорамой которого «Иерусалим в день распятия Христа» он был хорошо знаком. Возможно, Э. Параквин несколько не точно выразился относительно произведения Ф. А. Рубо, пострадавшего в 1942 г. во время эвакуации из взятого вермахтом штурмом Севастополя.

Этот вопрос стал все более открыто обсуждаться после второй и особенно после третьей ноты президента США В. Вильсона германскому рейхсканцлеру Макс Баденскому. Открыто заговорили о нем в рейхстаге депутаты от НСДПГ, в то время как в ОХЛ были убеждены, что отказ Вильсона вступать в переговоры с «военной диктатурой» в Кайзеррейхе является основанием для прекращения всякого зондирования о мире. Однако вместо этого от замысла введения диктата Ставки отказались, а Людендорф 26 октября был отправлен в отставку. В последующие дни окружением кайзера был предпринят ряд попыток уговорить кайзера спасти ценой отречения династию и монархию – по примеру Фердинанда Болгарского, отрекшегося в пользу проправившего еще 25 лет (до 1943 г.) сына Бориса, но они были тщетны вплоть до исторических событий 9 ноября 1918 г.

Альберт риттер фон Шох (1860–1943), генерал от инфантерии, командующий 63-м генеральным командованием с конца 1916 г. Единственное крупное соединение оккупировавшей Румынию группы армий А. фон Макензена начало спешное отступление из Румынии в начале ноября, ведь 10 ноября последовал ультиматум о выводе войск Центральных держав в 24 часа. Тем не менее большую часть инстанций и войск, хотя и не все военное имущество, удалось быстро вывести в Трансильванию и Венгрию. Большая часть командования германских войск была интернирована в конце декабря – начале января уже на венгерской территории под давлением французских эмиссаров. Побывавшие в плену уже после окончания войны вернулись в Германию лишь в июле – ноябре 1919 г.

Ныне г. Богумин (Чехия). Тогда – железнодорожный узел на австрийско-германской границе на Северной магистрали, ведущей из Вены в Краков.

По меньшей мере часть из нее, включая доклады Параквина, которые он цитирует в тексте, сохранилась: ВНStA-КА. МКr 1782/2.

Ныне г. Вроцлав (Польша).

Автор ошибается, от аноблирования генерал от инфантерии Карл Литцманн (1850–1936) отказался. Он был широко известен как организатор прорыва германских войск из окружения под Лодзью в ноябре 1914 г., а затем как покоритель крепости Ковно и Вильны. В эти дни его планировали назначить командующим войск обороны Отечества «Восток», но революция сорвала этот замысел. См.: *Litzmann K. Lebenserinnerungen: 2 Bde. B., 1927–1928.*

Одного из микрорегионов в Баварии, то есть относившаяся к Параквину с особым вниманием, как к земляку.

250

То есть солдат в полевой форме.

23 ноября 1891 г. в своей речи перед рекрутами гвардии кайзер (тогда 32 лет от роду) воскликнул: «При нынешних социалистических происках может дойти до того, что Я прикажу вам перестрелять ваших же родственников, братьев, даже родителей – от чего сохрани нас Господь, однако и тогда вы должны без колебаний последовать Моему приказу». Эта речь, как и многие последующие высказывания Вильгельма II, имела большой и крайне неприятный для германской монархии резонанс внутри страны и за ее пределами.

Николай Францевич Эрн (1879–1972), генерал-майор Генштаба Русской армии. Начальник штаба экспедиционного корпуса в Персии в 1915–1916 гг., в конце 1917 г. – обер-квартирмейстер 7-го Кавказского армейского корпуса. Участник Белого движения в составе ВСЮР. В эмиграции в Югославии, затем выехал в Парагвай, где прославился участием в боливийско-парагвайской войне. Умер в Асунсьоне. По-видимому, имеется в виду все же начало Октябрьской, а не Февральской революции в Москве.

Автор, по-видимому, имеет в виду две короткие речи кайзера Вильгельма II с балкона его дворца в Берлине 31 июля и 1 августа 1914 г.

«Партией большинства» после раскола называлась Социал-демократическая партия Германии во главе с Ф. Эбертом, от которой в апреле 1917 г. откололась более радикальная Независимая социал-демократическая партия Германии, ее лидерами стали Г. Гаазе и К. Каутский.

Филипп Шейдеман (1865–1939) был одним из лидеров СДПГ и статс-секретарем без портфеля в кабинете Макса Баденского, падению которого он весьма содействовал. Был членом первого революционного правительства – Совета народных уполномоченных, а затем в феврале – июне 1919 г. главой первого кабинета Веймарской республики. После прихода к власти нацистов был вынужден эмигрировать.

Это было в начале третьего дня 9 ноября. Всего двумя часами позже Германскую социалистическую республику провозгласил под бурное ликование лидер ультралевой группы «Спартак» Карл Либкнехт. Детали событий см.: *Jessen-Klingenberg M. Die Ausrufung der Republik durch Philipp Scheidemann am 9. November 1918 // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1968. 19. S. 649–656; Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967. С. 92–105.*

«Фауст». Часть первая, сцена 5. Перевод Н. А. Холодковского.

Geschichte der Familie Paraquin. Verfaßt von Ernst Paraquin 1876–1956. 2. Band. 1877–1940.

Габриэль риттер фон Зайдль (1848–1913), архитектор. Здание санатория в Бад-Кройцнахе (сегодня – отель) было, однако, построено его братом Эммануэлем риттером фон Зайдлем. Именно там 2 января 1917 – 8 марта 1918 г. размещалась императорская Ставка.

Эккарт барон цу Паппус унд Трацберг (1873–1934), адъютант военного уполномоченного Баварии при императорской Ставке 1914–1918.

Карл Хагенбек (1844–1913) превратил свою коллекцию диких животных в известнейший зоопарк Хагенбека, изменив представления об устройстве животных и организации массовых мероприятий с участием представителей фауны.

То есть к П. фон Гинденбургу (1847–1934), который с 29 августа 1916 г. занимал пост начальника Генерального штаба Действующей армии, а реально возглавлявший Ставку Э. Людендорф получил должность 1-го генерал-квартирмейстера. На период лета – осени 1917 г. пришелся пик их политического влияния, поэтому нередко заявляется об установлении в Германии военной диктатуры.

Бернхард фон Харц (1862–1944), генерал-лейтенант, был военным уполномоченным Баварии при Ставке в 1917–1918 гг.

Георг Ветцель (1869–1947), майор, в сентябре 1916 – сентябре 1918 г. начальник оперативного отдела ОХЛ, был снят со своего поста после явного поражения германских войск в кампании 1918 г. на Западном фронте, хотя вовсе не поддерживал замысел Людендорфа о нанесении главного удара во Фландрии и Шампани, выступая за выведение из войны Италии, с трудом выдержавшей поражение от австро-германских войск под Капоретто в октябре – ноябре 1917 г. Продолжил карьеру в рейхсвере до 1927 г.

Герман Мерц фон Квирнхайм (1866–1947), тогда – подполковник, один из близких соратников Гинденбурга, предполагаемый истинный автор мемуаров фельдмаршала. В 1919–1931 гг. отставной генерал-майор был президентом Рейхсархива, заложил основы германской официальной военной историографии межвоенного времени.

Элиза Параквин (1849–1930), урожденная Риттер.

267

Сорт ликера.

268

Сегодня его не существует, на этом месте Оранский парк.

Бодо фон Харбу (1880–1943), майор, служивший в оперативном отделе Ставки в 1917–1919 гг. Один из видных деятелей военного крыла Сопротивления, обвинен в коррупции, арестован и покончил с собой в тюрьме за полгода до событий 20 июля 1944 г.

Готфрид Федер (1883–1941), инженер, позднее он стал одним из нацистских экономистов и основателем «Немецкого союза борьбы по свержению долгового рабства» в 1919 г., его манифест был положен в основу первой экономической программы НСДАП.

Имеется в виду Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856–1921), рейхсканцлер в 1909–1917 гг., он лишился своего поста после тяжелого политического кризиса вокруг реформы прусского избирательного права и так называемой «мирной резолюции» рейхстага незадолго до этого, 13 июля 1917 г., после резкого ультиматума Людендорфа.

Аахен располагается у самой границы Германии. В августе 1914 г., а затем в ноябре 1914 – январе 1915 г. и в марте 1915 г. часть Восточной Пруссии оказывалась временно захваченной русскими войсками, что сопровождалось массовыми грабежами и значительными опустошениями.

Эрих фон Бонин (1878–1970), офицер Генштаба, дослужился до генерал-лейтенанта рейхсвера, ушел в отставку осенью 1933 г., во Второй мировой войне никакого участия не принимал.

19-я пехотная территориальная дивизия дислоцировалась до войны в Пльзене и была во многом укомплектована чехами. Летом 1917 г. во время наступления Керенского она потерпела тяжелое поражение, в том числе потому, что была подорвана мотивация из-за того, что в российском наступлении принимал участие Чехословацкий корпус.

Генрих граф фон Клам-Мартиниц (1863–1932), австрийский министр-президент 20 декабря 1916 – 23 июня 1917 г. Он был близок к эрцгерцогу Францу-Фердинанду и выступал с планами преобразования Австро-Венгрии в тройственную конфедерацию, что позволило бы ей дистанцироваться от крепнущей гегемонии Германии. Граф Оттокар фон Чернин (1872–1932) был министром иностранных дел Австро-Венгрии с декабря 1916 г. по середину апреля 1918 г. и вынужден был уйти в отставку после мощного скандала вокруг сепаратного зондирования мира Австро-Венгрии с Францией (за счет Германии) через принца Сикста Бурбона Пармского.

Об амнистии было объявлено 2 июля 1917 г. Возможно, именно она спасла жизнь Ф. Адлеру, который застрелил предшественника Клама-Мартиница во главе правительства графа фон Штюргка в конце октября 1916 г. и был приговорен к смертной казни, замененной на 18 лет тюрьмы.

Людендорф был совершенно прав, однако император Карл примерно на такой эффект и рассчитывал, намереваясь сорвать дальнейшую массовую вербовку Антантой подданных Австро-Венгрии в различные национальные части, в том числе чехословацкие, югославские, польские, румынские, итальянские.

Бюджетная комиссия рейхстага попыталась конституироваться в Главную комиссию, которая бы наряду с межфракционным совещанием лидеров фракции систематически добивалась хотя бы частичной парламентаризации государственного устройства Германии. См. подр.: *Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917 г.). М., 1957; *Schiffers R.* Der Hauptausschuss des deutschen Reichstages 1915–1918. Formen und Bereiche der Kooperation zwischen Parlament und Regierung. Düsseldorf, 1979.

Что и последовало ровно через неделю, хотя по-настоящему подходящей кандидатуры преемника у руководства Германии не было.

Оно состоялось 30 сентября 1745 г. под Соором в Чехии во время войны 1744–1745 гг., ставшей одной из составляющих войны за австрийское наследство 1740–1748 гг.

Томас Манн (1875–1955) на протяжении почти всей Великой войны занимал патриотические, а то и великодержавные позиции. Во Фридрихе Великом он видел образец, которому Германия должна следовать и в Первой мировой войне. Ведь в ходе Семилетней войны – что было лейтмотивом всей этой брошюры – он смог выстоять против сильной коалиции и отстоять статус Пруссии как великой державы. Следует отметить, что даже в германской исторической науке стечения обстоятельств, включая смерть императрицы Елизаветы Петровны, что позволили Пруссии выстоять в этой войне, давно уже принято называть «чудесами дома Гогенцоллернов».

Основатель гимнастики Фридрих Людвиг Ян (1778–1852) славился своей длинной бородой, как и граф Лайош Баттьяни (1806–1849), глава первого венгерского правительства в 1848 г., после подавления Венгерской революции казненный. Ирония Гинденбурга вызвана тем, что Чернин позволяет себе пользоваться терминами едва ли не из германофобской антантовской пропаганды, что тут же пытаются списать на особенности внешнего вида упомянутого депутата.

Зеки-паша (Халепли Зеки Бараз Колач) (1862–1943), турецкий генерал, представитель Османской империи при Ставке Вильгельма II. Участник Балканских войн и мирной конференции в Брест-Литовске. В 1920–1922 гг. начальник турецкого Генерального штаба.

Петр Ганчев (1874–1962), был военным атташе в Берлине в 1910–1913 гг., а затем представителем Болгарии при германской Ставке в 1915–1918 гг., убежденный германofil и сторонник вступления Болгарии в Великую войну. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске.

Из них ниже приводятся две статьи из «Берлинер Тагеблатт» от 24 и 29 января 1920 г., см. приложение II.

См. выше прим. 2 на с. 30.

См. выше прим. 1 на с. 40.

Автор не точно описывает ситуацию после битвы при Кунаксе в 401 г. до н. э. между претендентами на престол империи Ахеменидов. Упомянутая им победа Александра Македонского – в отечественной традиции при Гавгамелах – была одержана в 331 г. до н. э., став решающей в покорении Персидской державы великим полководцем.

289

В окрестностях Киркука.

Эрнст фон Друффель (1887–1961), драгоман при германском посольстве в Тегеране в 1916–1917 гг., который после разрыва дипломатических отношений с Персией вступил на военную службу.

Некоторые подробности деятельности германских миссий в Персии в этот период см.: *Blücher W. v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen*. Bieberach, 1949. S. 114–126.

Эта награда была учреждена в 1915 г. султаном Мехмедом V в подражание германскому Железному кресту и стала достаточно массовой.

См. прим. 2 на с. 65. Не понятно, имеет ли в виду Э. Параквин перемирие в Брест-Литовске или Эрзинджане.

Так в тексте.

27 января на протяжении тридцати лет правления последнего кайзера было едва ли не главным праздником Германии, по меньшей мере в военной и чиновной среде, в том числе потому, что именно в этот день производилась раздача новых чинов и наград.

В XVI–XIX вв. ряд восточнохристианских церквей вступили в унию с Римской католической церковью, получив название Халдейской церкви. При поддержке католических орденов и европейских держав она достигла крупных успехов в миссионерской деятельности, особенно на севере Ирака, однако пережила мощный удар во время этнических и религиозных чисток в 1915 г.

Первый за Великую войну мирный договор – между УНР и Центральными державами – был подписан в ночь на 9 февраля в Брест-Литовске, 10 февраля вечером глава делегации Советской России, которую в Германии после отделения Украины нередко именовали Великороссией, Л. Д. Троцкий заявил об отказе подписывать мир на предъявленных противной стороной условиях, о прекращении военных действий и начале демобилизации российской армии. Это вызвало сильное недоумение делегаций Центральных держав, так что в течение нескольких дней не было уверенности в возобновлении боевых действий. Кампания 1918 г. на Восточном фронте началась в полдень 18 февраля в связи с истечением семидневного срока после прекращения переговоров о мире.

Автор не точно излагает события. Хотя действия османских войск в Палестине были не вполне удачны, однако существенных перемен к худшему в обстановке именно в феврале 1918 г. на этом театре военных действий не последовало. Основными причинами отставки Фалькенгайна с поста командующего «Йилдырыма» стали невозможность совместной работы с Энвером и Джемалем-пашой и ожесточенные конфликты с Лиманом фон Сандерсом. Людендорф, неприязненно относившийся к Фалькенгайну, воспользовался этой возможностью, чтобы отправить его на еще менее перспективный пост – командующим 10-й армией, которая тогда оккупировала Литву и большую часть Белоруссии. Доммес получил назначение на Западный фронт.

См. подр. прим. 1 на с. 88.

Автор ошибочно причисляет к бедуинам и кочевых курдов. Активно развивал связи с местными акторами, соперничая в славе с полковником Лоуренсом, Вильгельм Вассмусс (1880–1931), консул в Бушире в 1913–1914 гг.; в 1915 г. руководитель экспедиции, призванной поднять восстание в Персии, однако цели своей добился лишь частично, так что с трудом избежал гибели, а затем продолжительного плена. См. подр.: *Kreutzer S. M. Wilhelm Waßmuß – Ein deutscher Lawrence // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 91–110; Göttrup H. Wilhelm Wassmuss: Der deutsche Lawrence. B., 2013.*

Этот город эллинистического и парфянского времени был разрушен в середине III в. н. э. В начале XX в. в нем вели раскопки германские археологи. Хатра сильно пострадала от действий ИГИЛ.

Автор допускает ряд ошибок в топонимах, в частности под Мандассоном имеется в виду, видимо, Караман. 6 сентября 1917 г. в результате диверсии (принятой за неосторожность) взорвались поезда с боеприпасами и оснащением для «Йилдырыма», сооружения вокзала Хайдар-паша были сильно повреждены.

Филипп фон Хеллинграт (1862–1939), баварский генерал от кавалерии, прославился боями на Восточном фронте в 1914–1916 гг., с декабря 1916 г. по ноябрь 1918 г. – последний военный министр королевства Бавария.

См. прим. 3 на с. 123.

Это совершенно не верно. Нури действительно играл определяющую роль в военной кампании летом – осенью 1918 г., однако основателем Азербайджана как государства не может считаться ни в коей мере.

См. прим. 2 на с. 110.

Автор в своих оправданиях неубедителен. И в германской, и в османской Ставке прекрасно знали о том, сколь острой будет реакция Советской России на возможный захват Баку. Желанный повод к активизации давали лишь переход власти к Центрокаспию и высадка в городе британских войск. Тем не менее и до этого Исламская армия (считавшаяся добровольческой и азербайджанской, а не турецкой) прилагала все усилия к захвату города, а ее неподотчетность османской Ставке и Халилу-паше является крайне неубедительной отговоркой.

Имеется в виду Центрокаспий. Расчеты его сторонников строились на надежде на быстрое наращивание британского контингента в городе, обещанное Данстервилем, а также определенной уверенности в себе после отражения османского штурма 4–5 августа.

См. приложение III.

310

См. прим. 3 на с. 156.

Ныне г. Брашов в Румынии.

Это было следствием третьей ноты Вильсона, см. прим. 5 на с. 157.

Людвиг III Виттельсбах, король Баварии в 1913–1918 гг., он был низложен 7 ноября, однако официальное отречение всей династии Виттельсбахов, правившей в Баварии более семи столетий, последовало намного позже.

Ойген риттер фон Шоберт (1883–1941), командующий 7-м корпусом в 1938 г., генерал-полковник в 1940 г. Командующий 11-й германской армии, вторгшейся в СССР с территории Румынии. Погиб в авиакатастрофе в сентябре 1941 г. под Николаевым. Убежденный сторонник нацизма.

В кайзеровской армии, состоявшей из контингентов германских королевств, помимо общеимперской кокарды носили и еще одну, цветов Пруссии, Баварии, Саксонии или Вюртемберга.

Альберт Россхауптер (1878–1949), член фракции СДПГ в баварской Палате депутатов в 1907–1918 гг., в кабинете Эйснера (ноябрь 1918 – февраль 1919 г.) был «государственным министром по военным делам». Глава этого правительства К. Эйсер, член НСДПГ, еврейского происхождения и уроженец Берлина, лидер революции в Баварии, был убит ультраправым террористом графом фон Арко ауф Валлей в Мюнхене 21 февраля 1919 г., после чего быстро последовала эскалация внутривнутриполитического кризиса, а затем вспышка гражданской войны.

«Мюнхенер Пост» была ежедневной социал-демократической газетой, выходившей в 1887–1933 гг.

Макс Левин (1885–1937), германский и российский коммунист, член РСДРП(б), солдат-фронтовик кайзеровской армии, один из основателей Коммунистической партии Германии и лидеров Баварской советской республики в апреле – мае 1919 г. С 1921 г. жил в СССР, репрессирован и казнен. См. подр.: *Ватлин А. Ю.* Советское эхо в Баварии. М., 2014; *Ватлин А. Ю.* «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М., 2012.

Благодаря нелегальным большевистским эмиссарам на территории Германии (К. Радеком и др.) в конце 1918 – начале 1919 г. были осуществлены масштабный перевод и издание на немецком языке многочисленных брошюр со статьями Ленина и других деятелей Советской России.

Лидеры КПГ К. Либкнехт и Р. Люксембург после подавления восстания ультралевых в Берлине были 15 января 1919 г. казнены без суда бойцами фрайкоров под командованием В. Пабста, а их трупы выброшены в Ландвер-канал. Позднее был суд, но Пабсту удалось скрыться и избежать ответственности. См. подр.: *Gietinger K. Der Konterrevolutionär. Waldemar Pabst. Eine deutsche Karriere. Hamburg, 2009.*

Антон граф фон Арко ауф Валлей (1897–1945), баварский лейтенант, он застрелил главу революционного правительства 21 февраля 1919 г. После ряда смягчений судебного приговора был окончательно помилован в 1927 г. В дальнейшем политической роли не играл, хотя у нацистского режима вызывал подозрение.

Эрнст Толлер (1893–1939), революционер; после смерти Эйснера стал главой баварских «независимцев», в июне 1919 г. он был осужден к пяти годам заключения в крепости. Покончил с собой после победы Франко в гражданской войне в Испании.

Йоханнес Хофманн (1867–1930), баварский премьер-министр в марте 1919 – марте 1920 г.; в апреле 1919 г. ему пришлось бежать в Бамберг во время кратковременной Баварской советской республики, а 2 мая он смог вернуться в Мюнхен с войсками рейхсвера.

Возможно, но маловероятно, что этим обер-лейтенантом был Отто Бройтигам, впоследствии сыгравший заметную роль в германской политике на Востоке, став одним из крупных чинов в ведомстве А. Розенберга.

Арнольд риттер фон Мель (1867–1944), был преподавателем Военной академии в 1906–1909 гг., а в 1913–1914 гг. ее директором. В начале апреля 1919 г. он возглавил отправленные для разгрома Советской Баварии войска баварских и вюртембергских частей рейхсвера и фрайкоры. Затем был командиром 7-й (баварской) дивизии и командующим 7-м военным округом в 1920–1923 гг. Генерал от инфантерии.

Рудольф Эгльхофер (1896–1919), участник матросского восстания в Киле, комендант Мюнхена в апреле 1919 г. и один из предводителей Красной армии Баварской советской республики, расстрелян 3 мая 1919 г.

Опубликовано в: Berliner Tageblatt. № 43 (24.01.1920). S. 1; № 50 (28.01.1920). S. 1–2.

Порывом, запалом (фр.).

Это политическое мифотворчество весьма интересовало германских специалистов во время Второй мировой войны, см., напр.: *Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken.*

«Комитет единения и прогресса» был основан в Османской империи в 1889 г., ставя своей задачей борьбу против режима «зулюм» Абдул-Хамида II. В ходе путча 1908 г. им – уже тогда называемым младотурками – удалось восстановить действие конституции 1876 г. и в 1909 г. заставить султана (умершего лишь в начале 1918 г.) отречься от престола. Окончательно власть в руках младотурок закрепилась после государственного переворота в январе 1913 г., вызванного катастрофическими поражениями их политических оппонентов («Свободы и согласия», иттиляфистов) в 1-й Балканской войне.

Имеются в виду события 25–28 мая 1918 г., когда в ходе спешных переговоров на фоне развала Закавказской федерации делегатом Кайзеррейха и военным атташе в Османской империи генерал-майором О. фон Лоссовым и грузинскими лидерами был подписан ряд соглашений, ставших основой для действий германской миссии в стране и ввода в Грузию германских войск. Их тексты неоднократно публиковались, см., напр.: Политика Германии в Закавказье в 1918 году / Сб. документов. Сост. Г. В. Пипия. Тбилиси, 1971. См. также прим. 1 на с. 23.

Автор крайне не точен. Хотя договор от 3 марта не исключал такой возможности, однако по состоянию на фронтах к тому моменту, а также по букве Брест-Литовского мира переход трех санджаков, включая Батум, к Турции оставался далеко не предрешен. Судьба этих территорий определилась не благодаря, а вопреки Брест-Литовскому миру, который гласил (статья 4): «Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции. Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией». См. прим. 2 на с. 107.

Это иллюзии. При наличии в стране действительно симпатизировавшей младотуркам группировки младоафганцев афганский эмир Хабибулла-хан, его брат Насрулла-хан (быстро свергнутый после вступления на трон в 1919 г., а затем убитый в тюрьме) и наследник Аманулла-хан вынуждены были лавировать в основном между Россией и Великобританией. Турецкое влияние, даже при поддержке Германией в годы Великой войны, никогда не являлось в Афганистане определяющим.

В данном случае суннит Халил-паша грубо недооценивал влияние шиитов в ряде регионов исламского мира и за пределами Персии.

Нури-паше в 1918 г. исполнилось 29 лет.

Под четвертой республикой автор имеет в виду правительство провозглашенной, но никогда не контролировавшей свою территорию даже наполовину Республики горцев Северного Кавказа, никогда не входившей в состав Закавказской федерации, но готовой к различным взаимовыгодным сделкам с ней, а также с Османской империей и Германией.

См. прим. 1 на с. 105.

См. прим. 1 на с. 133.

Автор сильно преувеличивает успехи турецкого влияния. Союз горцев охотно переориентировался бы на Германию, однако довести переговоры до дипломатического признания и даже крупной военной помощи со стороны Берлина его лидеры так и не смогли. Германогрузинские войска дважды сорвали попытки турецкого десанта закрепиться в Абхазии и заставили турок оставить ряд районов Джавахетии. С огромным неудовольствием Нури-паша вынужден был допустить в Баку германскую миссию, которая, несомненно, быстро потеснила бы турок в контроле над городом, тем более что азербайджанские политики были весьма недовольны уготованной им ролью османского вассала на грани аннексии.

Свен Хедин (1865–1952), крупнейший шведский географ, исследователь и публицист, один из самых известных пропагандистов, действовавших в годы Великой войны против Антанты на благо Германии. Написал ряд книг о победах германского оружия. Здесь имеется в виду глава об армянских беженцах на Кавказе в его работе: *Hedin S. Bagdad, Babylon, Ninive. Leipzig, 1918. S. 60–72.*

Хотя автор переключился в своем рассказе с Эривани на Тифлис (да и далее несколько путается в географии Закавказья), следует отметить, что в армянской традиции спасителем Эривани считаются собственно армянские войска, одержавшие описываемую в эпических тонах победу над турками при Сардарапате в последних числах мая, что и остановило их продвижение хотя бы на этом направлении. В 1970-х гг. на местах этих боев в армянском Армавире был открыт мемориал.

Карабекира. См. прим. 1 на с. 112.

Это случилось уже после ввода в Константинополь сначала флота, а затем десанта Антанты в конце 1918 – начале 1919 г. Халил-паша смог при помощи советского эмиссара в Турции А. Е. Скачко бежать через Дагестан в Москву, где сыграл выдающуюся роль в становлении большевистско-кемалистских контактов, а в 1923 г. после установления в Турции республики смог вернуться на родину.

Так в Турции и Болгарии, а также в Македонии называли повстанцев и членов подполья.

В 1918 г. разгорелась острая борьба за захват бывшей российской сферы влияния на всем Среднем Востоке и в Центральной Азии, где фаворитом была Великобритания, однако немалые усилия успели приложить и германо-турецкие эмиссары, а с начала 1919 г. стало неуклонно крепнуть влияние большевиков. Эта тема пока не вполне раскрыта в международной историографии, однако за последние годы вышел ряд важнейших публикаций: *Mark R. A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924.* Paderborn u. a., 2013; *Noack D. X. Die Ränkespiele der Großmächte im Raum Turkestan 1914–1919 // Erster Weltkrieg. Globaler Konflikt- lokale Folgen / hrsg. von S. Karner, P. Lesiak.* Innsbruck; Wien; Bozen, 2014. S. 403–426; *Улуян А. А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство.* М., 2019; *Советская Россия в «Большой игре» 1919–1925 / Сб. док-тов. Сост. Ю. Н. Тихонов.* М., 2019.

346

См. прим. 2 на с. 65 и прим. 1 на с. 160.

Рудольф Надольны (1873–1953), один из самых влиятельных германских дипломатов в эпоху мировых войн, в 1916–1917 гг. был поверенным в делах в Керманшахе, после этой миссии он возглавил «русский» реферат в германском внешнеполитическом ведомстве, сыграв огромную роль в отношениях России и Германии в финале Великой войны. См. подр.: *Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehher? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.* К сожалению, в единственном тематическом сборнике документов о нем персидскому этапу почти не уделено внимания, а мемуары Надольны своей достоверностью и полнотой оставляют много вопросов: *Nadolny R. Mein Beitrag. Köln, 1985 (Wiesbaden, 1955).*

Адольф Фридрих Мекленбургский (1873–1969), полковник, губернатор Того в 1912–1914 гг., в 1916 г. несколько месяцев возглавлял германскую военную миссию в Персию. Был известен как один из самых яростных германских аннексионистов, призывая к всемерному расширению зоны влияния Кайзеррейха на Востоке. Безуспешно пытался добиться для себя трона Финляндии, а затем Балтийского герцогства. См. подр.: *Menger M. Das Scheitern der Ambitionen des Herzogs Adolf Friedrich zu Mecklenburg auf den finnischen Königsthron im Jahre 1918 // Finland Studien. Bd. 3. Wiesbaden, 2013. S. 113–126.*

Уильям Макдоуэлл (ум. 1925), британский консул в Керманшахе с 1909 г.

Автор явно не вполне владел информацией о ситуации в Персии и сам. После русско-британского компромисса 1907 г. и ряда беспорядков и переворотов в Персии зафиксированный раздел сфер влияния между Лондоном и Петербургом претерпел ряд проверок на прочность. Попытки Германии как-либо подорвать этот взаимовыгодный, но непростой баланс оставались неудачными вплоть до большевистского переворота в России.

То есть добиться относительно нее проведения принципа «открытых дверей», как это было сделано по инициативе США в Китае после подавления восстания ихэтуаней с помощью иностранной интервенции.

Экспедиция в Афганистан, где отличился О. фон Нидермайер, последовала в 1915–1916 гг. и действительно не оправдала преувеличенных ожиданий, хотя и не была столь бесполезна, как хочет уверить читателя Э. Параквин. Объявление османским султаном как халифом правоверных джихада странам Антанты должно было, по замыслу авторов этой идеи, привести к тотальному восстанию мусульман в колониях, однако ничего подобного, не считая локальных инцидентов, не произошло.

В действительности Хабибулла-хан позволил индийским революционерам активно действовать в Кабуле и даже сформировать теневое правительство, а в итоге пришел к мысли о необходимости провозглашения независимости от британского протектората, за что, по-видимому, и заплатил жизнью в феврале 1919 г.

Автор намекает на ряд вызвавших негативную реакцию воинственных заявлений Вильгельма II.

Пьер Герле, посольский секретарь, в 1940–1942 гг. французский посол в Будапеште. Теофиль Делькассе (1852–1923) был министром иностранных дел Франции в 1898–1905, 1914–1915 гг.

До сих пор масштабы германской деятельности на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке остаются недооцененными, хотя за последние годы вышел ряд важнейших работ по отдельным аспектам этих усилий. См., напр.: *Kreutzer M. S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918)*. Graz, 2012; *Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / hrsg. von W. Loth, M. Hanisch*. München, 2014.

Две правоконсервативные партии Веймарской республики (ННП и НННП), которые в итоге постепенно пришли к необходимости сотрудничества с нацистами несмотря на первоначально крайне скептическое к ним отношение многих лидеров консерваторов.

Опубликован: Deutschland und Armenien 1914–1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke / hrsg. u. eingel. v. J. Lepsius. Potsdam, 1919. S. 441–447.

Позиция русских антибольшевистских сил на Каспии изложена:
Лишин Н. Н. На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.

См. приложение IV.

360

См. выше прим. 1 на с. 142.

Речь идет о генерал-лейтенанте Али-Ага Шихлинском, прим. 2 на с. 133.

362

См. перевод на с. 153.

Ранее не публиковалась. Машинописная копия, без указания места и даты: PA AA. RZ 201/11060/288-291 (Russisch-Asien, Band 26. 25. September – 12. Oktober 1918).

В документе везде проставлено «8», то есть август, что является явной ошибкой при приеме и последующем копировании телеграммы. При публикации «августа» везде исправлено на «сентября», без потери истинного содержания.

См. выше приложение III.

В ходе активных военных действий в Баку 30 марта – 1 апреля 1918 г. азербайджанские националисты были вынуждены бежать, в городе установлена власть коалиции из дашнаков и большевиков, правивших в Бакинской коммуне. Последовали массовые расправы над азербайджанским населением, количество жертв в которых, по данным азербайджанской стороны, оценивается в 12 тысяч человек. В современном Азербайджане 30 марта – одна из траурных дат. Оценки количества убитых в Баку в сентябре армян варьируются от 9 до 30 тысяч.

367

Бирингом, см. прим. 3 на с. 133.

368

Эта более подробная версия также сохранилась в фондах Политического архива: RZ 201/11061/36-44.

Артур Густавович Лесснер (1867–?), из династии промышленников немецкого происхождения, генеральный директор нефтяной фирмы братьев Нобель в Баку в 1917–1920 гг.

Остров недалеко от Баку. В годы Первой мировой войны использовался как лагерь военнопленных (не только турок, но и немцев), славившийся наиболее тяжелыми условиями пребывания. Это было одним из предлогов усиленной активности германских эмиссаров, пытавшихся попасть в Баку еще до свержения Бакинской коммуны. См. подр.: *Пахалюк К. А. Пространство плена Первой мировой: лагерь для турецких пленных на острове Нарген // Международная жизнь: Великая война. Начало. М., 2014. С. 100–128.*

См. также о флотилии белых и о Бичерахове прим. 2 на с. 201, прим. 3 на с. 124.

Эта миссия капитана Вагнера вскоре состоялась. См. подр.:
Baumgart W. «Kaspi-Unternehmen». S. 113–115.

Султана Мехмеда VI.

Имеется в виду его оккупация войсками Центральных держав в декабре 1916 – ноябре 1918 г. под общим командованием германского генерал-фельдмаршала А. фон Макензена.

С учетом крайней информационной недостаточности, неожиданной для многих слабой активности британцев по наращиванию сил в Баку и фактически своевольных действий Нури-паши это не удивительно.

Что подразумевалось Добавочным договором, секретными нотами к нему и рядом согласованных в конце сентября – начале октября германо-советско-турецких соглашений. См. прим. 1 на с. 143.

Таким образом, Лесснер выехал почти немедленно после получения известий о взятии Казани большевиками, что давало определенные надежды на сохранение под их контролем Поволжья и остановку наступления проантантовских сил.

Весьма не точно. Германские эмиссары часто называли «меньшевиками» любых противников большевиков из числа социалистов. Глава Закаспийского временного правительства в июле 1918 г. – январе 1919 г. Ф. А. Фунтиков (расстрелян в 1926 г. за казни большевистских комиссаров в 1918 г.) был правым эсером, он действительно пользовался активной поддержкой британского генерала У. Маллесона. Большевики в Туркестане базировались на Ташкент и пользовались активной поддержкой «интернационалистов», однако среди них были далеко не только венгры, да и численность их была существенно выше.

379

Так в тексте.

То есть в германскую миссию в Грузии, к генералу Ф. Крессу фон Крессенштейну.

Фридрих барон фон дер Гольц (1873–1945), полковник, член германской миссии на Кавказе. Был отправлен в Баку в надежде, что авторитет его покойного родственника генерал-фельдмаршала К. фон дер Гольца заставит Нури-пашу допустить кайзеровских эмиссаров в Баку. Этот расчет частично оправдался, однако времени до выхода Турции из войны оставалось слишком мало. Более подробная версия событий его авторства: *Goltz F. v. d. Meine Entsendung nach Baku.*

Доклад был направлен генералу Крессу фон Крессенштейну в Тифлис, который 25 октября переслал его с короткой сопроводительной запиской рейхсканцлеру Макс Баденскому. Копия этого доклада была получена во внешнеполитическом ведомстве в Берлине 9 января 1919 г., где он и сохранился: РА АА. RZ 201/11061/329-331.

См. прим. 4 на с. 209.

384

Турецкий аналог звания майора, то есть командира батальона.

Непубликованная машинопись мемуаров генерал-лейтенанта Оскара Альберта Грессманна (1861–?) с небольшими дополнениями и рукописной правкой. Копия. Хранится: Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek. Handschriften und Seltene Drucke. Acc. Mss. 1993.14. Еще одна версия сохранилась в Военном архиве во Фрайбурге: ВА-МА. MSG 2/4865.

Э. фон Фалькенгайн к тому моменту (и до 29 августа 1916 г.) еще был фактическим главой ОХЛ.

Отто Густав фон Ниднер (1869–1946), был первым лейб-медиком императора Вильгельма II, имея чин генерал-обер-арцта.

Лучшими работами по данной теме до сих пор остаются: *Gehrke U.* Persien in der deutschen Orientpolitik während Ersten Weltkrieges: 2 Bde. Stuttgart, 1960; *Zürner W.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt/M.; Las Vegas, 1978. Воспоминания: *Kiesling H. v.* Der deutsche Krieg in Persien / hrsg. von W. Keitz. B., 2021.

См. прим. 1 на с. 175.

См. публицистическую версию событий и мемуары: *Niedermayer O. v. Unter der Glutsonne Irans. Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afghanistan. München, 1925; Hentig W. O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962.*

Широкая слава Т. Э. Лоуренса (Аравийского) (1888–1935) основана на успехе его книги и ряда экранизаций, однако научное исследование его карьеры как разведчика и аналогичных усилий Центральных держав продолжается до сих пор: *Will A. Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis*. Köln, 2012; *Playing Lawrence on the other side. Die Expedition Klein und das deutsch-osmanische Bündnis im Ersten Weltkrieg* / hrsg. v. V. Veltzke. B., 2014.

См. прим. 3 на с. 105.

Автор, в свою очередь, переоценивает эффект от усилий Вассмуса и Нидермайера. Британцы действительно выделили для наращивания контроля над Афганистаном, Персией и Персидским заливом очень крупные силы, однако имели в виду перспективу прочного закрепления всего Среднего Востока в своей сфере влияния, особенно после распада Российской империи. Для этой задачи привлекались в основном индийские войска, которые были мало пригодны для действий на Западном фронте и вообще на европейских фронтах, что было неоднократно доказано на практике.

Но далеко не всем. У Нидермайера было немало противников, оспаривавших перспективность дальнейших усилий Германии в регионе, и во время советско-германского сотрудничества, и тем более после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Скепсис по поводу Нидермайера и результатов его экспедиции и после Великой войны сохраняли некоторые из тех, кто имел личный опыт активных действий на Ближнем Востоке. См., например, отзывы Ф. Кресса фон Крессенштейна: *Kreß von Kressenstein, Lebenserinnerungen*. S. 81 ff.

Имеется в виду переиздание 1936 г. книги «Под палящим солнцем Ирана», см. прим. 2 на с. 219.

Артур Бопп (1860–1928), полковник. С октября 1915 г. служил в штабе К. фон дер Гольца, затем в 6-й османской армии и в миссии Адольфа Фридриха Мекленбургского. После перевода на Восточный фронт стал командующим 52-й ландверной пехотной бригадой. «Прославился» разгромом так называемого Красного десанта под Таганрогом 8–12 июня 1918 г., по итогам которого Бопп распорядился казнить всех сдавшихся в плен и пытавшихся бежать на суда, без различия пола и возраста. Погибло не менее 3,5 тысячи безоружных людей. По итогам вызванного этим скандала Бопп, несмотря на поддержку ряда вышестоящих командных инстанций, был лишен возможности продолжить военную карьеру, ушел в отставку в звании генерал-майора. См. подр.: *Миргородский А. В. Красный десант 1918 года.* СПб., 2022.

Здесь и далее автор называет его именно так. Германия дважды способствовала формированию непризнанного временного правительства во главе с Реза Коли Хан Незам аль-Салтане (1829–1918), отправив для этого специальную миссию во главе с очень влиятельным дипломатом Р. Надольны. См. об этом подр.: *Atabaki T. Iran and the First World War. L., 2006*; *Jonas M., Zinke J. «Wir stehen mit der Zukunft im Bunde»*. Rudolf Nadolny, das Auswärtige Amt und die deutsche Persienpolitik im Ersten Weltkrieg // *Erster Weltkrieg und Dschihad. S. 61–89*.

См. прим. 2 на с. 24.

399

22–25 ноября 1915 г.

29 апреля 1916 г. по григорианскому календарю. 73-летний К. фон дер Гольц скончался 19 апреля, ходили слухи, что он был отравлен завистниками из турецкого командования.

Георг Карл граф фон Каниц-Поданген (1877–1916), ротмистр резерва 2-го гвардейского уланского полка; чрезвычайный военный атташе в Персии в 1915–1916 гг. Его гибель Р. Надольны описывал как героическое самоубийство, см.: *Nadolny R. Mein Beitrag. S. 89.*

Али Риза (1868–1927), бригадный генерал османской армии. Был начальником штаба 2-й армии, с апреля 1918 г. – командующий 15-м корпусом.

См., напр.: *Krethlow C. A. Baghdad 1915/17. Weltkrieg in der Wüste.* Paderborn, 2018. S. 93–102.

См. подр.: *Jonas M., Zinke J.* «Wir stehen mit der Zukunft im Bunde»;
Nadolny R. Mein Beitrag. S. 89–105.

Хотя по прямой оно составляет около 270 км, с учетом рельефа и местных дорог проехать из Багдада в Керманшах пришлось бы не менее 350 км.

Эта проблема стала одной из базовых в германской внешней политике, особенно на периферийных фронтах. С ней сталкивались Р. фон дер Гольц в Гельсингфорсе, В. Грёнер в Киеве, Ф. Кресс фон Крессенштейн в Тифлисе и т. д.

407

Так в тексте.

Р. Надольны был первым послом Германии в Анкаре в 1924–1932 гг., а должность в Москве официально занимал с октября 1933 по июнь 1934 г., что позволяет довольно точно датировать время написания этих мемуаров. См. подр.: Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehher? S. 23–26, 270–280.

Вихард граф фон Виламовиц-Мёллендорф – младший (1873 – 16 июля 1916 г.), ротмистр запаса, был богатейшим владельцем майората Гадов. В 1916 г. он был в поездке по Месопотамии и умер в Багдаде от сердечного приступа. Перлеберг – ныне центр района в округе Пригниц. См. о деталях его внезапной кончины: *Nadolny R. Mein Beitrag. S. 91.*

410

Идущий на смерть приветствует тебя (лат.).

Он оставил весьма интересные мемуары. См. прим. 1 на с. 172.

Герольд фон Гляйх (1869–1938), полковник, генерал-майор османской службы. Начальник штаба 6-й османской армии до января 1917 г. См. его не раз переиздававшиеся воспоминания и статью: *Gleich G. v. Vom Balkan nach Bagdad. Militärisch-politische Erinnerungen an den Orient.* В., 1921; *Gleich G. v. Betrachtungen über die Kriegführung in Mesopotamien // Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer* 3 (1923). S. 81–105. Позднее генерал фон Гляйх стал известным физиком.

На келлеках, см. на с. 42. По легенде, Ной спасся именно на г. Арарат, то есть неподалеку от верховьев Тигра.

Обер-лейтенант в конно-гренадерском полку, барон фон Дерффлингер. С 1916 г. был командирован в группу армий F («Йилдырым»).

Он работал в Мосуле с 1911 г. и стал одним из главных германских экспертов по региону. См. прим. 1 на с. 63.

Основанная незадолго до этого и ставшая священным для шиитов городом Самарра была резиденцией халифов из династии Аббасидов с 836 по 892 г.

Харун-ар-Рашид был халифом Аббасидского халифата в 786–809 гг. Именно его правление считается расцветом державы, после чего последовали быстрая дезинтеграция и упадок. Именно этот халиф выведен в сказках «Тысячи и одной ночи».

Гельмут Риттер (1892–1971), востоковед, переводчик с арабского, турецкого и персидского в германских частях в Ираке и Палестине.

419

Айерманн, советник интендантства, лейтенант ландвера из 18-го корпусного округа.

О специфике позиции арабских лидеров и офицеров-арабов османской армии, в том числе по отношению к союзу с Германией и на фоне эскалации националистических конфликтов см.: *Jaeckel de Aldana J.* Feuerfunken im Orient 1914–1916: arabisch-osmanische Offiziere und haschimitische Aristokraten vor dem großen arabischen Aufstand. В., 2015.

Династия эмиров Джебель-Шаммара Аль Рашид правила в 1834–1921 гг., иногда становясь претендентом на интеграцию земель Аравийского полуострова в противовес государству Саудитов. Не слишком ясно, кого именно из представителей этой династии имеет в виду автор, вероятно это был Сауд бин Абд Аль-Азиз-ар-Рашид (1898–1920).

Далее в оригинале обрыв текста, возможно, не хватает одной страницы.

См.: *Jonas M., Zinke J.* «Wir stehen mit der Zukunft im Bunde». S. 72–81.

Правильно: Эмер Февзи-бей (?–1937), турецкий военный атташе в Керманшахе при временном правительстве Персии.

См. для сравнения отзыв о нем Параквина в его статьях: с. 186–194.

426

27 января.

Ныне Переднеазиатский музей в Берлине.

Макс Хессе (1870–1947), консул в Багдаде в 1911–1917 гг.

Генерала Мода. См. прим. 4 на с. 29.

То есть тыловой инспекции объединенных в группу армий «Йилдырым» сил Центральных держав и на Палестинском, и на Сирийском фронтах.

Автор намеренно приуменьшает. Численность состава Азиатского корпуса быстро достигла 11 тысяч человек (а всего на Палестинском фронте к концу 1917 г. было до 18 тысяч германских военнослужащих), что по меркам 1917–1918 гг. составляет полную дивизию, а на фоне турецких соединений (по 1200 человек на дивизию и максимум 50 тысяч на армию) оказывается одним из наиболее укомплектованных корпусов. См. детали: *Mühlmann С. v. Waffenbündnis*. S. 125, 150 f.; *Afflerbach H. Falkenhayn*. S. 475.

Фалькенгайн платил Джемалю полной взаимностью, после тяжелого поражения в осенней кампании 1917 г. и еще до взятия англичанами Иерусалима он добился временного отстранения одного из младотурецких триумвиров от командования в Палестине и его отправки в командировку в Германию. Вместо него вновь образованной 8-й армией должен был командовать Мустафа Кемаль (будущий Ататюрк). Последовали отставки Кресса фон Крессенштейна и Ф. Бронзарта фон Шеллендорфа, началось преобразование Палестинского фронта, которое только усилило хаос во время повторных ударов англичан. Узнав об активных мерах по укреплению фронта, Алленби резко ускорил наступление осенью 1917 г. Кадровые перестановки оказались едва ли не последним успехом Фалькенгайна, за которыми последовал быстрый и неутешительный финал его деятельности. См. подр.: *Afflerbach H. Falkenhayn. S. 478–481.*

Автор имеет в виду пик карьеры генерала Ф. Кресса фон Крессенштейна в 1928–1929 гг., когда он стал командующим одной из двух войсковых группировок 100-тысячного рейхсвера.

При анализе критики в адрес Э. фон Фалькенгайна следует иметь в виду, что он умер уже в апреле 1922 г., не успев представить свою версию событий на турецких фронтах (его книги описывали только его пребывание в ОХЛ и Румынии), а потому его оппоненты, писавшие значительно позднее, оказались в особенно выгодном положении. Не слишком подробно описывается этот этап его карьеры в обеих его биографиях (1926 и 1994 гг., см. прим. 1 на с. 47). Предпринятая к концу 1920-х гг. попытка сделать более конструктивной критику в адрес Фалькенгайна – за всю его карьеру в годы Великой войны – должного эффекта не возымела, см.: *Zwehl H. v. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie. S. 298–300, 317–320.* Здоровье генерала, скончавшегося на 61-м году жизни, подорвала именно его миссия на Ближнем Востоке и пережитая по ее итогам тяжелая психологическая травма. Некоторые фрагменты его письменного наследия находятся в частных коллекциях, а доступ к основной его части был открыт исследователям только в 1990 г. Это, наряду с неблагоприятной для военно-исторических исследований конъюнктурой в современной западной историографии, привело к сохранению заметной лакуны в истории германо-турецкого военного сотрудничества в 1917–1918 гг.

Фалькенгайн никогда не страшился пребывания поближе к фронту, однако в данном случае был занят координацией действий двух очень отдаленных театров военных действий, для чего Алеппо как железнодорожный узел был оптимальным выбором. Кроме того, он справедливо опасался саботажа своих распоряжений со стороны Джемалы, поэтому необходимо было его личное присутствие в точке распределения прибывающих грузов и подкреплений. В штабе Фалькенгайна действительно было 64 германских офицера и лишь 11 турецких, так что автор в целом прав. См.: *Afflerbach H. Falkenhayn. S. 476.*

Это стало следствием массы интриг и объединенных усилий Энвера, Джемалю, Лимана фон Сандерса, побывавшего накануне на Западном фронте и в германской Ставке, при некотором участии Г. фон Секта. Фалькенгайн оставил свой пост бесславно, в конце февраля 1918 г. Сам О. Лиман фон Сандерс в этом признавался лишь косвенно, настаивая, что принял пост так же, как и его предшественник, не подозревая о стремлении турок полностью перераспределить центр тяжести усилий в пользу Закавказья. Характерно, что он выехал из Константинополя с таким расчетом, чтобы разминуться с Фалькенгайном в дороге, прибыв в Палестину 1 марта, см.: *Liman von Sanders O. Fünf Jahre Türkei*. В., 1920. S. 245–249. См. также прим. 3 на с. 174, прим. 1 на с. 246.

437

Род ковра.

Алеппо действительно был городом эллинистического времени Вавилом, однако столицами Селевкидов были близкая к нему Антиохия и Селевкия на Тигре.

20 февраля Э. фон Фалькенгайн подал прошение об отставке, зная, что оно будет принято, и подозревая масштабные интриги против него на высшем уровне. 25 февраля 1918 г. он получил официальное согласие на новое назначение (командующим 10-й армией, наступавшей тогда в Белоруссии) и был снят с прежнего поста вместе со своим начальником штаба полковником фон Доммесом. См. подр.: *Zwehl H. v. Erich v. Falkenhayn, General der Infanterie. S. 295–298.*